

Яков Михайлович Захер

ДВИЖЕНИЕ «БЕШЕНЫХ»

М.: издательство социально-экономической литературы. 1961

Веб-публикация: библиотека Vive Liberta и Век
Просвещения, 2010

Глава I. **ИСТОРИОГРАФИЯ «БЕШЕНЫХ»**

Глава II. **СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА И ПРЕДПОСЫЛКИ ВЫСТУПЛЕНИЯ «БЕШЕНЫХ»**

Глава III. **ЭТАПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «БЕШЕНЫХ»**

«Бешеные» в борьбе с Жирондой

Критика «бешеными» деятельности якобинцев

Поражение «бешеных»

Глава IV. **ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ «БЕШЕНЫХ»**

Характерные черты мировоззрения «бешеных»

Слабость организации

Историческое значение движения «бешеных»

Движению «бешеных» и его руководителям посвящены работы:

Жак Ру. Речь о причинах несчастий французской республики

В.Марков. Рукопись Жака Ру «Речь о причинах несчастий французской республики»

http://vive-liberta.narod.ru/journal/roux_markow.pdf

Т.Солтановская. Ж.-П.Марат и «бешеные» весной 1793 г.

http://vive-liberta.narod.ru/journal/soltan_marat.pdf

Ц.Фридлянд. Классовая борьба в июне-июле 1793 г.

<http://vive-liberta.narod.ru/journal/fridl93.pdf>

Я.Захер. «Бешеные», их деятельность и историческое значение

http://vive-liberta.narod.ru/journal/zakher_enrages.pdf

Я.Захер. Жак Ру и якобинская конституция 1793 г.

http://vive-liberta.narod.ru/journal/zakher_roux.pdf

Я.Захер. Жан Варле во время якобинской диктатуры

http://vive-liberta.narod.ru/journal/zakh_varlet.pdf

Я.Захер. Теофиль Леклерк и его «Друг народа»

http://vive-liberta.narod.ru/journal/zakher_leclerc.pdf

Я.Захер. Последние работы (с предисл.А.Гордона). Общество революционных республиканок 1793 г. и его борьба с якобинцами. Жак Ру в 1792 г. О двух темных местах ранней биографии Жака Ру
http://enlightment2005.narod.ru/arc/zakher_last.pdf

Я.Захер. Последний период деятельности Жака Ру

http://vive-liberta.narod.ru/journal/zakher_roux58.pdf

Г.Серебрякова. Клер Лакомб

http://vive-liberta.narod.ru/revol_fem/red_rose.htm#gs

См. также

А.Гордон. Падение жирондистов

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/gord_girond.htm

Е.Киселева. Политика якобинской диктатуры в области регламентации торговли и промышленности весной-летом 1794 года. В сб. «Французская революция XVIII в.: экономика, политика, идеология»

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p62843452.htm#>

Е.Кожокин. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до 1848 г.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p57335227.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p57829096.htm>

К.Раткевич. Французские рабочие в годы Великой революции

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p77378626.htm>

Другие работы Я. М. Захера:

Я.Захер. Парижские секции 1790-95 годов: политическая роль и организация

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/zakher_paris.htm

Я.Захер. Робеспьер

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p84297959.htm>

Я.Захер. Сен-Жюст: жизнь, деятельность, идеология

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81445775.htm>

Я.Захер. Дехристианизаторская деятельность Фуше

http://vive-liberta.narod.ru/journal/fouchet_zakher.pdf

Я.Захер. Тюрго

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p79951619.htm>

Об авторе: http://vive-liberta.narod.ru/journal/zakher_zolot.htm

Французская революция породила идеи, выводящие за пределы *идей* всего старого мирового порядка. Революционное движение, которое началось в 1789 г в *Cercle social*, которое в середине своего пути имело своими главными представителями *Леклерка* и *Руи*, наконец, потерпело на время поражение вместе с заговором *Бабефа*, — движение это породило коммунистическую идею, которая после революции 1830 г снова введена была во Франции другом *Бабефа*, *Буонарроти*. Эта идея, при последовательной ее разработке, есть *идея нового мирового порядка*.

К.Маркс и *Ф.Энгельс*,
Святое семейство

(*К.Маркс* и *Ф.Энгельс*,

Соч., т.2, стр.132)

Глава I. ИСТОРИОГРАФИЯ «БЕШЕНЫХ»

I

О движении «бешеных» историография Великой французской революции до начала XX в. почти полностью умалчивала. Причины этого явления понять нетрудно: исторические исследования писались в то время одними только представителями дворянского и буржуазного классов, а классы эти были заинтересованы в том, чтобы если не полностью скрыть (что было невозможно сделать), то хотя бы максимально затушевать ту решающую роль, которую сыграли в революции 1789—1794 гг. народные массы. Вот почему вся дворянская и буржуазная историография «Великой революции» посвящена за редкими исключениями одной только ее

парламентской истории и сознательно исключает из поля зрения деятельность народных масс города и деревни и их виднейших вождей — «бешеных» и Бабефа.

Эта общая черта историографии XIX в. с полной очевидностью выявилась уже у первых буржуазных историков революции 1789—1794 г. — *Минье* и *Тьера*, хотя и признававших существование во время этой революции классовой борьбы, но усматривавших ее лишь в борьбе между «третьим сословием» в целом и феодалами, но отнюдь не внутри «третьего сословия». Тьер и Минье, бывшие, как известно, представителями той части крупной буржуазии, которую Маркс называл «финансовой аристократией», писали свои труды с целью доказательства необходимости возвращения к тем приемлемым для крупной буржуазии завоеваниям революции, которые были частично потеряны в период реставрации. Естественно, что они выставляли на первый план роль, сыгранную в революции самой буржуазией, и всячески затушевывали роль народных масс. Вот почему Минье ни разу не упоминает о «бешеных», а Тьер упоминает вскользь и мимоходом об отдельных представителях этого течения. Исключение составляет одно место, где он говорит о происшедшем в июне 1793 г. столкновении между «бешеными» и якобинцами¹, где обнаруживается сочувствие автора якобинцам.

В отличие от них *Мишле* выражал интересы враждебной режиму Луи-Филиппа промышленной буржуазии 30-х и 40-х годов XIX в., которая вела с финансовой аристократией борьбу за власть и в этой борьбе готова была использовать помощь рабочего класса, стремясь при этом полностью подчинить его своему руководству. Средством для подчинения служила одеваемая ею личина «народолюбия». Эти обстоятельства наложили ясный отпечаток на всю трактовку Мишле истории революции 1789—1794 гг. В своем многотомном труде по истории ре-

¹ A. Thiers, Histoire de la Revolution Française, t. I, Paris, 1845, p. 273, 296—297, 331, 333, 337, 345, 366.

волюции Мишле как будто симпатизирует народным массам и их руководителям, в трогательных выражениях описывает страдания от дороговизны и голода плебейских масс Парижа и других городов, пытается реабилитировать память Жака Ру и его единомышленников. Жак Ру, говорит он, «хотя и фанатик, но честный революционер...»¹. Но он «симпатизировал» «бешеным» лишь постольку, поскольку эта «симпатия» служила средством для затушевывания коренной противоположности интересов между классами эксплуатируемых и эксплуататоров. К нему полностью относится указание В. И. Ленина о том, что «всегда и везде буржуазия выступала против отживших сословных рамок и других средневековых учреждений во имя всего «народа», классовые противоречия внутри которого были еще не развиты...»².

Понимая, что «бешеные» выступали не за классовый мир, а отстаивали, хотя и не всегда достаточно последовательно, необходимость революционной борьбы «бедных» с «богатыми», Мишле не мог скрыть своего враждебного к ним отношения. Вот почему наряду с положительной характеристикой Жака Ру читатель находит у него и самые не лестные отзывы о «бешеных» вроде, того, что Жак Ру — это сумасшедший (*un furieux*)³ и эксцентрик⁴, Леклер — «буян, требующий крови, смерти и разрушения»⁵, а Варле — человек, «скачущий, пока может убивать только на словах»⁶.

Двойственное отношение Мишле к «бешеным» объясняется тем, что он являлся выразителем интересов промышленной буржуазии, которая сильно страдала от экономической политики «финансовой аристократии». Эта промышленная буржуазия находилась в оппозиции правительству Луи-Филиппа и

¹ J. Michelet, Histoire de la Revolution Française, t. IX, Paris, 1847—1863, p. 19.

² В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 401—402

³ J. Michelet, op. cit., t. VI, p. 276

⁴ J. Michelet, op. cit., t. VII, p. XXXVI

⁵ Там же, стр. 204.

⁶ J. Michelet, op. cit., t. VI, p. 360.

искала поддержки еще недостаточно зрелого рабочего класса. Когда же после революции 1848 г. она пришла к власти и, главное, когда пример Парижской коммуны 1871 г. — первого в истории опыта пролетарской диктатуры — наглядно показал историческую обреченность ее господства, крупная промышленная буржуазия Франции от частичного оправдания Великой буржуазной революции перешла к огульному осуждению всякой революции вообще. Именно с этих позиций выступил *Ипполит Тэн*, писавший свою книгу «Происхождение современной Франции» под непосредственным впечатлением Парижской коммуны 1871 г. Осуждая всю революцию 1789—1794 гг., Тэн в одинаково черных тонах рисовал все партии и всех деятелей великой революционной драмы конца XVIII в. — от фельянов до Бабефа включительно. Для него Робеспьер, Марат и др. были «демагогами первого ранга», а Жак Ру и прочие «водители Коммуны и кордельеров» — лишь «демагогами второго ранга»¹. Варле и его товарищей он презрительно называет «мерзавцами», марионетками в чужих руках и все время подчеркивает их полную неизвестность².

Не лучшее мнение о «бешеных» имели историки мелкобуржуазного направления, которые по самой своей классовой сущности оправдывали Великую буржуазную революцию в целом и в особенности политику якобинцев. Известно, что якобинцы, нанося основной удар по контрреволюционерам из среды дворянства и жирондистской крупной буржуазии, вместе с тем, хотя и в несравненно меньшей степени, били и по плебейским массам и их руководителям — «бешеным». Мелкобуржуазные историки, оправдывая во всем без исключения якобинцев, в особенно Робеспьера, неизменно оправдывали и якобинскую политику в отношении «бешеных», характеризуя последних как агентов контрреволюции.

¹ *H. Taine*, *Les origines de la France contemporaine*, t. VIII, Paris, 1912, p. 11.

² *H. Taine*, *Les origines de la France contemporaine*, t. VI, Paris, 1911, p. 241—242.

Так наиболее видный представитель этого направления французской историографии середины XIX в. *Луи Блан* утверждал, что подлинными вождями революции 1789—1794 гг. были робеспьеристы, а «бешеные» — лишь «мнимые вожди», в действительности являющиеся агентами контрреволюции¹.

Уже их первое выступление — в марте 1793 г. — Луи Блан объясняет как результат провокации контрреволюционеров.

Он резко нападал на «бешеных» за их недовольство конституцией 1793 г. и выступление в июне 1793 г., с негодованием отзывался о Жаке Ру, приписывал «бешеным» провокацию продовольственных волнений в последних числах июня и радовался преследованиям, начатым якобинцами против «бешеных».

Так же трактовал «бешеных» современник Луи Блана, другой мелкобуржуазный историк французской революции, — *Амель*, автор трехтомной «Истории Робеспьера» и двухтомной «Истории Сен-Жюста». Для Амеля «бешеные» — «часть революционеров, проникнутая стремлением к беспорядку...», которые столь же опасны для революции, как и роялисты. Он подчеркивал, что именно «такого рода люди мешали во все времена окончательному установлению демократии»².

Под влиянием Луи Блана и Амеля до некоторой степени находился виднейший историк правосоциалистического направления, один из крупнейших лидеров довоенного Второго Интернационала — *Жан Жорес*. Не решаясь обвинять «бешеных» в субъективной контрреволюционности, как это делал Луи Блан, Жорес вслед за Амелем говорил об объективной контрреволюционности их деятельности, что вполне соответствовало основным установкам Второго Интернационала в вопросе о движущих силах буржуазно-демократической революции.

¹ *L. Blanc*, *Histoire de la Revolution Francaise*, t. IX, 1878, p. 266.

² *E. Hamel*, *Histoire de Robespierre*, t. III, p. 25.

«Не означает ли понятие буржуазная революция, — говорит В. И. Ленин, — того, что совершить ее может только буржуазия?»

На этот взгляд часто сбиваются меньшевики. Но этот взгляд есть карикатура на марксизм. Буржуазное — по своему общественно-экономическому содержанию — освободительное движение не является таковым по его движущим силам. Движущими силами его могут быть не буржуазия, а пролетариат и крестьянство¹.

Подходя к Французской буржуазной революции XVIII в. с ошибочной точкой зрения, Жорес единственную движущую силу этой революции видел в буржуазии и всякое направленное против нее движение рассматривал как объективно реакционное.

Ошибочно утверждая, будто Жак Ру в отличие от Бабефа, отражавшего интересы рабочих мануфактур², «в гораздо меньшей степени отражал мысль рабочих, нежели недовольство, зависть, страдание и страх ремесленной и рантье́рской мелкой буржуазии, питавшей отвращение ко всему, что мы ныне называем коллективизмом», Жорес тем самым «доказывал» эту «реакционную роль» «бешеных». Особенно возмущало Жореса негодование Жака Ру и других «бешеных» по поводу образования во время и благодаря революции «новой» буржуазии³.

Но, несмотря на ошибочную точку зрения Жореса на роль, сыгранную «бешеными» во время Французской революции, нельзя все же обойти молчанием одну положительную сторону его книги. Для своего анализа деятельности и взглядов «бешеных» Жорес использовал значительный печатный и архивный материал, ранее ускользавший от внимания историков⁴.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 12, стр. 297—298.

² Jean Jaures, Histoire socialiste de la Revolution Francaise, edition Mathiez, t. VII, p. 48.

³ J. Jaures, op. cit., t. VIII, p. 159.

⁴ Кроме имеющихся в Парижской Национальной библиотеке газет и брошюр «бешеных», Жорес использовал и обильно цитировал сохранившуюся в картоне W²⁰ Национального архива

Подобно Жоресу относился к «бешеным» немецкий социал-демократический историк Французской буржуазной революции Генрих Кунов. Он также считал что движение «бешеных» «характеризовалось мелкобуржуазными, в известном смысле можно даже сказать — ремесленными чертами» и что оно «питалось исключительно тем отчаянием, которым были, охвачены мелкие мастера при виде уничтожения их экономического бытия торговым и промышленным капиталом, быстро расширявшимся при новой свободе». Поэтому требования «бешеных» Кунов считал хотя и «полукоммунистическими», но вместе с тем и прежде всего «антикапиталистическими»¹.

Прямым продолжателем Жореса в изучении «бешеных» явился крупнейший исследователь истории Французской буржуазной революции на протяжении всей первой трети XX в. профессор Сорбонны Альбер Матьез (умер в 1932 г.). В своих многочисленных книгах и статьях (трехтомной «Французской революции», ее продолжении — «Термидорианской реакции», незаконченной «Директории» и особенно в вышедшей в 1927 г. книге «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора») Матьез не только уделил значительное внимание «бешеным», но и вслед за Жоресом пустил в обращение огромный новый документальный (в основном архивный) материал. Но наряду с интересом к «бешеным» Матьез унаследовал от Жореса также и его ошибочную оценку их исторического значения. Матьезовская концепция «бешеных», равно как и концепция Жореса и Кунова, оказала немалое отрицательное влияние на последующую буржуазную и частично раннюю советскую историографию вопроса.

При всех своих многочисленных шатаниях и колебаниях в области политических взглядов Матьез, по его собственному неоднократному признанию, всю

и оставшуюся до 1959 г. неизданной речь Жака Ру «О причинах несчастий Французской Республики».

¹ Г. Кунов, Борьба классов и партий в Великой французской революции, изд. 3, М.—П., 1923, стр. 561—562, 564—565. Впервые вышла на немецком языке в 1912 г.

свою жизнь оставался «робеспьеристом». Как в основном им «Societe des etudes robespierristes», так и в основном и редактировавшемся им до самой смерти журнале «Annales revolutionnaires» (он был впоследствии переименован в «Annales Historiques de la Revolution Francaise») Альбер Матъез всегда и неизменно ставил перед собой одну и ту же задачу — реабилитацию Максимилиана Робеспьера. При этом, стараясь оправдать всю, без всяких исключений, деятельность Робеспьера, создатель «робеспьеристской школы» в изучении истории революции 1789—1794 гг., подобно Луи Блану и Амелю, оказывался, естественно, вынужденным изображать всех противников Робеспьера как контрреволюционеров¹. Если в отношении противников Робеспьера справа — жирондистов и дантонистов — такая точка зрения была в большей или меньшей степени правомерной, то нет нужды доказывать, что в отношении врагов «Неподкупного» слева подобная точка зрения не могла привести не к чему иному, как к грубейшей — вольной или невольной — фальсификации истории. Именно таковой и оказалась матъезовская концепция «бешеных», наиболее четко выраженная в его капитальном труде о дороговизне и социальном движении во время террора².

«За спиной «бешеных», — утверждает Матъез, — работали роялисты и жирондисты, чтобы разжечь недовольство и вызвать, если возможно, падение Коммуны»³. А потому, заключает Матъез, Робеспьер «оказал революции неоценимую услугу, избавив ее от демагогии «бешеных»»⁴, тем более, что он якобы

¹ По поводу отношения Матъеза к «бешеным» Жорж Лефевр справедливо замечает: «Он не мог не видеть, что именно «бешеные» лучше всех отражали умонастроение санкюлотов. Но ведь Робеспьер боролся с ними!» (Georges Lefebvre, Etudes sur la Revolution Francaise, Paris, 1954, p. 21).

² А. Матъез, Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора, М., 1928 (далее — А. Матъез, Борьба с дороговизной...).

³ А. Матъез, Борьба с дороговизной..., стр. 218

⁴ А. Mathiez, La Revolution Francaise, t. III, Paris, 1927, p. 31.

при этом действовал не под влиянием классовых соображений, а только в интересах революции, как

таковой¹. Такой же ненаучной, вредной и неприемлемой для марксистско-ленинской историографии была оценка «бешеных» крупнейшим представителем русского анархизма — П. А. Кропоткиным. В книге «Великая французская революция», впервые изданной на французском языке в 1909 г., он без всякого к тому основания изображал «бешеных» как исторических предшественников анархизма, рассматривал их как сторонников какого-то «коммунизма потребления»². Но Кропоткин в противоположность всем буржуазным и правосоциалистическим историкам выдвинул на первый план роль народных масс как основных движущих сил истории вообще и Французской революции в частности и сделал попытку конкретно выявить во взглядах «бешеных» элементы социалистического характера, что имело некоторое положительное значение, поскольку на эту сторону более полувека никто не обращал внимания. При этом нельзя забывать, что сам-то Кропоткин отнюдь не являлся представителем научного социализма, а поэтому и здесь у него были неизбежны ошибки.

Высказывание о «бешеных» можно найти в книге французского троцкистского публициста *Даниеля Герэна*³. Написав ее с точки зрения теории «перманентной революции», основываясь на одних только печатных источниках, Герэн рассматривает Французскую буржуазную революцию как «сосуществование» буржуазной революции с «эмбрионом» революции пролетарской⁴. В полном соответствии с обычным троцкистским канонам все классы Франции конца XVIII в. он рассматривает как единую реакционную массу и противопоставляет их

¹ См. А. Матъез, Борьба с дороговизной..., стр. 211.

² П. А. Кропоткин, Великая французская революция, М., 1918, стр. 4.

³ D. Guerin, La lutte des classes sous la premiere Republique. Bourgeois et «bras-nus», t. I—II, Paris, 1946.

⁴ См. там же, т. I, стр. 5, 9, 10.

Пролетариату «bras-nus» (т. е. людям физическому труда). Отсюда Национальный конвент, способностью которого «сметь, уметь, иметь силу наносить беспощадные удары контрреволюции»¹. В. И. Ленин восхищался, Герэн называет реакционным², Комитет общественного спасения и Революционный трибунал именуется «орудиями господства буржуазии». Якобинская диктатура, по его мнению, «была направлена против народных масс»³. В противоположность неоднократным высказываниям классиков марксизма-ленинизма Герэн в огромной степени преувеличивает уровень развития французского предпролетариата XVIII в. и называет «бешеных» «слишком рано пришедшими провозвестниками пролетарской революции»⁴. При этом он не останавливается перед прямой фальсификацией взглядов Маркса. В то время как Маркс утверждал, что идеи, высказанные *Cercle social*, Ру и Леклером, стали «идеей нового мирового порядка» лишь после их последовательной разработки, Герэн, приводя соответствующую цитату из «Святого семейства»⁵, опускает конец фразы, в результате чего получается, что взгляды «бешеных» уже в той форме, в которой они были ими высказаны, являлись коммунистическими!

Книга Герэна вызвала резкую критику со стороны не только зарубежных историков-марксистов⁶, но и со стороны недавно скончавшегося прогрессивного буржуазного ученого Жоржа Лефевра⁷.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 178.

² D. Guerin, op. cit., t. II, p. 60.

³ Там же, стр. 4—7.

⁴ D. Guerin, op. cit., t. I, p. 250—256.

⁵ См. там же, стр. 76—77.

⁶ G. Rude, La composition sociale des insurrection parisiennes de 1789 a 1791 («Annales Historiques de la Revolution Francaise», 1952, № 127); G. Rude, Les ouvriers parisiens dans la Revolution Francaise («La Pensee», 1953, № 48—49); A. Soboul, Classes et lutte des classes sous la Revolution Francaise («La Pensee», 1954, № 53); A. Soboul, Les sans-culottes parisiens. Histoire politique et sociale des sections de Paris, 2 juin 1793—9 thermidor an II, 1958, p. 9, 166.

⁷ «Annales Historiques de la Revolution Francaise», 1947, № 106, p. 173—179.

Бесспорное влияние рассмотренных нами выше немарксистских концепций "бешеных" чувствуется на вышедшей около десяти лет тому назад книжке историка

Мориса Домманже

«Жак Ру (красный священник) и манифест Бешеных!»* Интерес этой работы заключается в том, что она является единственной в зарубежной литературе книгой специально посвященной «бешеным». К сожалению она основана исключительно на печатных источниках и полностью игнорирует архивные материалы.

II

Сказанное выше дает право утверждать, что все историк, чуждые марксистскому пониманию исторического процесса, либо почти полностью обходят молчанием самое существование «бешеных», либо дают искаженное изображение их деятельности и взглядов. Как раньше, так и теперь они приспособливают историю Французской революции к своим классовым интересам, к своим политическим взглядам и целям, т. е. подходят к ней с субъективных позиций. Отсюда ошибки и искажения, ибо, лишь исходя из метода диалектического материализма, возможно прийти к правильному, соответствующему действительности пониманию как Великой французской буржуазной революции в целом, так и роли, сыгранной в ней плебейскими массами и выразителями их интересов — «бешеными». Такое понимание этой революции читатель найдет у марксистско-ленинских историков и в первую очередь у историков советских.

Однако было бы неверным предполагать, что советская историография революции 1789—1794 г. сразу пришла к правильному пониманию исторической роли «бешеных». На многих ранних работах совет-

¹ M. Dommanget, Jacques Roux (le cure rouge) et le Manifeste des Enrages, Paris, s. d.

ских историков сказывалось не критическое отношение к трудам Жореса, Кунова и Матвеза, что явилось причиной содержащихся в них серьезных методологических ошибок. В этом отношении характерна книга «Бешеные», автора настоящей работы, в которой, подобно работам Жореса и Кунова, утверждалось, что, несмотря на субъективную революционность «бешеных», деятельность их являлась объективно реакционной¹. На этой же ошибочной точке зрения стояли в своих работах 20-х годов Н. М. Лукин² и С. М. Моносов³, а Ц. Фридлянд впадал в не менее грубую ошибку, когда рассматривал «бешеных» не как выразителей интересов плебейских масс, а лишь как «беспомощных левых якобинцев»⁴.

Однако советские историки понимали, что самое главное в истории революции 1789—1794 гг. это не ее «парламентская история», а история движения народных масс, и им уделяли преимущественное внимание. Кроме того, необходимо отметить, что наряду с указанными выше работами советская историография 20-х годов содержала также работы, в которых вопрос о роли «бешеных» ставился и разрешался совершенно правильно⁵.

Примером правильной трактовки вопроса о «бешеных» может служить вышедший в 1941 г. под редакцией В. П. Волгина и Е. В. Тарле огромный коллективный труд советских историков «Французская буржуазная революция 1789—1794 гг.», в котором «бешеные» рассматриваются как представители «плебейских масс, пролетариев и полупролетариев Парижа» и как наиболее революционная группа того

времени¹. То же следует сказать о книге А. З. Манфреда «Великая французская буржуазная революция», в которой автор утверждает, что «бешеные» были самой левой группировкой демократического лагеря во время французской буржуазной революции и что «разгром «бешеных» — самой левой группировки, выражавшей требования плебейских низов, — ясно обнаруживал буржуазную природу якобинского руководства»².

Эту точку зрения на «бешеных» Манфред проводит и в написанных им разделах по истории революции 1789—1794 гг. шестого тома «Всемирной истории»³, а также второго тома учебника «Новой истории» для студентов исторических факультетов⁴.

Однако в вышеуказанных трудах вопрос о «бешеных» рассматривается лишь мимоходом. Поэтому следует особенно отметить работу, специально посвященную данной проблеме. Речь идет о статье С. Л. Сытина «Борьба плебейских масс Парижа во главе с Ру и Леклером за удовлетворение своих социально-экономических требований в июле — сентябре 1793 г.»⁵.

Характеризуя «бешеных» как выразителей интересов плебейских масс, предпролетариата⁶, С. Л. Сынтин показывает их положительную историческую роль, проявившуюся в том, что взгляды «бешеных»,

¹ См. «Французская буржуазная революция 1789—1794 гг.», М.—Л., 1941, стр. 178, 200, 342—344, 347—349 и др.

² А. З. Манфред, Великая французская буржуазная революция, М.—Л., 1956, стр. 177, 203.

³ См. «Всемирная история», т. VI, М., 1959, стр. 38, 45.

⁴ См. «Новая история», т. II, 1789—1870, М., 1958, стр. 39, 42, 46—47, 48.

⁵ См. «Ученые записки Ульяновского государственного педагогического института имени И. Н. Ульянова», 1956, вып. VIII. Статья эта представляет собою одну из глав защищенной автором в 1952 г. кандидатской диссертации (С. Л. Сынтин, Революционное движение плебейских масс Парижа под руководством Ру и Леклера летом 1793 г. На правах рукописи, М., 1952), написанной на основе изучения имеющихся в Институте марксизма-ленинизма и в ленинградской Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина фотокопий газет и брошюр «бешеных».

⁶ См. там же, стр. 253—254.

¹ См. Я. М. Захер, Бешеные, Л., 1930, стр. 33—35.

² См. Н. М. Лукин (Антонов), Максимилиан Робеспьер, М., 1923, стр. 118.

³ См. С. Моносов, Очерки по истории якобинского клуба, Харьков, 1928, стр. 14.

⁴ См. Ц. Фридлянд, Классовая борьба в июне—июле 1793 г. («Историк-марксист», 1925, т. I, стр. 52, 81; т. II, стр. 195).

⁵ См. Н. П. Фрейберг, Декрет 19 вандемьера и борьба «бешеных» за конституцию 1793 года («Историк-марксист», 1927, т. VI).

как на это указывал Маркс в «Святом семействе», явились важным этапом в формировании пролетарской идеологии¹.

Заставив якобинцев прибегнуть к решительным, революционным мерам в борьбе с контрреволюцией и для разрешения продовольственного вопроса, движение «бешеных» способствовало созданию и укреплению якобинской диктатуры и ее торжеству над своими многочисленными внутренними и внешними врагами².

Исследование этого движения дает богатый материал для показа классовой, буржуазной ограниченности политики якобинцев — наиболее решительных и последовательных буржуазных демократов, для показа на конкретном фактическом материале коренной противоположности революции буржуазной и пролетарской, Французской буржуазной революции, конца XVIII в. и Великой Октябрьской социалистической революции в СССР³.

Анализируя развернувшуюся летом 1793 г. борьбу между парижскими секциями и Коммуной вокруг вопроса о снабжении столицы продовольствием, Сытин показал, что «движение это развивалось на основе программы Жака Ру, Леклера и других предпролетарских революционеров...»⁴.

Ценными являются также статьи В. С. Алексеева-Попова, посвященные деятельности так называемого Социального кружка (Cercle social). Определяя историческую роль Социального кружка, исходя из положения Маркса о преемственности взглядов Cercle social, «бешеных» и Бабефа, Алексеев-Попов сделал ряд важных и интересных замечаний о деятельности «бешеных».

Сходство между взглядами Социального кружка, «бешеных» и Бабефа, утверждает автор, состоит прежде всего в том, что все они в равной мере под-

тверждают положение Энгельса о том, что «движение за социальное преобразование имеет во Франции политическое происхождение. Выяснилось, что демократия не может создать подлинного равенства, и вследствие этого на помощь ей была призвана коммунистическая система»¹.

«Совершенно закономерно поэтому, — заключает он — что именно «Социальный кружок» и его газета «Железные уста» стали летом 1791 г. одним из активнейших центров республиканского демократического движения, что с критикой формальной буржуазной демократии выступил в 1793 г. руководитель «бешеных» Жак Ру, что Бабеф и «Равные» были наиболее последовательными республиканцами. Выступая с требованиями широчайших политических прав, свободы для народа, Фоте и Бонвилль, Ру и Варле, Бабеф и Буонарроти развивали все более и более радикальную программу материальных гарантий этой свободы, видя их в тех или иных ограничениях или изменениях в размерах, а затем и в самом характере собственности, в обеспечении каждому человеку права на труд»².

Руководствуясь положением Маркса об идеологической преемственности Социального кружка и движения «бешеных», Алексеев-Попов пытается установить наличие также связи организационной³.

III

В зарубежной исторической литературе до второй мировой войны не было ни одной марксистской работы, прямо или косвенно посвященной «бешеным». За последнее десятилетие положение

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 530.

² В. С. Алексеев-Попов, «Социальный кружок» и его политические и социальные требования (Сб. «Из истории социально-политических идей», М., 1955, стр. 312-313). Ср. В. С. Алексеев-Попов, «Социальный кружок» и демократическое республиканское движение 1791 г. (Сб. «Из истории общественных движений и международных отношений», М., 1957, стр. 208)

³ См. В. С. Алексеев-Попов, «Социальный кружок» и демократическое республиканское движение 1791 г., стр. 202.

¹ См. «Ученые записки Ульяновского государственного педагогического института», 1956, вып. VIII, стр. 256—257.

² См. там же, стр. 253—254.

³ См. там же, стр. 254.

⁴ С. Л. Сытин, указ. статья, стр. 289—290, 306.

Изменилось. В настоящее время за рубежом появился ряд работ историков-марксистов, а также Прогрессивных историков, частью прямо касающихся «бешеных», частью же затрагивающих смежные с ними проблемы.

Прежде всего необходимо отметить небольшую по размерам, но чрезвычайно ценную по содержанию статью, напечатанную в сборнике, изданном в Берлине в связи с двухсотлетием со дня рождения Робеспьера¹. Статья эта озаглавлена «Робеспьеристы и жакрутены», автором ее является директор Института новой истории при Лейпцигском университете имени Карла Маркса профессор *Вальтер Марков*. Как показывает название, статья специально посвящена Жаку Ру в его взаимоотношениях с якобинцами; частично автор касается и деятельности других «бешеных». Наряду с правильной марксистско-ленинской оценкой «бешеных» огромным достоинством работы немецкого историка является использование им ряда картонов так называемой алфавитной серии F⁷ парижского Национального архива, до сих пор оставшихся неизвестными. Эти материалы вносят очень много нового в вопрос о взаимоотношениях Жака Ру и его окружения в секции Гравилье с их противниками из лагеря робеспьеристов.

Заслугой Вальтера Маркова является также опубликование им на страницах научного органа университета имени Карла Маркса «Речи о причинах несчастий Французской республики» Жака Ру, до сих пор известной только по ее рукописи, хранящейся в картоне W²⁰ Национального архива². Публикация эта снабжена обширным предисловием и подробными комментариями, представляющими значительную ценность. Однако, подчеркивая эти положительные стороны публикации В. Маркова, нельзя все же

¹ «Maximilien Robespierre. 1758—1794. Beiträge zu seinem 200 Geburtstag», Berlin, 1958.

² *W. Markov*, Zu einem Manuskript von Jacques Roux («Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig, 1958—1959, Gesellschaft und Sprachwissenschaftliche Reihe», Heft 2).

не отметить и одного содержащегося в ней ошибочного на мой взгляд, положения - утверждения о том, что Жак Ру требовал конфискации собственности всех богатых, как таковых¹. Это утверждение Маркова не соответствует действительности: Жак Ру требовал конфискации отнюдь не всей собственности богатых, а лишь их богатств, нажитых спекулятивным путем².

Французский историк *Жорж Лефевр*, не считавший себя марксистом, хотя в последние годы жизни был близок к французской коммунистической партии и сотрудничал в «Humanite» и других партийных органах, оставил ряд очень ценных замечаний о «бешеных». Он определял историческое значение «бешеных» как людей, «лучше всех отражавших умонастроение санкюлотов»³, и считал, что «значительное число решающих событий революции... не может быть правильно понято без учета роли санкюлотов»⁴. Эти положения Лефевра получили свое дальнейшее развитие в трудах его учеников, некоторые из которых являются членами французской (Собуль) и английской (Рюде) коммунистических партий.

Парижский профессор *Альбер Собуль* является автором большого количества статей⁵ и вышедшей в 1958 г. огромной по размерам (1168 страниц) докторской диссертации, посвященной деятельности парижских санкюлотов 1793—1794 гг.⁶ Правда, как в

¹ *W. Markov*, Zu einem Manuskript von Jacques Roux («Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig, 1958—1959, Gesellschaft und Sprachwissenschaftliche Reihe», Heft 2), S. 302—303.

² См. Я. М. Захер, Политические и социально-экономические взгляды Жака Ру («Исторические науки», 1960, № 1).

³ *Georges Lefebvre*, Etudes sur la Revolution Francaise, 1954, p. 21.

⁴ «Die Sansculotten von Paris. Dokumente zur Geschichte der Volksbewegung 1793—1794». Herausgegeben von Walter Markov und Albert Soboul mit einem Vorwort von Georges Lefebvre, Berlin 1957, S. VII.

⁵ В 1959 г. большая часть этих статей выпущена издательством «Иностранной литературы» под ред. А. В. Апо.

Albert Soboul, Les sans-culottes parisiens. Histoire politique Rochesur Yon Sections de Paris. 2 juin 1793 - 9 thermidor an an II.

этой книге, так и в статьях Собуля о «бешеных» говорится относительно мало и лишь мимоходом, но огромный материал, впервые пущенный в ней в научный оборот¹, проливает новый свет на ту среду и обстановку, в которых «бешеным» приходилось действовать, а также частично и на самую их деятельность.

Значительный вклад в дело изучения плебейского движения времен революции 1789—1794 гг., а значит, и роли «бешеных» внесли и труды другого ученика Ж. Лефевра — английского профессора Д. Рюде, автора ряда статей и книги «Толпа во французской революции»², основанных на совершенно новом архивном материале. В то время как Собуль свою диссертацию посвятил, так сказать, повседневной жизни парижских санкюлотов, Рюде анализирует их роль во время массовых движений 1789—1795 гг. — так называемых «journees» и характеризует при этом «бешеных» как наиболее левую группировку того времени³.

Прогрессивный английский историк, профессор манчестерского университета Р. Кобб, являющийся автором многочисленных статей, в настоящее время подготавливает к печати капитальную монографию о так называемой революционной армии, в которой, надо полагать, найдет себе известное место и проблема «бешеных».

Ученик Собуля — прогрессивный норвежский историк *Тенессон* в книге «Поражение санкюлотов. Народное движение и буржуазная реакция в III году Республики»⁴, написанной на богатом архивном материале, определяет «бешеных» как наиболее последовательных выразителей интересов санкюлотов¹. *Тенессон*, касаясь деятельности санкюлотов и «беше-

¹ Подробнее об этом см. рецензию автора настоящей работы на книгу Собуля («Новая и новейшая история», 1959, № 4).

² *G. Rude, The Crowd in the French Revolution*, Oxford, 1959. Рецензию на эту книгу Я. М. Захера и С. А. Лотге см. «Вопросы истории», 1959, № 12, стр. 167—169.

³ *G. Rude*, op. cit., p. 119.

⁴ *Kare D. Tennesson, La defaite des sans-culottes. Mouvement populaire et reaction bourgeoise en l'an III*, Oslo—Paris, 1959,

ных, внес много нового и свежего материала в изучение деятельности Варле и Электорального клуба, одним из руководителей которого тот являлся.

* * *

Произведенный нами анализ позволяет утверждать что в последнее десятилетие как советскими историками, так и представителями зарубежной прогрессивной историографии сделан значительный вклад в изучение проблемы «бешеных». Однако работа в этом направлении еще ни в какой степени не может считаться законченной и предстоит сделать еще очень много. Надо ответить на ряд вопросов:

охватывало ли движение «бешеных» другие секции Парижа, кроме секции Гравилье;

ограничивалось ли движение «бешеных» только Парижем, или же оно в той или иной мере захватывало также и другие города Франции? В частности, в какой степени была близка к «бешеным» лионская группа Шалье, из среды которой вышел переселившийся в Париж Теофиль Леклер;

необходимо больше знать о ближайших сподвижниках Жака Ру в секции Гравилье (тех, кого Вальтер Марков назвал «жакрутенами»), друзей Варле в секции Прав человека, о деятельности товаров Клар Лакомб и Полины Леон по тесно примыкавшему к группе «бешеных» клубу революционных республиканок;

можно ли, как это делал Матьез, относить к числу «бешеных» орлеанского революционера Табуру? Был ли связан с «бешеными» ранее связанный с Социальным кружком² мошанский священник Пьер Доливье.

Нет никаких сомнений в том, что в богатейшей так называемой алфавитной серии F⁷ парижского Национального архива содержатся ценнейшие мате-

¹ Там же, стр. 57, 377.

² См. *В. С. Алексеев-Попов*, «Социальный кружок» и демократическое республиканское движение 1791 г., стр. 182—183.

риалы по всем этим вопросам; разыскать и изучить их является одной из наиболее актуальных задач историографии «бешеных». Необходимо также тщательное изучение и провинциальных архивов Франции.

Наконец, нельзя считать полностью исчерпанным и анализ взглядов «бешеных», в частности по вопросу их отношения к праву собственности, на что среди историков-марксистов еще имеют место значительные разногласия (между В. Марковым и другими историками). Весьма вероятно, что дальнейшее изучение как периферии парижской группы «бешеных», так и близких к ним движений в провинции прольет новый свет на этот вопрос и позволит окончательно установить их место в указанной Марксом линии исторической преемственности развития «идеи нового мирового порядка» от Cercle social до Бабефа.

Глава II. СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА И ПРЕДПОСЫЛКИ ВЫСТУПЛЕНИЯ «БЕШЕНЫХ»

I

Так как деятельность «бешеных» в основном проходила в Париже, то и социальные группы, чьи взгляды, интересы и требования выражали «бешеные», следует искать среди парижского населения. Поэтому необходимо разобраться в социальной структуре городских низов Парижа эпохи Великой французской революции.

Историкам, занимающимся проблемами экономического развития Франции XVIII в., хорошо известно, что там в это время не существовало ничего, хотя бы отдаленно напоминающего статистику в современном смысле этого слова. Поэтому для изучения

классового состава низов парижского населения эпохи буржуазной революции первостепенное значение имеет исследование, произведенное Ф. Брешем и опубликованное им в 1912 г. в статье, озаглавленной «Essai de statistique de la population ouvriere de Paris vers 1791»¹.

Как известно, первые ассигнаты, выпущенные по решению Учредительного собрания, состояли только из крупных купюр. Это очень скоро вызвало затруднения в их размене, и в связи с поисками выхода из положения власти обратились ко всем секциям Парижа с запросом о расположенных на их территории предприятиях и числе занятых в них рабочих. Ответы на эти запросы, полученные от 41 из 48 существовавших в Париже секций, сохранились в серии F³⁰ парижского Национального архива. Изучение этих ответов и позволило Брешу со значительной степенью достоверности восстановить общую картину характера рабочего населения Парижа в 1790—1791 гг. Полученные им при этом выводы могут быть резюмированы следующим образом.

В Париже этого времени уже существовало некоторое количество крупных мануфактур. Встречались они преимущественно в различных отраслях текстильной промышленности (производство газовых и некоторых других видов материй, кружев, лент и т. д.) и занимали иногда по 800, 500, 415, 314, 300, 279 и т. д. рабочих. Однако эти крупные мануфактуры все же представляли исключение, и хотя рабочее население Парижа составляло в это время свыше половины всего населения столицы (около 294 тыс. рабочих, включая членов их семейств, на примерно 500—550 тыс. жителей)², огромное большинство его было сосредоточено в мелких и мельчайших предприятиях. Это видно из того, что, по подсчетам Бреша, в среднем по всему Парижу на одно существовавшее в 1791 г. предприятие прихо-

лось 16,6 рабочего и только в некоторых секциях цифра эта достигала 25-30 человек¹.

Эти цифры позволяют с несомненностью утверждать что численное господство в среде трудящегося населения Парижа конца XVIII в. принадлежало не рабочим крупных мануфактур, а трудящимся менее передовых форм промышленности — рабочим рассеянной мануфактуры, подмастерьям и ученикам мелких ремесленных предприятий и даже не эксплуатировавшим чужого труда мелким самостоятельным хозяйчикам². Но будет ли вообще правильным для условий той эпохи противопоставлять друг другу эти различные слои трудящегося населения?

Правда, и накануне, и во время революции имели место неоднократные стачки, во время которых наемные рабочие выступали как самостоятельная сила, отличающаяся не только от мелких самостоятельных хозяйчиков, но также и от ремесленных подмастерьев и учеников. Правда и то, что бывали (случаи, когда наемные рабочие уже начинали сознавать свое особое положение в капиталистическом обществе. Так, например, во время стачки строительных рабочих в июле 1785 г. один из стачечников утверждал, что «многие предприниматели наживаются за счет крови и пота рабочих»³. Однако случаи эти были не более как исключением и вся экономическая обстановка Франции XVIII в. заведомо делала невоз-

¹ «La Revolution Francaise», t. 63, стр. 314—315. Р. Кобб на основании картона F⁷ 3688³ Национального архива определяет число жителей Парижа в III году Республики в 636, 772 человека (*R. Cobb, Les disettes de Fan II et de l'an III dans le district de Mantes, «Paris et l'Ile de France», t. III, 1954, p. 230*). См. также: *G. Rude, The Crowd in the French Revolution, p. 11—12.*

² Именно этой точки зрения придерживается норвежский прогрессивный историк Тэнессон, считающий цифру Бреша (16,6 рабочего на одно предприятие) преувеличенной (*Kare D. Tennesson, La defaite des sansculottes. Mouvement populaire et reaction hour* geoise en l'an III, p. XII—XIII*).

³ *G. Rude, Les ouvriers parisiens dans la Revolution Francaise, («La Pensee, 1953, № 48—49, p. 113*). Далее—*G. Rude, Les ouvriers parisiens dans la Revolution Francaise.*

¹ «La Revolution Francaise», t. 63, 1912, p. 289—321.

² Там же, стр. 313—314, 319—320.

можным четкое размежевание отдельных составных элементов трудящегося населения Парижа и других городов.

Рабочие мануфактур обычно начинали свою деятельность с работы в мелких ремесленных предприятиях и в силу этого зачастую на всю жизнь сохраняли связанную с этим психологию. С другой стороны, в отношениях между хозяевами ремесленных предприятий и их подмастерьями и учениками сохранялось еще очень много патриархальных пережитков. Так, например, известно, что парижские подмастерья — булочники, сапожники и портные — обыкновенно жили со своими хозяевами и столовались у них¹. Наконец, многие подмастерья, номинально считаясь таковыми, иногда фактически являлись самостоятельными мелкими хозяйчиками — ими были, например, некоторые парижские парикмахеры².

Если, таким образом, в условиях Франции эпохи Великой буржуазной революции было мало моментов, противопоставлявших друг другу различные прослойки городских трудящихся, то имелось зато одно обстоятельство, не только содействовавшее их тесному единению между собою, но и сближавшее их даже с низами мелкой буржуазии. Это обстоятельство — та постоянная и почти непрерывная борьба за дешевый хлеб и другие предметы продовольствия, которую низам городского населения на протяжении всех революционных лет приходилось вести сначала с феодальной аристократией, а затем со сменявшей ее крупной буржуазией.

Само собой разумеется, что, продовольственный кризис, с особой силой разразившийся во Франции зимой 1788—1789 гг.³ возраставший на протяжении 1792—1795 гг., сильнее всего должен был бить по интересам наемных рабочих. По подсчетам современного французского ученого Лабрусса, в то время

¹ G. Rude, Les ouvriers parisiens dans la Revolutions Française, p. 109—111.

² Там же, стр. 18—19.

³ Подробности см. С. А. Ломме, «Делд Реведьена» («Французский ежегодник, 1958 г.», М., 1959).

Как средняя заработная плата за период 1771—1789 г. по сравнению с периодом 1726—1741 г. воз- посла только на 22%, цены на предметы потребления за это же время возросли на 62%¹. Особенно катастрофическими были осень 1788 г. и зима, весна и лето 1789 г. Не говоря уже о том, что в Париже в декабре 1788 г. было 80 тыс. безработных, цена 4-фунтовой булки, ранее составлявшая 8—9 су, в ноябре 1788 г. дошла до 12 су, а в феврале 1789 г.— до 14,5 су, оставаясь на таком уровне до самой осени². В результате этого если еще в августе 1788 г. парижский строительный рабочий для приобретения необходимого ему количества хлеба, составлявшего в то время основной продукт питания низших классов, должен был затрачивать 50% своей зарплаты, то в феврале 1789 г. ему приходилось рас- ходовать на него уже 83% таковой³.

При таком положении вещей специфические инте- ресы наемных рабочих — их интересы как продав- цов своей рабочей силы — не могли не отступать на задний план перед их интересами как потребителей предметов первой необходимости. Среди плебейских масс имелось некоторое предпролетарское ядро, со- ставлявшее более или менее самостоятельную про- слойку «санкюлотов». В ее состав входили рабочие централизованных мануфактур, подмастерья и уче- ники мелких ремесленных предприятий. Доказатель- ством существования такого ядра могут служить хотя бы стачки лета 1791 и весны 1794 гг., охваты- вавшие именно предпролетарскую часть плебейских масс, причем остальные составные элементы этих последних оставались вне рамок движения. Однако

¹ E. Labrousse, Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIII siecle, Paris, 1932, t. II, p. 597—608; Rude, Les ouvriers parisiens dans la Revolution Francaise, p. 114

² G. Rude, „Outbreak of the French Revolution («Past and Present», 1955, № 8, p. 34, 31).

³ G. Rude, The Motives of Popular Insurrection in Paris during the French Revolution («Bulletin of the Institute of Historical Research» vol. XXVI, № 73, May 1953, p. 60-61, 73-74) (далее - French Revolution...)

такие случаи были все же скорее исключением, чем общим правилом, и совместная борьба за дешевое продовольствие неизменно сближала французских предпролетариев эпохи буржуазной революции не только с прочими слоями городских трудящихся (включая сюда и низы интеллигенции) и столь многочисленным в то время люмпен-пролетариатом, но даже и с низами мелкой буржуазии¹. В самом деле, ведь мелкие рантье, торговцы, ремесленники, служащие, конторщики и т. п. тоже страдали от дороговизны, а зачастую и отсутствия хлеба, мяса, сахара, мыла и прочих продуктов первой необходимости. Вот почему совершенно прав Рюде, который в своей статье «Парижские рабочие во время французской революции» говорит: «Именно борьба за хлеб, эта основная форма социального конфликта XVIII века, объединяла все- низшие слои парижского населения — мелких торговцев, владельцев мастерских, самостоятельных ремесленников, наемных рабочих... Она являлась одним из наиболее прочных оснований народного объединения, направленного против богатых купцов и дворянских или буржуазных спекулянтов, получившего коллективное название санкюлотов и сыгравшего столь выдающуюся роль в истории революции в Париже»². А в другой статье, посвященной анализу классового состава участников парижских революционных выступлений 1789—1791 гг., тот же Рюде пишет: «При социальных отношениях той эпохи не является удивительным, что чисто рабочие движения были сравнительно редкими. Чаще всего рабочие, участвуя в социальной борьбе, становились в одном ряду с мелкими торговцами и владельцами мастерских³, так же как они

¹ Подробнее см. *G. Rude, Die Arbeiter und die Revolutionsregierung* («Maximilien Robespierre», Berlin, 1958, S. 304—306); *Kare D. Tenneson*, *op. cit.*, p. 28.

² *G. Rude, Les ouvriers parisiens dans la Revolution Francaise*, p. 111—113.

³ В. Марков, цитируя слова J. Bruhat («Histoire du mouvement ouvrier français», Paris, 1952, p. 130) «санкюлоты. — это рабочие, но также и «ремесленники», замечает, что такое определение слишком узко и что в понятие санкюлотов, как правило, должны быть

нуждавшимися в защите от крупных торговцев, предпринимателей и дворянских или буржуазных спекулянтов. Именно это и оправдывает применение таких терминов, как «санкюлоты»¹ и «народные низы», — терминов, недостаточно определенных с точки зрения современной социологии, но до известной степени ясных для социальных условий той эпохи»².

Всего сказанного достаточно, чтобы можно было ответить на вопрос о том, выразителями чьих же именно интересов являлись «бешеные». Не, мелкие ремесленники, не наемные рабочие, а «санкюлоты»,

или «плебейские массы» в целом — вот тот социальный слой, и Варле, Леклер и Клэр Лакомб. Только такое понимание социальной базы «бешеных» соответствует взгляду на них Маркса, Энгельса³ и В. И. Ленина. Т. е., говоря о движущих силах буржуазно-демократической революции, следует говорить не об одном пролетариате в отличие от «буржуазии», а о «низших классах», которые являются активными двигателями всякого демократического переворота. «Эти

также включены такие социальные категории, как «epicier» «traiteur» и т. д. (*Walter Markov, Grenzen des Jakobinerstaates. Grundpositionen des franzosischen Aufklarung*, Berlin, 1955, S. 323, Anm. 19).

В вышедших за последние годы французских, английских и немецких марксистских работах по истории французской революции термин «санкюлоты» употребляется в значении, равнозначном термину «плебейские массы», и противопоставляется понятию «якобинцы», под которым имеются в виду представители революционной буржуазии робеспьеристского типа (см. указанные выше и некоторые другие, цитируемые в дальнейшем работы Рюде и Soboul, а также сборник статей «Jakobiner und Sansculotten», Berlin, 1956).

³ *G. Rude, La composition sociale des Insurrections parisiennes de 1789 a 1791* («Annales Historiques de la Revolution Francaise», 1952, № 127, p. 288).

Это видно из сопоставления характеристики идеологии плебейских масс Франции эпохи революции, даваемой Ф. Энгельсом в письме к Каутскому от 20 февраля 1889 г. (*К. Маркс Ф. Энгельс, Избранные письма*, М., 1953, стр. 408), с тем местом из «Святого семейства», где говорится об историческом значении Жака Ру и Леклера (*К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.*, т. 2, стр. 132).

классы — пролетариат *плюс* десятки миллионов городской и деревенской бедноты, живущей в условиях мелкобуржуазного существования¹.

Вытекающая из этих положений точка зрения на социальные корни движения «бешеных» является господствующей в современной марксистской² и прогрессивной буржуазной исторической литературе³. Из этой же точки зрения и мы будем исходить во всем дальнейшем изложении.

Если рассматривать «бешеных» как выразителей интересов плебейских масс Франции эпохи Великой буржуазной революции, то сразу встанет следующий вопрос: почему возникновение движения «бешеных» можно датировать только серединой 1792 г.⁴, в то время как начало широкого революционного

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 8, стр. 258.

² Петиция Жака Ру Конвенту от 25 июня 1793 г. «должна быть рассматриваема как... манифест санкюлотов» (*G. Rude et A. Soboul, Le maximum des salaires parisiens et legerthermidor* («Annales Historiques de la Revolution Francaise», 1954, № 134, p. 3—4). «Только под руководством Жака Ру и, бешеных, парижские санкюлоты выработали социальную программу, отвечающую их специфическим нуждам» (*G. Rude, The Motives of Popular Insurrections in Paris during the French Revolution*, p. 64—65), и т. д.

³ По словам Ж. Лефевра, «именно «бешеные» лучше всего выражали взгляды санкюлотов» (*O. Lefebvre, Etudes sur la Revolution Francaise*, 1954, p. 21). А новейший биограф Жака Ру, Морис Домманже возражает Жоресу, «стремившемуся видеть в Жаке Ру только представителя ремесленников, мелких хозяев, мелкой буржуазии), и полагает, что «за ним особенно шли рабочие, подмастерья, самые бедные из санкюлотов» и что он, таким образом, выражал интересы «наиболее бедных элементов столицы» (*M. Dommanget, Jacques Roux le cure rouge*, p. 42, 77).

⁴ Первым произведением Жака Ру, в котором он выступает как уже сложившийся представитель «бешеных», является его «Речь о средствах спасения Франции и свободы», произнесенная во второй половине мая 1792 г. Первая брошюра Варле («План новой организации центрального клуба друзей конституции»), позволяющая говорить о нем как «бешеном», относится к лету 1792 г. К несколько более раннему времени (март—апрель 1792 г.) относятся первые выступления Леклера.

движения плебейских масс относится во всяком случае к гораздо более раннему времени? Знакомство важнейшими характерными чертами движений народных масс Парижа начала революции показывает что все революционные события не только пер-

вых, но и последующих лет буржуазной революции 1789—1794 г. характеризуются одной основной и главной чертой, с исключительной ясностью и четкостью отмеченной Ф. Энгельсом в его письме к К. Каутскому от 20 февраля 1889 г. В этой революции говорит Энгельс, «буржуа..., как и всегда, были слишком трусливы, чтобы отстаивать свои собственные интересы; ...начиная с Бастилии, плебс должен был выполнять за них всю работу; ...без его вмешательства 14 июля, 5—6 октября, 10 августа, 2 сентября и т. д. феодальный режим неизменно одерживал бы победу над буржуазией, коалиция в союзе с двором подавила бы революцию и, ...таким образом, только эти плебеи и совершили революцию»¹.

Гениальная мысль Энгельса, высказанная им тогда, когда подлинно научное изучение истории Великой французской буржуазной революции еще только начиналось, находит себе полное подтверждение во всех многочисленных первоисточниках, ставших известными современной исторической науке. Так, например, Рюде, изучивший сохранившиеся в архивах материалы, рисующие состав участников парижских революционных выступлений 1789—1793 гг. (полицейские донесения, протоколы секционных собраний, протоколы допроса арестованных и т. д.), пишет: «Почти в каждом восстании или социальном движении этого периода.. главная масса его участников состоит из типичных представителей «*menu peuple*» Парижа: наемных рабочих, ремесленников, цеховых мастеров, мелких служащих и т. д.»². «Участвовавшие в восстаниях массы

¹ Ф. Энгельс - К. Каутскому, 20 февраля 1889 г. (*К. Маркс Ф. Энгельс, Избранные письма*, стр. 408)

² *G. Rude, Motives of Popular Insurrections in Paris during the French Revolution*, p. 54—56.

состояли из мелких лавочников, хозяев мастерских, независимых ремесленников, занятых и безработных наемных рабочих»¹.

Эта картина станет еще более ясной, если мы от общей характеристики обратимся к отдельным революционным выступлениям парижских масс начала революции (о которых у нас пока только идет речь). Первым по времени из них является так называемое дело Ревельона 28—29 апреля 1789 г., во время которого были разгромлены мануфактуры Ревельона и Анрио в Сент-Антуанском предместье. Как показывают исследования архивных документов, произведенные Руффом² и Рюде³, большинство убитых и раненых при подавлении этого движения, а также и арестованных его участников состояло из мануфактурных рабочих, ремесленных подмастерьев и мелких торговых служащих.

Но если такой демократический состав участников являлся вполне естественным для движения, непосредственным толчком к которому явились «неосторожные замечания о размере заработной платы», сделанные Ревельоном и Анрио⁴, то, казалось бы, картина должна была быть совершенно иной при событиях, завершившихся взятием Бастилии и затрагивавших интересы всего третьего сословия в целом. В действительности же дело обстоит как раз наоборот. Рюде, специально изучивший относящиеся к июльским дням картоны Z^{1a} 886, Z² 4691, T 514/1/ и др. Национального архива, делает на основании их следующие выводы:

«Среди толп, сжигавших между 10 и 14 июля таможенные заставы, были замечены строительные рабочие и рабочие благотворительных мастерских,

¹ O. Rude, La composition sociale des insurrections parisiennes de 1789 a 1791, p. 287.

² M. Rouff, Le personnel des premieres emeutes de 1789 («La Revolution Francaise», 1909).

³ G. Rude, La composition sociale des insurrections parisiennes de 1789 a 1791.

⁴ Из доклада M. de Crosne, lieutenant de police, королю Людовику XVI (G. Rude, Les ouvriers parisiens dans la Revolution Francaise, p. 111—112).

подмастерья-бочары и другие рабочие. Из 80 арестованных большая часть принадлежала к простонародью, а около 20 могут быть определены как наемные рабочие. По обвинению в разграблении монастыря Сен-Лазар было арестовано 23 мужчины и женщины из простого народа; две трети из их числа были рабочими. В составленном Мальяром списке «победителей Бастилии» почти все фамилии принадлежат ремесленникам, поденщикам, грузчикам лавочникам, хозяевам мастерских и их подмастерьям, около четверти составляют фамилии наемных рабочих. Именно простой народ Парижа, и рабочие в том числе, принимали главное участие в июльских революционных событиях»¹.

Такое же выдающееся участие принимали представители плебейских масс Парижа и в событиях 30 июня (освобождение из тюрьмы Аббатства заключенных туда солдат французской гвардии) и 30 августа (волнения в садах Палэ-Рояля по поводу законопроекта о праве абсолютного вето короля) 1789 г. Марсель Руфф, изучивший относящиеся к этим событиям архивные документы, на основании их заключает: «За исключением нескольких вождей, все арестованные» за участие в движениях 30 июня и 30 августа «принадлежали к рабочему люду Парижа. Именно он составил большинство участников этих первых манифестаций 1789 г. Именно он был элементом действия в этих движениях, организованных буржуазией..., но руководимых ею только речами и писаниями»². А изученные Рюде архивные документы показывают, что из людей, арестованных в августе и сентябре 1789 г. за произнесенные ими в Палэ-Рояле и других местах «мятежные речи» и «зажигательные предложения», значительная часть принадлежала к рабочим и ремесленникам³.

¹ G. Rude, Les ouvriers parisiens dans la Revolution Francaise, p. 114—115.

² M. Rouff, Le peuple ouvrier de Paris aux journees du 30 juin et du 30 aout 1789 («La Revolution Francaise», 1912, t. 63, p. 504)

³ G. Rude, Les ouvriers parisiens dans la Revolution Francaise, p. 115—116.

Наконец, напомним хорошо известный факт, что плебейские массы, и в частности женщины, сыграли преобладающую роль в походе 5—6 октября 1789 г. на Версаль.

Таким образом, можно констатировать, что во всех парижских народных движениях начала революции преобладающая роль всегда и неизменно принадлежала плебейским массам. Что же толкало эти массы на участие в буржуазной революции?

Буржуазные и правосоциалистические историки неверно сводят массовые движения 1789 г. в Париже к одним только голодным, бунтам¹. Однако нельзя впадать и в другую крайность—совершенно отрицать отмеченное еще Энгельсом² значительное влияние продовольственного кризиса 1788—1795 гг. на активность парижских плебейских масс. Рюде, подводя итог своим исследованиям о причинах массовых движений в Париже в эпоху революции, приходит к выводу, что эти исследования «доказывают, что наиболее постоянными причинами народных восстаний во время революции, так же как и во всем XVIII в. в целом, были постоянная нужда народных низов в получении по дешёвой цене достаточного количества хлеба и других продуктов и их стремление к обеспечению необходимых для этого административных мероприятий»³.

И действительно, эта черта проявляется с полной очевидностью во всех важнейших парижских массовых движениях 1789 г. и даже в «деле Ревельона», когда одной из причин волнений были недостаток и дороговизна хлеба. Что же касается июльских событий, закончившихся взятием Бастилии, то, не го-

¹ Подробнее см. С. Б. Кан, Парижские рабочие в революции 1789—1794 гг. («Вопросы истории», 1956, № 1, стр. 134—135, 139).

² В своей статье 1845 г. «Празднество наций в Лондоне» Энгельс в качестве одного из доказательств того, что «Французская революция была социальным движением от начала до конца», ссылается на «связь между большинством восстаний того времени и голодом» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. 2, стр. 588—589).

³ G. Rude, The Motives of Popular Insurrections in Paris during the French Revolution, p. 60, 61.

воря уже о том что они имели место в момент наибольшего поднятия хлебных цен, достаточно хорошо известно какое большое значение в их ходе имел разгром таможенных застав. В полицейском донесении, сохранившемся в архиве, сообщается, что в толпе, отправившейся 13 июля, накануне взятия

Бастилии, громить монастырь Сен-Лазар, раздавались возгласы: «Идем за хлебом»².

Наконец, во время похода парижских плебейских масс 5-6 октября на Версаль наиболее популярным был лозунг: «Мы идем за булочником, булочницей и поваренком».

Таким образом, экономические причины, толкавшие плебейские массы Парижа на участие в революционных событиях 1789 г., являются совершенно очевидными. Но это не значит, что только ими одними можно объяснить все события весны, лета и осени 1789 г. Легко доказать, что, во всех массовых выступлениях плебейских масс Парижа 1789 г. с мотивами экономическими переплетались мотивы политические.. Это с полной ясностью выявляется в наиболее плебейском как по составу участников, так и по происхождению из парижских движений 1789 г.— «деле Ревельона». Как показывают дошедшие до нас документы, «те самые подмастерья и поденщики Сент-Антуанского предместья, которые громили собственность обоих мануфактуристов, при этом выкрикивали ходовые лозунги революционной буржуазии: «Да здравствует король! Да здравствует Неккер! Да здравствует третье сословие!»³ В дни, предшествовавшие взятию Бастилии, голод и нужда играли только роль фактора, облегчившего втягивание плебейских масс в движение, инициатором которого была революционная буржуазия, а поводом для его возникновения явилось такое

¹ G. Rude, Prices, Wages and Popular Movements in Paris during the French Revolution («Economic History Review», 1954, vol. VI, №3, p. 247).

² G. Rude, Les ouvriers parisiens dans la Revolution Francaise, p. 116.

³ Там же, стр. 114—115.

чисто политическое событие, как отставка Неккера. Это же самое следует сказать о волнениях 30 июня и 30 августа 1789 г., связанных с такими исключительно политическими вопросами, как арест французских гвардейцев и дискуссия о праве королевского вето. Интерес, проявленный парижскими рабочими к вопросу о том, каким именно правом вето будет наделен Людовик XVI, был замечен правым депутатом Национального собрания Малуэ¹. Наконец, даже «голодный поход» на Версаль 5—6 октября 1789 г. имел своим непосредственным поводом распространившиеся по Парижу слухи о контрреволюционной демонстрации на банкете 1 октября в Версале, а по словам одного свидетеля, многие из нагрянувших в Версаль 5 октября парижских рабочих говорили, что «их день будет потерян, если король не переедет в Париж»².

Утверждая, что во всех парижских массовых движениях начала революции политические мотивы играли не меньшую роль, чем мотивы экономические, необходимо отметить, что политические лозунги, под знаменем которых боролись в это время плебейские массы, были не чем иным, как лозунгами революционной буржуазии. И это являлось совершенно естественным. В условиях весны, лета и осени 1789 г., когда уже господствовало в Национальном собрании «третье сословие» практически, т. е. в смысле реального управления страной, еще не успело прийти к власти, плебейские массы видели виновника голода и дороговизны только в королевском правительстве, его законах и администрации. На этом раннем этапе буржуазно-демократической революции плебейские массы Парижа видели во всей буржуазии своего естественного союзника в борьбе со «старым порядком» и вполне понятно, что политические лозунги этой буржуазии являлись одновременно и их лозунгами.

Для того чтобы убедиться, сколь мало плебейские массы Парижа в начале революции отделяли свои интересы от интересов всего «третьего сословия» достаточно указать на их отношение к факту лишения их избирательного права при выборах в Генеральные штаты. Как известно, выборы 1789 г. от «третьего сословия» как правило вообще проходили на цензовой основе (от избирателей требовалась уплата прямого налога), а для Парижа был установлен специальный повышенный ценз (уплата в год не менее шести ливров прямых налогов). В результате этого в Париже избирательного права оказались лишенными около двух третей его населения, и само собой разумеется, в состав этих двух третей вошли все плебейские элементы столицы. Каково же было отношение этих элементов к отстранению их от выборов?

Среди огромной памфлетной литературы, связанной с выборами 1789 г. в Генеральные штаты, имеется незначительная часть, содержащая протест против отстранения от выборов парижских трудящихся масс. Большинство этих брошюр исходит от различных представителей буржуазной, а иногда даже и дворянской интеллигенции, претендующих на то, чтобы служить рупором людей, в силу своей бедности лишенных права участвовать в выборах. Такова, например, выпущенная 25 апреля 1789 г. брошюра видного в будущем деятеля революции Дюфурни де-Вилье, в которой автор возражает против лишения бедняков избирательного права, ибо, говорит он, «привилегированные не могут представлять за непривилегированных»¹. К этой же категории документов должно быть отнесено датированное 28 апреля письмо к Неккеру некоего

¹ «Cahiers du quatrieme ordre, celui des pauvres journaliers des infirmes des indigene etc., l'ordre sacre des infortunes, pour suppleer au droit de deputer directement aux Etats qui appartient a tout Francais mais dont cet ordre ne jouit encore Par Dufourny de Villiers. 25 avril 1789», Bibl. Nat., Lb» 1583; см. *Е. В. Тарле Рабочий класс во Франции в эпоху революции*. Соч., т. I I ; М

¹ «Memoires de Malouet», t. 1, p. 367.

² *G. Rude, Les ouvriers parisiens dans la Revolution Francaise*, p. 116.

шевалье де-Морэ, с негодованием констатирующего, что рабочие будут представлены в Генеральных штатах людьми, «интересы которых совершенно отличаются от их интересов и даже им прямо противоположны, ибо последние заинтересованы в том, чтобы удержать первых в состоянии полного от них подчинения и зависимости»¹. Сочувствие Дюфурни и де-Морэ к лишенным избирательного права плебейским массам Парижа очевидно, но сами эти массы к их выступлениям ровно никакого отношения не имели.

Среди литературы, порожденной выборами в Генеральные штаты, имелось небольшое число писем, петиций, выступлений, которые на первый взгляд как будто исходили от самих плебейских масс, а не от тех или иных их печальников. Сюда в первую очередь следует отнести появившуюся в начале мая 1789 г. брошюру, озаглавленную «Петиция ста пятидесяти тысяч рабочих и ремесленников Парижа, обращенная к г. Балыи, секретарю третьего сословия, заседающего в архиепископском дворце»². Однако уже самый стиль петиции, в которой упоминаются Демосфен, Платон и т. д., заставляет нас усомниться в том, что она действительно исходит непосредственно от рабочих и ремесленников. Главное же это то, что автор или авторы брошюры вовсе не протестуют против цензового характера выборов, а всего только высказывают пожелание, чтобы в числе выборщиков в качестве представителей лишенных избирательного права людей фигурировали «негоцианты, умные мануфактуристы и даже честные ремесленники».

Еще более скромна по своим требованиям брошюра, вышедшая в свет 25 апреля 1789 г. под на-

званием «Пожелания бедняков, обращенные к Генеральным штатам». Лишенные избирательного права бедняки, говорится в этой брошюре, не имея воз-

можности послать в Генеральные штаты своих собственных депутатов, обращаются со своими пожеланиями к тем, кто уже избран в качестве представителей народа, и не сомневаются, что их голос будет услышан. К чему же сводятся пожелания, которые авторы брошюры просят народных представителей передать Генеральным штатам? Всего только к требованию освобождения от налогов всех людей, живущих поденным трудом своих рук, сокращения числа праздников и разрешения работать по воскресеньям после церковной службы¹. Не ясно ли после этого, что даже в том случае, если данная брошюра исходит не от какого-либо случайного автора-демократа, а действительно отражает настроения каких-то более или менее широких слоев населения, то вместе с тем изложенные в ней пожелания являются пожеланиями вовсе не «бедняков», а мелких хозяйчиков, заинтересованных в возможности еще более эксплуатировать своих подмастерьев и учеников?

Таким образом, можно считать доказанным, что хотя лишение плебейских масс Парижа права избирать своих депутатов в Генеральные штаты и вызвало некоторые, правда очень немногочисленные протесты, однако протесты эти ни в коем случае не исходили от самих лишенных избирательного права масс. Это значит, что к моменту начала революции плебейские массы еще мало отделяли свои интересы от интересов революционной буржуазии и не чувствовали необходимости выражения своих пожеланий через посредство своих собственных представителей. Они верили, что все, что следует в их интересах сказать и сделать в Генеральных штатах, будет сказано и сделано депутатами буржуазии! Удивительно ли после этого, что один из тех людей,

¹ «Lettre de M-r le Chevalier de Moret a M-r le Directeur general des finances», 28 av.rii 1789, Arch. Nat., B III —115, f. 411 — 415; см. *Е. В. Тарле*, Соч., т. II, стр. 18—19.

² «Petition de cent cinquante mille ouvriers et artisans de Paris, adressee a M Bailly, Secretaire du Tiers Etat, assemblee a l'Archeveche. Du Dimanche 3 May 1789», Bibl. Nat., Lb³⁹ 1667; см. *Е. В. Тарле*, Соч., т. II, стр. 17—18.

¹ См. *Е. В. Тарле*, Соч., т. II, стр. 21.

которые в будущем должны были стать выразителями интересов французской деревенской бедноты, а именно мошанский священник Пьер Доливье, в своей выпущенной в свет в 1788 г. брошюре «Голос гражданина о способах образования Генеральных штатов» писал:

«Что касается до всей массы людей, образующей самые низы общества и слишком часто являющейся его жертвой, то я бы не доверил им защиты их собственных интересов. Массы эти слишком унижены постоянным угнетением и их взгляды слишком ограничены для того, чтобы уметь отличить то, что им действительно полезно. Представители и защитники этих достойных сожаления масс должны быть избраны среди тех редких людей, которые, находясь выше всяких низменных соображений, способны проникнуться, любовью к человечеству и защищать его права»¹.

Итак, все сказанное позволяет констатировать, что плебейские массы Парижа сыграли огромную, можно сказать, решающую, роль в революционных событиях 1789 г., не сознавая при этом еще ни в какой степени отличия своих интересов от интересов революционной буржуазии. И именно этот факт дает нам ответ на поставленный выше вопрос о том, почему движение «бешеных» — выразителей интересов плебейских масс Парижа и других городов Франции — не возникло одновременно с вступлением на историческую сцену самых этих масс? Да потому, что это движение могло возникнуть только тогда, когда плебейские массы начали осознавать наличие у них особых интересов, отличных от интересов буржуазии, и стали вкладывать в революционные требования буржуазии смысл, которого там не было². Когда же это произошло?

III

Процесс осознания плебейскими массами наличия у них особых интересов, отличных от интересов даже наиболее революционных прослоек буржуазии, был постепенным и длительным. Его отдельные этапы наступали по мере того как выявлялись противоречия между интересами плебейских масс и интересами отдельных прослоек крупной буржуазии, одна за другой отходивших от революции и переходивших в контрреволюционный лагерь. Первым сигналом в этом направлении был принятый Учредительным собранием закон о разделении граждан на «активных» и «пассивных» — закон, не только лишивший плебейские массы избирательного права еще более решительно, чем королевские регламенты 24 января и 13 апреля 1789 г., но и явно нарушивший обещания «Декларации прав человека и гражданина». При этом самым главным являлось то, что если раньше лишение плебейских масс права выбора своих представителей исходило от правительства старого режима, то теперь виновным в том же самом оказывалось Национальное собрание, спасенное от неминуемого разгона исключительно вмешательством плебейских масс 14 июля и 5—6 октября. Вот почему плебейские массы в начале 1790 г. отнеслись к лишению их избирательного права иначе, чем за год до того.

Перед нами документ за 26 подписями, врученный Конституанте 13 февраля 1790 г. и озаглавленный «Рабочие Сент-Антуанского предместья — Национальному собранию»¹. Тон этого документа, еще в достаточной степени почтительный и даже робкий, весьма далекий от того тона, которым будут разговаривать с Национальным конвентом плебейские массы Парижа в 1793 г. Но авторы петиции 13 февраля 1790 г. не колеблясь доводят до сведения

¹ «La voix d'un citoyen sur la maniere de former les Etats Generaux. Par Pierre d'Olivier, cure d'une petite paroisse de campagne», p. 12—13. Bibl. Nat., Lb 824.

² См. Ф. Энгельс — К. Каутскому, 20 февраля 1889 г. (К-Маркс Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 408).

¹ «Les ouvriers du Faubourg St.-Antoine a l'Assemblée Nationale»; см. Е. В. Тарле, Соч., т. II, стр. 687—689; Олар, Политическая история французской революции, М.-Л., 1938, стр. 53.

Конституанты о своем недовольстве по поводу того, что рабочие лишены избирательного права:

«Мы не являемся активными гражданами в силу того, что не уплачиваем прямых налогов. Однако, и мы этого не скрываем,.. гражданская активность является лучшим даром для всех добрых французов. О, если бы мы только могли его получить!»

Для того чтобы получить этот «дар», авторы петиции 13 февраля предлагают Учредительному собранию согласиться на следующие мероприятия. Необходимо, говорят они, отменить все существующие во Франции косвенные налоги и вместе с тем обложить всех без исключения французских граждан единым прямым налогом в размере 36 ливров в год. С рабочих этот налог должен взиматься путем ежедневного удержания из их заработной платы по 2 су. При такой комбинации государство в финансовом отношении ничего не потеряет и вместе с тем все французы станут «активными» гражданами.

Как ни умеренно это предложение по своему содержанию и как ни скромна по форме петиция 13 февраля, не осмеливающаяся более резко протестовать против разделения Конституантой французских граждан на «активных» и «пассивных», не подлежит все же сомнению, что в этой петиции мы имеем явное проявление недовольства плебейских масс Парижа лишением их избирательного права. Вот почему совершенно бесспорно, что по сравнению с настроением плебейских масс весной 1789 г. петиция 13 февраля 1790 г. представляет некоторый шаг вперед.

В какой мере можно считать петицию 13 февраля исходящей от самих рабочих Сент-Антуанского предместья? В тексте этой петиции имеется много мест, по своему стилю, несомненно, принадлежащих перу интеллигента, воспитанного на просветительной философии XVIII в. То же можно сказать о ее содержании. Витиеватый стиль, ссылка на Лакедемон, упоминание о собственных «наивных и гордых душах» — все это не похоже на петиции, в самом деле писавшиеся рабочими. Однако 26 подписей,

военные, как приписано, «всеми рабочими Сент-Антуанского предместья», не могут быть сочтены за самозванные: депутация не рискнула бы по собственной инициативе понести петицию в Национальное собрание, так как в ней от имени рабочих Сент-Антуанского предместья предлагалась такая немедленная мера, как ежедневное удержание 2 су из заработной платы (пока не составит 36 ливров в год). Такое предложение не могло бы пройти незамеченным и самозванство дорого стоило бы подписавшимся. Текст петиции мог быть написан по желанию рабочих кем-либо из людей письменных, из «les ecrivains publics», но, конечно, она была им известна и ими одобрена¹.

Известны и другие выступления плебейских масс против произведенного Учредительным собранием разделения граждан на «активных» и «пассивных». В том же 1790 г. с аналогичным протестом и требованием предоставления им избирательного права обратились в Собрание рабочие Севрской королевской фарфоровой мануфактуры²; в вышедшей тогда же брошюре под названием «Постановление активных и очень активных граждан Сент-Антуанского предместья» содержится прямое требование отмены декрета Конституанты о цензе, для того «чтобы мы могли в будущую законодательную палату выбирать свободно тех людей из всех классов общества, которых бы мы нашли наиболее достойными дать нам законы, укрепляющие все части этой державы»³.

Еще большее значение, чем выступления 1790 г. против разделения граждан на «активных» и «пассивных», для роста у плебейских масс сознания противоположности их интересов интересам буржуазии

¹ См. *Е. В. Тарле*, Соч., т. II, стр. 156

² См. «Рабочие национальных мануфактур во Франции в эпоху революции (1789—1799)». (*Е. В. Тарле*, Соч., т. I, М., 1957, стр. 649).

³ Declaration des citoyens actifs et tres actifs du Faubourg St.-Antoine, Bibl. Nat., Lb39 3914; см. *Е. В. Тарле*, Соч., т. II.

имели стачечная борьба весны и лета следующего 1791 г. и последовавшие за ней события. Объясняется это тем, что теперь речь шла уже не об интересах плебейских масс в целом, а только их предпролетарской части. Интересы предпролетарской части плебейских масс сталкивали их уже не только с «фельанской» верхушкой крупной буржуазии, ответственной за политику Учредительного собрания, но и со всей крупной буржуазией в целом. Весной и летом 1791 г. борьба парижского предпролетариата стала в отличие от событий 1789 г. принимать форму уже не простых бунтов, а систематических стачек, которые, по словам В. И. Ленина, «...выражали уже собой зачатки классовой борьбы, но именно только зачатки»¹. И действительно, в отдельных перипетиях стачечного движения весны и лета 1791 г. проскальзывают моменты, показывающие, что парижские рабочие в это время не только вели классовую борьбу со своими хозяевами, но и начинали это осознавать. Рассмотрим важнейшие из относящихся сюда документов.

30 апреля 1791 г. парижские плотники-предприниматели обратились в городской муниципалитет с пространном заявлением, в котором рассказывали о созданной рабочими-плотниками организации, имевшей целью борьбу за повышение заработной платы, и требовали принятия против виновных соответствующих репрессивных мероприятий². В ответ на это рабочие-плотники 27 мая 1791 г. подали уже не в муниципалитет, а прямо в Национальное собрание петицию, в которой оправдывались и доказывали, что созданная ими организация не более, чем простое общество взаимопомощи. Тон всей петиции носит чисто оборонительный характер, однако в ней встречаются некоторые фразы, позволяющие говорить о том, что авторы данного документа не только защищаются, но и готовы перейти в наступление против своих классовых врагов. «Националь-

ное собрание, — читаем мы в петиции 27 мая, — уничтожив все привилегии и цехи и издав Декларацию прав, без всякого сомнения, имело в виду, что эта декларация окажет некоторую пользу наиболее бедному классу», столь долго бывшему простой игрушкой в руках деспотов-предпринимателей... А между тем все действия предпринимателей доказывают, что они упорствуют в своем эгоизме и стремятся сохранить свои прежние привилегии. Они не признают Декларации прав человека и, следовательно, являются открытыми противниками конституции, убежденными сторонниками самой крайней аристократии и, следовательно, врагами общего блага¹.

Несравненно дальше, чем рабочие-плотники, зашли в нападках на своих хозяев 340 рабочих-каменщиков, работавших на постройке церкви св. Жевьевы и пославших 8 июня 1791 г. письмо в редакцию маратовского «Друга народа». Письмо это было напечатано Маратом 12 июня 1791 г.², т. е. тогда, когда в Национальном собрании уже обсуждался проект известного закона Ле Шапелье. Вот важнейшие места из этого исключительно интересного письма:

«Дорогой пророк, истинный защитник класса бедняков, позвольте рабочим разоблачить вам все злоупотребления я гнусности, которые замышляют наши хозяева-каменщики, чтобы взбунтовать нас, доводя нас до отчаяния. Не довольствуясь тем, что они нажили громадные состояния за счет бедных рабочих, эти жадные угнетатели, сговорившись между собой, распространяют против нас ужасные пасквили, чтобы постараться лишить нас нашей работы. Свою бесчеловечность они довели до того, что обратились к законодателю, добиваясь от него

¹ J. Jaures, op. cit., t. II, p. 280—281

² 'L'Ami du Peuple', № CDLXXXVII, du 12 juin 1791-
Levasseur, Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France de 1789 a 1870, t.1, 2 ed., p.53; J.Jaures, op.cit., t.II, p.268-270; см. также Ж.-П.Марат, Избранные произведения т.II, М., 1956, стр. 267—269.

1 В. И. Ленин, Соч., т.5, стр.347 (курсив мой. - Я.З.)

² J.Jauris, op.cit. t.II, p.276-278.

варварского декрета против нас, который обрекает нас на голодную смерть. Эти презренные люди, в праздности пожирающие плоды пота рабочих и ни разу не оказавшие ни одной услуги нации, прятались в подвалах в дни 12, 13 и 14 июля. Когда они увидели, что класс обездоленных один совершил революцию, они вышли из логовищ, чтобы объявить нас разбойниками; потом, когда они увидели, что опасности остались позади, они стали интриговать в дистриктах, чтобы заручиться местами, они надели форму и эполеты, и теперь, когда они считают себя более сильными, они хотят заставить нас согнуться под еще более жестоким игом, они угнетают нас безжалостно и без зазрения совести¹.

Письмо это представляет большой интерес. Если всего лишь за два года до того плебейские массы Парижа и остальной Франции были готовы верить, что представители либеральной буржуазии, попав в Генеральные штаты, первым делом займутся улучшением положения всех трудящихся и обездоленных, то теперь каменщики, строящие храм св. Женевьевы, не только ясно понимают классово-буржуазный характер «национальной» гвардии, но и гордо заявляют, что «класс обездоленных один совершил революцию». Этим объясняется столь активное участие парижских плебейских масс в революционном подъеме, начавшемся 21 июня 1791 г. в связи с бегством Людовика XVI, наивысшим этапом которого явился знаменитый день 17 июля. То, что именно плебейские массы в первую очередь готовились к вооруженной защите Франции от грозной опасности, создавшейся для нее в связи с намерением Людовика XVI бежать за границу и стать там во главе контрреволюционных полчищ эмигрантов и интервентов, достаточно хорошо видно хотя бы из протокола, составленного 21 июня в секции св. Женевьевы. В нем говорится, что «оружейный склад, помещавшийся в здании бывшего кармелитского монастыря, был разгромлен «большой

толпой народа, состоявшей из рабочих общественных мастерских и строителей церкви св. Женевьевы»¹. Многие из захвативших оружие думали пустить его в ход не только против прямых контрреволюционеров, но и против фактически потакавшего им большинства Национального собрания и даже вообще против крупной буржуазии. Так, например, по показанию одного очевидца, утром 17 июля, незадолго до начала манифестации на Марсовом поле, раздавались голоса вроде следующих: «Национальное собрание давно угнетает народ, сегодня мы разгоним его и заменим другим, избранным из нашей среды. *Необходимо, чтобы богатые разделили свои состояния между нуждающимися*» (Курсив мой. — Я. 3.)².

Это показывает неправоту тех современников событий³ и историков, которые широкое участие⁴ плебейских масс в движении, завершившемся «бойней на Марсовом поле» 17 июля 1791 г., объясняют *одной только* агитацией, развернутой среди этих масс после бегства в Варенн клубом кордельеров, «братскими обществами», Социальным кружком⁵ и другими организациями левого крыла революционной буржуазии. Как далеко не заходила в это время республиканская и демократическая программа кордельеров и особенно Cercle social, не может быть сомнений в том, что мысль о разделе состояний

¹ Е. В. Тарле, Соч. т. II, стр. 707—708.

² Показания Louviot (4. *Mathiez*, Le club des Cordeliers pendant la crise de Varenne, Paris, 1910, p. 265).

³ Так, например, Ангуан Барнав утверждал, что в июльские дни 1791 г. «удалось поднять довольно значительное количество рабочих... Эти люди, как до сих пор думали, почти не интересовались политикой, тем не менее оказались сильно заинтересованными в наказании тирана» (/ *Jaures*, op. cit., t. II, p. 395).

⁴ «Среди нескольких сот арестованных (после 17 июля. — Я. 3.) в различных секциях Парижа наемные рабочие составляли довольно значительный процент» (G. *Rude*, La composition sociale des insurrections parisiennes de 1789 a 1791, p. 287—288).

⁵ О роли Cercle social в событиях лета 1791 г. см. статью В. С. Алексеева-Попова ««Социальный кружок» и демократическое республиканское движение летом 1791 г.»

богатых между «нуждающимися» не могла бы зародиться в головах даже отдельных представителей плебейских масс, если бы их не толкал объективный ход самих развертывающихся событий к тому, чтобы вкладывать свои собственные социальные требования в политическую программу революционной части буржуазии. Прав Рюде, когда он, подводя итог значения вареннского кризиса в процессе развития сознательности плебейских масс, утверждает, что теперь плебейские массы «не только одобряют специфическую программу самого радикального крыла буржуазии, но и начинают, хотя и еще нерешительно, выражать в политической форме свои собственные социальные требования»¹.

IV

События 1792 г. способствовали дальнейшему развитию у плебейских масс сознания собственных классовых интересов. Стаечная борьба, происшедшая в Париже весной и летом 1791 г., и явившийся ее прямым результатом закон Ле Шапелье по самой своей сущности затрагивали не все плебейские массы, а только их предпролетарскую часть. Что же касается плебейских масс в целом, то на усиление их революционной активности решающее влияние оказывал продовольственный вопрос. Как раз в конце 1791 г. в снабжении Франции продовольствием наступило новое обострение, в дальнейшем все более и более усиливавшееся с каждым месяцем.

Первым проявлением этого нового продовольственного кризиса был, если говорить не о Франции вообще, а только об одном Париже, январский сахарный кризис 1792 г.² Основной причиной его яви-

лись события, происходившие тогда в американских колониях Франции и вызванные реакционной политикой Учредительного собрания в колониальном вопросе. Однако (несомненно, что усиление недостатка сахара в немалой степени содействовала деятельность наживавшихся на этом крупных торговцев и спекулянтов.) В результате цена сахара, ранее составлявшая 22—25 су за фунт, в январе 1792 г. вдруг резко возросла и за несколько дней дошла до 3 ливров.

Правда, крестьянское (население Франции почти не употребляло сахара и пользовалось главным образом медом, зато в Париже сахар составлял важный предмет потребления не только аристократии и буржуазии, но и плебейских масс. Об этом свидетельствуют Себастьян Мерсье в своих «Картинах Парижа» и папский интернунций аббат Саламон, который в своем донесении в Рим от 23 января 1792 г. писал: «Этот продукт стал предметом первой необходимости, потому что нет сапожника, прачки, базарной торговли, которые не пили бы каждое утро чашки кофе с молоком»¹.

Столь неожиданно наступившая дороговизна одного из важнейших продуктов питания плебейских масс Парижа не могла не вызвать со стороны последних самой бурной реакции. В ряде районов Парижа в двадцатых числах января произошли голодные волнения, во время которых народные толпы громили продовольственные магазины и заставляли торговцев продавать сахар по прежней цене — 22 су за фунт. Одним из основных центров этих волнений явилась секция Гравилье, вскоре после этого ставшая основной ареной деятельности вождя «бешеных» — Жака Ру². Представители секции Гравилье отправили специальную делегацию к парижскому мэру жирондисту Петиону с просьбой принять меры

¹ G. Rude, The Motives of Popular Insurrections in Paris during the French Revolution, p. 64.

² Подробнее см. А. Матъез, Борьба с дороговизной..., стр. 23—41.

¹ А. Матъез, Борьба с дороговизной..., стр. 26.

² См. А. Матъез, Борьба с дороговизной..., стр. 31; G. Rude, The Motives of Popular Insurrection in Paris during the French Revolution, p. 64—65.

для снижения цен на сахар. В ответ на просьбу мэра посоветовал гражданам успокоиться, «использовать их право петиций», так как всякие волнения могут, мол, только оказаться на руку контрреволюционерам, а сам, поддержанный парижским муниципалитетом, пустил в ход национальную гвардию, состоявшую из одних только «активных» граждан, которая арестовала около двух десятков человек и «восстановила порядок»². Однако, чтобы не слишком озлоблять плебейские массы, нужные ей еще для борьбы с королем и аристократами, жирондистская буржуазия не сочла возможным ограничиться одними только репрессивными мерами, а решила изыскать и какие-то положительные средства борьбы с сахарным кризисом. Такие средства были найдены в виде предложения народу... отказаться от употребления сахара!

26 января друг Бриссо «патриот» Гоншон в своем выступлении в Законодательном собрании напыщенно заявил, что «герои 14 июля не дерутся за конфеты»³. 28 января жирондистская секция Круа-Руж решила отказаться от употребления сахара и кофе и предложила другим 47 секциям последовать ее примеру⁴. 30 января подобное предложение было сделано на заседании якобинского клуба жирондистами Манюэлем и Луве. Клуб, в котором тогда еще господствовали жирондисты, с восторгом принял это предложение и присягнул провести его в жизнь. «Повторять торжественную присягу в Же де-Пом из-за сахара!» — не без ехидства восклицала по этому поводу левodemократическая газета «Парижские революции»⁵.

¹ «Moniteur» (reimpression), t. XI, p. 203.

² G. Rude, *The Motives of Popular Insurrections in Paris during the French Revolution*, p. 64—65. Чрезвычайно интересно, что в защиту арестованных выступили 150 жителей секции Гобеленов (бывшей одним из главных центров январского движения), которые обратились по этому поводу с петицией к Законодательному собранию (Там же).

³ «Moniteur», t. XI, p. 228.

⁴ Там же, стр. 245—246.

⁵ «Les Révolutions de Paris», N° 134.

Эти события указывали плебейским массам на прямую противоположность их интересов в качестве потребителей интересам крупной буржуазии, непосредственно наживавшейся на голоде и дороговизне; поднимали сознание плебейских масс. Обратимся к документам.

В петиции секции Гобеленов (она входила в состав плебейского предместья Сен-Марсель), представленной Законодательному собранию 23 января 1792 г., т.е. в самый разгар событий, требования бедноты выражены следующим образом:

«Представители народа, желающего быть свободным! Жестоко обеспокоенные огромными опасностями, связанными с припрятыванием различных товаров, граждане секции Гобеленов... полные доверия являются к вам, чтобы раскрыть страшную причину нового бича, обрушивающегося на нас со всех сторон, особенно в столице, и сильнее всего бьющего по неимущим. Разве эта драгоценная часть граждан, достойная вашего отеческого попечения, принесла столько жертв только для того, чтобы видеть, как ее продовольствие пожирается изменниками? Разве она вооружалась только для охраны подлых скупщиков, которые думают, что общественные силы существуют лишь для защиты их разбоя?»¹

В петиции Сент-Антуанского предместья, представленной Законодательному собранию 26 января 1792 г., говорится:

«Мы указываем вам здесь на скупщиков всякого рода: все, до предметов первой необходимости, находится в руках этих жадных убийц народа. Эти разбойники говорят о собственности, но разве эта собственность не является преступлением, оскорблением нации?.. Мы ждем от вас, что вы будете столь мудры, что издадите справедливый репрессивный закон, который одновременно обеспечит имущество честных купцов и обуздает скупость тех, которые готовы

¹ «Archives parlementaires», I serie. Paris 1875—1914, t. XXXVII, p. 604.

были бы скупить все, вплоть до костей патриотов, чтобы продавать их аристократам»¹.

Анализируя эти близкие по своему духу петиции, легко находишь в них мысли, которые в дальнейшем составят часть краеугольных положений программы «бешеных», а именно положений о том, что «право собственности еще не означает права морить людей голодом» и что, борясь всеми возможными мерами репрессий с крупными спекулянтами и барышниками («*agioteurs et assarageurs*»), следует при этом шадить мелких торговцев. Это позволяет утверждать, что именно сахарный кризис января 1792 г., последовавший за стачечной борьбой весны и лета 1791 г. и обще-политическим вареннским кризисом июня — июля того же года, и явился тем моментом, который завершил процесс осознания плебейскими массами Парижа наличия у них особых интересов, не только отличных от интересов крупной буржуазии, но и часто им прямо противоположных.

Ту же самую роль, которую для Парижа сыграл сахарный кризис, для остальной Франции сыграл хлебный кризис, начавшийся в конце 1791 г. и особенно усилившийся весной 1792 г. Парижа этот кризис до поры до времени касался сравнительно мало, так как административные органы, сильнее всего боявшиеся голодных волнений в столице, вынуждены были принять меры по снабжению ее продовольствием; в остальной же Франции положение было совершенно иным. Не касаясь здесь всех подробностей хлебного кризиса, вызванного прежде всего ростом инфляции², отметим только, что дороговизна, а иногда и отсутствие хлеба во многих местах Франции толкали плебейские массы на попытку снизу, революционным путем устанавливать максимальные цены на хлеб, т. е. на проведение мероприятия, в аналогичных случаях часто применявшегося правительством старого режима.

¹ «*Moniteur*», t. XI, p. 228.

² В начале 1792 г. ассигнаты потеряли от 20 до 37 процентов своей стоимости (см. А. Матьез, Борьба с дороговизной..., стр. 45—46).

Поскольку вся структура феодально-абсолютистской Франции делала неизбежной деградацию сельского хозяйства и, как следствие этого, постоянные неурожаи, королевское правительство во избежание столь опасных для него «голодных бунтов» в городах оказывалось вынужденным при каждом значительном вздорожании хлеба прибегать к сложной системе регламентации хлебной торговли. В обычное время во Франции XVIII в. часто запрещалась хлебная торговля вне рынков, а рыночная торговля регулировалась рядом строгих правил. В неурожайные годы мер этих делалось явно недостаточно, их дополняли принудительная реквизиция хлеба у производителей такого же, как *ultima ratio*, установление обязательных как для продавцов, так и для покупателей, твердых, или «максимальных», цен.

Разумеется, все эти меры были жалкими попытками, неспособными разрешить самую сущность проблемы увеличения размеров сельскохозяйственного производства. «Максимальные» цены на какой-то промежуток времени удешевляли цены на основные продукты питания, но они при сохранении системы частной торговли в конечном счете неизбежно вызвали рост спекуляции, сокрытие товаров, на которые устанавливались твердые цены, для торговли ими на «черном рынке» и т. д. Конечно, плебейские массы не понимали сановных причин голода и дороговизны, коренившихся в самой природе феодально-абсолютистского строя. Им казалось, что единственными причинами этих бедствий являются только действия «спекулянтов» и «барышников». Именно поэтому через все голодные движения плебейских масс французских городов XVIII в. всегда и неизменно красной нитью проходят два основных требования — установления «максимума» и строжайшего наказания спекулянтов. Эти два требования и составили квинтэссенцию экономической программы санкюлотов уже начиная с 1792 г.¹ На попытки плебей-

¹ Ср. G. Rude, *The Motives of Popular Insurrections in Paris during the French Revolution*; А. Матьез, Борьба с дороговизной...

ских масс города и деревня революционным путем установить твердые цены на хлеб крупнобуржуазные муниципалитеты и «национальная» гвардия ответили не только арестом «мятежников», но в ряде случаев и расстрелом безоружной толпы. Подобный оборот событий оказывал огромное влияние на рост самосознания плебейских масс. Именно одно из них (попытка расстрела безоружной толпы мэром города Этампа, убийство мэра разгневанным народом и обрушившиеся в связи с этим на население репрессии) послужило поводом для известной петиции 1 мая 1792 г. мошанского священника Пьера Доливье¹, в которой высказывались многие положения, характерные для взглядов «бешеных».

Так к первой половине 1792 г. плебейские массы Франции вообще и Парижа в особенности стали осознавать свои особые классовые интересы. Имению к этому моменту — к весне 1792 г. — и относится выступление «бешеных», как самостоятельного направления в ряду демократических течений французской революции.

Но прежде чем говорить о движении «бешеных», как определенном течении революции, завершим характеристику социальной базы этого движения, для чего ответим на такие вопросы:

Кто такие «бешеные»? Под влиянием каких конкретных условий формировались взгляды их руководителей? В чем выразилось их участие в революции до весны 1792 г.? На население каких районов опирались «бешеные» в своей деятельности?

V

Оскорбительной кличкой «бешеные» противники наградили небольшую группу активных деятелей революции — Жака Ру, Жана Варле, Теофила Лектора, Клер Лакомб и их сторонников, которые выступали во главе плебейских масс Парижа в 1792—1793 гг.

«Archives parlementaires», t. XLII, p. 635—638.

против жирондистов, якобинцев и смело критиковали таких популярных вождей революции, как Робеспьер, Марат и др.

Вождем «бешеных» был Жак Ру¹.

Начавшуюся революцию он встретил восторженно. Об этом свидетельствует проповедь, произнесенная им в 1790 г. по поводу взятия Бастилии и напечатанная затем в виде брошюры под названием «Триумф храбрых парижан»,² за которую реакционно настроенное духовное начальство уволило его с занимаемой должности. Одновременно было пущено слух, что эта проповедь Жака Ру явилась толчком к аграрным волнениям, происшедшим в Сен-Тома де Конак (где Жак Ру служил в это время приходским священником) 28 апреля 1790 г.

На следующий день после происшедших в Сен-Тома событий некий Тюрпен, королевский комиссар, в своем докладе министру внутренних дел писал: «Если верить утверждениям некоторых лиц, то значительную роль в этих событиях принимал некий

¹ Жак Ру родился 21 августа 1752 г. в местечке Сен-Сибар де Пранзак в провинции Ангумуа (копия свидетельства о крещении Жака Ру приложена к его письму к Марату). Отец его Грациан Ру первоначально был военным служащим — лейтенантом пехоты, а затем стал судьей. Сам Жак Ру получил духовное образование и сделался преподавателем философии и физики в той же самой ангулемской семинарии, в которой ранее учился, а в годы, непосредственно предшествовавшие революции, служил в качестве приходского священника.

Политические взгляды Ру этого периода жизни определены в его письме к Марату, написанном во время революции («Jacques Roux a Marat», Arch. Nat., W²⁰, d. 1073; Bibl. Nat., Ln³⁷ 18057; «Annales Revolutionnaires» 1916, p. 530—541), в котором он утверждает, что «в течение тридцати лет всегда выступал против тирании». В сохранившемся среди бумаг Ру в Национальном архиве документе, по-видимому, представляющем неоконченный набросок ответа на предъявленные ему осенью 1793 г. обвинения («Pieces manuscrites trouvees chez le citoyen Jacques Roux», Arch. Nat., W²⁰, d. 1073), Ж. Ру пишет: «Настоящие санкюлоты знают, что... в течение двадцати лет я являюсь жертвой деспотизма священников и дворян... Республика была в моем сердце еще до того, как она была провозглашена».

² «Le triomphe des braves parisiens sur les ennemis du bien Public». Bibl. Nat., Lb³⁹ 8638.

Ле Ру, викарий прихода Сен-Тома. Его обвиняют в проповеди опасной доктрины о том, что земля принадлежит в равной степени «сем и что поэтому не следует больше платить каких бы то ни было сеньоральных повинностей. Кроме того, говорит, что, не ограничиваясь открытой пропагандой этих мыслей в некоторых своих проповедях, он тайным образом, посредством подкупа, стремился поднять народ против всех людей, осчастливленных судьбой. Если таковы были его намерения, то нужно признать, что они вполне удалась»¹.

Выдвинутое против Жана Ру обвинение в провокации беспорядков грозило ему самыми серьезными последствиями, но ему удалось доказать, что еще за две недели до происшедших в Сен-Тома событий, он оттуда уехал и, таким образом, не мог принимать в них какого бы то ни было участия.

Но все же в результате начатых против него исследований Жаку Ру пришлось покинуть свой приход. Его судьба в течение последующих месяцев неизвестна. В январе 1791 г. он появился в Париже, где 16 января произносит в церкви Сен-Сюльпис установленный законом для духовенства теист присяги², после чего получает должность викарного священника церкви св. Николы на Полях в секции Гравилье³, т. е. одном из наиболее заселенных районов Парижа (в 1795 г. в ней проживали 24 774 человека)⁴. С этого момента начинается новый период его жизни.

В самом деле, хотя проповедь «Триумф храбрых парижан» и доказывает, что ее автор с самого начала

революции явился ее убежденным сторонником, все же Жак Ру выступает в качестве типичного буржуазного интеллигента этих лет, верящего в добрые намерения не только Учредительного собрания, но и самого Людовика XVI и соответственно этому призывающего своих прихожан к «послушанию декретам нации», «повиновению приказам начальников» и «уважению к руководителям и судьям»¹. Таким образом, Жак Ру в начале революции по своим взглядам значительно отставал, например, от Марата, который в это время «безжалостно совлек покрывало с тогдашних кумиров — Лафайета, Бальи и других, разоблачив в них уже готовых изменников революции...»². Лишь пребывание в секции Гравилье с ее плебейским населением превратило прекрасного буржуазного интеллигента в боевого и неустрашимого вождя плебейских масс.

Что же представляла собой секция Гравилье, вскоре ставшая важнейшей ареной влияния «бешеных»?

Характеризуя социально-экономический облик секции Гравилье, следует прежде всего отметить, что социальный состав жителей этой секции был далеко не однороден. Наряду с некоторым количеством дворян (в начале 1794 г. их насчитывалось около 80 человек) в ней проживали также и крупные буржуа, и в частности владельцы домов, в которых они сами не жили, а сдавали в наем мелким съемщикам. Кроме того, поскольку одна треть земельной площади секции Гравилье до революции принадлежала церкви, есть все основания предполагать, что после секуляризации церковных имуществ многочисленные церковные и монастырские здания секции также попали в руки крупной буржуазии. Наряду с этим нужно отметить, что многие из бывших монахов и монахинь, до 1789 г. проживавших в находившихся в пределах секции Гравилье мужских и женских

¹ Arch. Nat., F⁷ 3664.

² «Les Révolutions de Paris», № 80, p. 58.

³ Было бы, разумеется, исключительно интересно знать, попал ли Жак Ру в секцию Гравилье случайно или же он, наоборот, воспользовался обилием освободившихся после увольнения отказавшихся от присяги церковников священнических должностей и умышленно выбрал себе данный приход? К сожалению, полное отсутствие источников не позволяет ответить на этот вопрос.

⁴ R. Cobb, op. cit («Paris et Tile de France», t. III, 1954),

¹ «Le triomphe des braves parisiens», p. 30—31.

² Ф. Энгельс, Маркс и Новая Рейнская газета (1848—1849) Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 1, т. VI, стр. 8—9).

монастырях, после ликвидации таковых остались жить в той же секции в качестве рядовых граждан¹.

Однако большинство населения секции Гравилье составляли не эти нетрудовые элементы а рабочие, ремесленники и прочий трудовой люд объединяемый нами в общем понятии «плебеев». Достаточно указать что по числу рабочих —4699 —секция Гравилье в 1791 г. занимала второе место среди всех секций Парижа (на первом месте стояла секция Понсо с 5288 рабочими), причем эта цифра в 3 с лишним раза превосходила среднее число рабочих, приходившихся на каждую из парижских секций—1530². Но вместе с тем чрезвычайно важным моментом, характеризующим социально-экономическую структуру секции Гравилье, являлось то, что если в среднем по Парижу число рабочих, приходившихся на одно предприятие, составляло 16,6, то в секции Гравилье оно составляло только 13,8³. Объясняется это тем, что секция Гравилье была одним из важнейших в Париже центров производства (предметов роскоши (лент, материй, кружев, чулок, ковров и т. п.), в которое централизованная (мануфактура проникла еще относительно слабо.

Действительно, наряду с несколькими сравнительно крупными мануфактурами (так например, одна из них давала работу 134, а другая — 85 рабочим в секции Гравилье была широчайшим образом распространена рассеянная мануфактура, построенная наподобие лионской. Небольшое число крупных предприятий, например, вроде Deshays и Lieve проживавших по улице Vert-Bois, давали заказы

мелким хозяйчикам — хозяевам мастерских, а те в свою очередь пользовались трудом подмастерьев и учеников.

Особенно развито в секции Гравилье было ленточное производство. Из 20 тыс. рабочих, занятых в 1791 т. в Париже работой в этой отрасли промышленности, значительная часть работала именно в пределах этой секции¹. В это производство уже начинали проникать машины, причем каждый вводившийся в употребление механический станок лишал работы около 20 рабочих², что сильно увеличивало количество безработных, которое и без того было очень значительным в связи с эмиграцией большого числа потребителей предметов роскоши.

Такова была секция Гравилье, с населением которой Жак Ру был связан тесными узами. На впечатлительного Жака Ру лишения и бедствия народных масс произвели самое глубокое впечатление и вызвали у него желание оказать помощь несчастным. Он немедленно начал широкую благотворительную деятельность, которая сразу доставила ему значительную популярность среди населения секции. Впоследствии, при допросе в департаменте полиции Парижской коммуны, Жак Ру показывал, что со времени поселения в секции Гравилье он преимущественно занимался помощью бедным и его дверь всегда была открыта для всех неимущих.

Положение духовника больных привлекало к нему значительное количество несчастных, которым он помогал, даже не опрашивая фамилии, ибо боялся обидеть их лишними расспросами и надеялся таким путем еще больше увеличить свои заслуги³.

Рассказ Жака Ру о своей благотворительной деятельности подтверждается показаниями других лиц. Так, например, сестра знаменитого верденского коменданта Борепера при допросе в революционном

¹ *W. Markov*, Robespierrieten und Jacqueroutins, S.198-199

² Приведенные цифры дают только число работавших в каждой секции рабочих. Разумеется, что проиживать они могли и в другом месте. Подробнее см. *F. Braesh*, Essai de statistique de la population ouvriere de Paris vers 1791

¹ *F. Braesh*, La Commune du 10 aout 1792, p. 23, 24.

³ *F. Braesh*, La Commune..., p. 24; *E. В. Тарле*, Соч., т. II, стр. 366.

³ Arch. Nat., W²⁰, d. 1073.

Комитете секции Гравилье летом 1793 г. показала, что нуждаясь в помощи после смерти своего брата, она направилась к Жаку Ру, об отзывчивости которого ей говорил другой священник церкви св. Николы на Полях — Девик. Допрошенная тем же комитетом 7 июля 1793 г., вдова Пти рассказывала, что, помогая бедным, Жак Ру не только производил в их пользу оборы среди своей паствы, но и помогал им из своего скудного жалования¹. Среди находящихся в Национальном архиве бумаг Жака Ру сохранились адресованные ему письма с просьбой о материальной помощи, например письмо некоей вдовы Montarant².

Некоторые лица (находились на его постоянном иждивении. Достоверен факт, что Жак Ру в течение ряда лет помогал 53-летней белошвейке вдове Пти (Petit), ухаживавшей за ним во время его болезни³. в конце 1792 г. или в самом начале 1793 г. он взял ни воспитание 14-летнего сироту (отец его погиб 10 августа 1792 г. при взятии Тюильрийского дворца) Auguste Pierre Medard Masselin, который жил у него и находился на его полном иждивении⁴.

Таким образом, поселившись в секции Гравилье, Жак Ру, помимо своих официально-служебных функций, ежедневно сталкивавших его с плебейским населением секции, оказался теснейшим образом связанным с ним и своими личными, бытовыми отношениями. Вот в этом-то, думается нам, и лежат причины той эволюции, которая произошла с Жаком Ру после его переезда в Париж, постепенно превратившая его в вождя и выразителя интересов плебейских масс Парижа вообще и секции Гравилье в особенности⁵.

¹ Arch. Nat., W²⁰, d. 1073.

² Письмо вдовы Montarant к Жаку Ру, оборотная сторона которого была использована им при написании «Речи о причинах несчастий Французской республики» (Arch. Nat., W²⁰, d. 1073).

³ Показания вдовы Petit (Arch. Nat., W²⁰, d. 1073).

⁴ Arch. Nat., W²⁰, F⁷ 4775³, F⁷ 2486.

⁵ М. Домманже в работе «Jacques Roux...», р. 16, объясняет эволюцию социальной позиции Жака Ру вступлением его в члены кордельерского клуба и влиянием Моморо и Рутледжа. Соглашаться с этим вряд ли возможно, ибо уже в 1792 г. Жак Ру

Пребывание в секции Гравилье и личное наблюдение страданий ее населения не только побудило Жака Ру заняться благотворительной деятельностью, бывшей лишь ничтожным паллиативом. Они, безусловно, оказали влияние на его взгляды и заставили бороться за улучшение положения этого населения всеми доступными ему средствами политической борьбы.

Вступив еще раньше в члены клуба кордельеров он произнес 20 мая 1792 г.² в соборе Парижской богоматери проповедь «О средствах спасения Франции и свободы», напечатанную позднее в виде отдельной брошюры, в которой впервые выставил требование установления смертной казни для спекулянтов (agio teurs) и барышников (accapareurs). «Подвергните страху постыдного наказания всех спекулянтов и барышников», — восклицает в своей речи Жак Ру. «Нет большего преступления, чем наживаться за счет народных бедствий и производить ростовщические сделки, имеющие своим результатом слезы и разорение народа. Нация, сбросившая с себя иго тирании, должна обрушиться на жестокие происки аристократии богатства».

В дальнейшем требование установления смертной казни для спекулянтов и барышников стало основным содержанием его политической пропаганды.

Кроме требования борьбы со спекуляцией, Жак Ру выдвигал в своей речи и ряд других требований, которые также получили более подробное развитие в его дальнейшей деятельности: арестовать всех бывших привилегированных, взять в качестве залож-

в своей программе идет несравненно дальше, чем большинство кордельеров. Поэтому гораздо более прав Марков, по словам которого, для того «чтобы дальше продвинуться» в изучении роли Жака Ру, «необходимо более основательно изучить секцию Гравилье» (*W. Markov, Revolutionsregierung und Volkbewegung in Frankreich 1793—1794, «Wissenschaftliche Annalen», August 1957, S. 510.*)

¹ Показания вдовы Пти 7 июля 1793 г. (Arch. Nat., W²⁰, d. 1073).

² См. отчет о заседании якобинского клуба 17 мая 1792 г. (*F- A. Aulard, La Societe des Jacobins, t III, p. 589.*)

ников жен и детей эмигрантов и, главное, установить строгие законы в отношении хлебной торговли¹.

Следовательно, «Речь о средствах спасения Франции и свободы» Жака Ру представляет огромный скачок по сравнению с его «Речью о триумфе храбрых парижан». Если в 1790 г. Жак Ру по своим взглядам значительно отстал от взглядов будущих якобинцев, то весной и летом 1792 г. он их значительно опережает. Если якобинцы ограничивались одной только буржуазно-демократической программой, Жак Ру, кроме того, требовал и важных социально-политических мероприятий в интересах плебейских масс и прежде всего борьбы не на жизнь, а на смерть со спекуляцией. Речь получила большой резонанс и ему пришлось повторять ее не только весной и летом, но и в декабре 1792 г.² Особенным успехом пользовалась пропаганда Жака Ру среди женщин, сильнее мужчин ощущавших всю тягость дороговизны и голода; именно поэтому осенью 1793 г. он утверждал, что «наша победа будет обеспечена, если женщины войдут в среду санкюлотов»³.

Осенью 1792 г. Жак Ру выставил свою кандидатуру на происходящих выборах в Национальный конвент и в совет Парижского департамента. Однако, в это время популярность Ру еще не выходила за пределы секции Гравилье, и поэтому выборщики из других секций не поддержали его кандидатуры в общегородском избирательном собрании; количество полученных им голосов оказалось недостаточным для избрания. Зато на выборах в Парижскую коммуну 29 декабря 1792 г. Жак Ру при 206 голосовавших получил 150 голосов и, таким образом, стал

одним из представителей секции Гравилье в так называемой «временной Коммуне» 2 декабря¹.

Другой видный руководитель «бешеных» — Жан Варле родился в Париже в 1764 г. в относительно состоятельной интеллигентной семье и получил среднее образование. К революции он примкнул с самого ее начала, но его первые публичные выступления в садах Палэ-Рояля в 1791 г. и в якобинском клубе в 1791 и в начале 1792 г. ничем не отличались от обычных речей представителей революционной буржуазии того времени². Лишь в середине 1792 г. в мировоззрении Варле совершился переворот, заставивший его сойти с позиций «классического» якобинизма в духе Робеспьера и Сен-Жюста. Решающую роль в этом сыграла его связь с населением секции Сицилийского короля (впоследствии она была переименована в секцию Прав человека), на территории которой он жил³.

Секция Сицилийского короля по составу своего населения являлась менее плебейской, чем секция Гравилье. В то время как преобладающую часть населения секции Гравилье составляли представители плебейских масс, в секции Сицилийского короля проживало значительное количество аристократов, владельцев роскошных особняков и отелей, а также крупных буржуа. Что касается плебейской части жителей секции, то она в 1791 г. состояла из 1028 рабочих, занятых в 67 предприятиях, т. е. в среднем 15,3 человека на предприятие (средняя цифра в это время по Парижу — 16,6 человека). Значительную часть рабо-

¹ См. «Archives departementales de la Seine», 4 A², 698; *F. Braesh*, *La Commune du 10 août 1792*, p. 1125.

² См. брошюру: «J. Varlet a ses chers concitoyens des tribunes et des Jacobins», Paris, s. d. (Bibl. Nat., Ln²⁷, 20067). Cp. *F. A. Aulard*. *La Societe des Jacobins*, Paris, 1889—1897, t. III, p. 627—628.

³ Cp., например, постановление общего собрания секции Прав человека от 26.X.1793 г. («Extrait des registres des deliberations de l'assemblee Generale de la Section des droits de l'homme du cinq du Deuxieme mois de la seconde annee de la Republique Francaise une et indivisible» (орфография подлинника). Arch. Nat., F⁷ 4775⁴⁰, dossier Varlet.

¹ «Discours sur les moyens de sauver la France et la Liberte, prononce dans l'Eglise Metropolitaine de Paris, dans celles de St-Eustache, de S-te Marguerite, de St-Antoine et de St-Nicolas des Champs. Par M. Jacques Roux, membre de la Societe des Droits de l'Homme et du Citoyen. A Paris, chez l'auteur» (Bibl. Nat., Lb³⁹ 10782, p. 36—37, 41—43).

² См. объявление в № 70 «Journal de la Republique Francaise» Марата (*Ж.-П. Марат*, Избранные произведения, т. III, стр. 404).

³ Письмо Жака Ру к Petit 23 августа 1793 г. (Arch. Nat., W²⁰, d. 1073).

чих секций Сицилийского короля составляли камни, влачившие самое жалкое существование¹. Сам Варле отмечал влияние, которое на него оказывало повседневное общение с плебейскими массами Парижа. «В течение четырех лет, — писал Варле, — неизменно находясь на общественных площадях, в толпах народа, в среде санкюлотов.., я понял, что... обитающие на чердаках бедняки рассуждают умнее и смелее, чем хорошо одетые господа, краснобаи, идущие ошупью ученые. Если они хотят найти подлинное знание, пусть они, подобно мне, приблизятся к народу»².

Первым проявлением эволюции взглядов Варле явился его уход летом 1792 г. из якобинского клуба (в состав которого входили тогда еще и жирондисты) и издание им в связи с этим брошюры под названием «План новой организации Центрального клуба друзей конституции»³. Правда, в этой брошюре Варле излагаются еще взгляды, роднящие его с представителями классического якобинизма. Такова, например, его вера в просвещение как фактор, содействующий устранению социального неравенства. Но самое главное в «Плане новой организации» Варле все же не то, что сближало его с якобинцами, а то, что его от них отделяло: прежде всего та роль, которую он теперь отводил в революции «неимущим».

Именно неимущие парижских предместий, которым Варле посвятил свою брошюру, совершили, по его мнению, революцию; «только там находится ро-

дина свободы»¹, хотя отсутствие образования мешает неимущим выполнить до конца ту роль, которую они могли бы сыграть при иных, более благоприятных условиях. Но даже и в своем нынешнем состоянии неимущие все же являются лучшей частью французского народа, и Варле с восторгом противопоставлял «бедного и добродетельного труженика» парижских предместий развращенным и реакционным аристократам².

Из этих теоретических положений Варле целиком вытекали все практические предложения, содержащиеся в его «Плане новой организации Центрального клуба друзей конституции». Обвиняя якобинцев в том, что они слишком отделяют себя от других народных обществ, он предлагал, чтобы отныне никто не мог стать членом якобинского клуба, не будучи предварительно членом какого-либо другого народного общества³. Тем самым чисто буржуазный состав тогдашнего якобинского клуба оказался бы растворенным среди несравненно более демократического большинства членов других парижских клубов того времени, в частности клуба кордельеров и тесно связанных с ним «братских обществ обоих полов».

Позиция, занятая Варле летом 1792 г., предопределила его активное участие в революционном перевороте 10 августа 1792 г., а также и то, что в бурные дни августа и сентября он оказался на крайнем левом фланге революционной демократии. Действительно, Варле принимал самое деятельное участие в подготовке свержения монархии⁴, а затем, избранный

¹ / J. Varlet, Plan d'une nouvelle organisation de la société — mere des Amis de la Constitution.., p. 8.

² Там же, стр. 7—8.

³ Там же, стр. 49.

⁴ Именно Варле был автором петиции с ходатайством о низложении Людовика XVI и созыве Национального конвента, представленной Законодательному собранию 6 августа, подписи под которой занимали 55 страниц. «Voeux formes par des francais libres, ou petition manifesto d'une partie du souverain a ses delegues pour etre signee sur l'autel de la patrie et presentee le jour ou le peuple se levera en masse pour resister a l'oppression avec les seules armes de la raison» (Bibl. Nat., Lb³⁹ 10728).

¹ Подробнее см. F. Braesh, La commune du 10 aout 1792, etude sur l'histoire de Paris du 20 juin au 2 decembre 1792, Paris, 1911, p. 25—26; ego же, Essai de statistique de la population ouvriere de Paris vers 1791 («La Revolution Francaise», t. 63, Paris, 1912, p. 314—315).

² J. VaHet, Declaration solennelle des Droits de l'Homme dans l'etat social. L'an premier de la verite, 1793, 2-e de la Republique Francaise (Bibl. Nat., Lb³¹ 2979).

³ «Plan d'une nouvelle organisation de la société-mere des Amis de la Constitution, suivi de la religion du philosophe. Dedie aux indigens par J. Varlet, Apotre de l'egalite. / J. Varlet, Plan d'une nouvelle organisation de la société-mere des Amis de la Constitution.., A Paris, l'an quatrieme de la liberie» (Bibl. Nat., Lb⁴⁰ 2278).

своей секцией в число парижских выборщиков, избравших депутатов в Национальный конвент, он выступил в конце сентября с проектом¹, в котором наиболее ярко проявилась программа «бешеных».

Третий руководитель «бешеных» — Теофиль Леклер² тоже восторженно встретил начавшуюся революцию. Попав на остров Мартинику, он принимал участие в развернувшемся там революционном движении, за что был арестован. В 1791 г. в трюме корабля его доставили во Францию и вскоре освободили. Никаких средств к существованию у него не имелось. В конце 1791 г. и начале 1792 г. Леклер принимал активное участие в работе местного (народного) общества и от его имени выступил 25 марта 1792 г. в Законодательном собрании с протестом против подавления революционного движения во французских колониях. В этот же свой приезд в Париж Леклер выступал в якобинском клубе с резкими речами против короля. Однако, сколь не резки были эти речи, вызвавшие негодование тогдашнего умеренного большинства якобинского клуба, они еще не выходили за пределы буржуазно-демократической программы левого крыла якобинцев, и в частности Марата. Скоро покинув Париж, Леклер отправился в Рейнскую армию, а в начале 1793 г. попал в Лион — второй по численности населения и первый по значению своей промышленности города Франции, где пролетариат составлял более значительную часть плебейских масс, чем в Париже, и между ним и буржуазией острее проявлялись классовые противоречия. Лион был, можно сказать, провинциальным цен-

гром движения «бешеных». Здесь и проходила деятельность Леклера. Под влиянием плебейских масс Лиона формировалось мировоззрение Леклера, и в ходе революции из буржуазного интеллигента он вырос в горячего защитника плебейских масс.

Не менее интересна и четвертая личность среди руководителей «бешеных» — Клэр Лакомб¹. Как и другие, она с первых дней революции стала ее убежденной сторонницей, придерживаясь вплоть до 1792 г. якобинских взглядов. В Париж прибыла в начале 1792 г., вскоре оказалась безработной, сблизилась с женщинами городской бедноты и включилась в политическую борьбу на стороне народных масс. С оружием в руках она принимала участие в революции 10 августа.

Короткое знакомство с Ж.Ру, Ж.Варле, Т.Леклером и К.Лакомб показывает, что все они вышли из третьего сословия; приветствуя начавшуюся революцию, они сами активно в нее включились на стороне народа; но до лета 1792 г. их взгляды мало чем отличались от взглядов якобинцев.

Следовательно, взгляды, которые их отличают от якобинцев, они выработали лишь в процессе развития революции, по мере усиления в ней роли народных масс, по мере участия в ней самих «бешеных».

Поэтому следует сначала остановиться на практической деятельности «бешеных», а затем рассмотреть и вопросы их мировоззрения, организации и др.

¹ Клэр Лакомб родилась в 1765 г., происходила из купеческой семьи в Арьеже, по профессии была актрисой (Автобиография Лакомб. Arch. Nat., F⁷ 4756).

¹ «Projet d'un mandat special et imperatif aux mandataires du peuple a la Convention Nationale» («Archives parlementaires», t. LIV, p. 719—722).

² Леклер, сын путейского инженера, родился в 1771 г. в Монбризоне в провинции Лионе. Воспитан был в духе «просветительных идей». «Extraction, profession avant et apres la Revolution, carriere politique et Revolutionnaire et l'etat present des affaires de Theophile Le Clerc» (Arch. Nat., F⁷ 4774³); Aulard, La Societe des Jacobins, t. III, p. 447—448; «Discours de M. Le Clerc-Doze, prononce aux Jacobins, dans la seance du lavril 1792» (Bibl. Nat., Lb⁴⁰ 2260).

Глава III. ЭТАПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «БЕШЕНЫХ»

В истории деятельности «бешеных» можно выделить три этапа. На первом этапе—с возникновения движения в апреле—мае 1792 г. и до переворота 31 мая—2 июня 1793 г.—они в основном борются с жирондистами, выступая в союзе с якобинцами. Этот союз является важной предпосылкой победы восстания 31 мая—2 июня.

На втором этапе—со 2 июня по 5 сентября 1793 г.—«бешеные», своей поддержкой обеспечившие якобинцам победу над жирондистами, требуют от своих вчерашних союзников неуклонного осуществления всех мероприятий, логически вытекавших из этой победы, а также выполнения обещаний, данных ими во время совместной борьбы. Эти требова-

ния «бешеных» встречают решительный отпор со стороны дантонистов и робеспьеристов, что приводит к почти полному разрыву между якобинцами и «бешеными» в июле—августе 1793 г.

Третий и последний этап деятельности «бешеных» начался новым революционным натиском народных масс 4—5 сентября, когда «бешеные» сыграли особенно большую роль как вожди плебейских масс.

Под влиянием все возрастающего давления со стороны плебейских масс и obstоятельности, диктуемых нуждами обороны страны и революции от внутренней контрреволюции и внешней интервенции, якобинцы после событий 4—5 сентября 1793 г. оказываются вынужденными принять и осуществить значительную часть требований плебейских масс, сформулированных от их имени «бешеными».

Казалось бы, что этот момент должен был принести победу «бешеным». В действительности дело обстоит как раз наоборот: якобинцы, сделав некоторые уступки плебейским массам, изолировали от них «бешеных» и разгромили последних. На этом и кончилось движение «бешеных». На данном этапе полностью раскрывается основная внутренняя противоречивость роли плебейских масс в буржуазной революции.

«Бешеные» в борьбе с Жирондой

Хотя основным историческим содержанием первого этапа деятельности «бешеных» являлась их борьба с жирондистами, содержание это, однако, вывилось не сразу. До революции 10 августа 1793 г. формальными носителями государственной власти во Франции являлись Людовик XVI и его фельянский министерство и именно на них возлагали народные массы всю ответственность за внутреннюю и внешнюю политику правительства. Плебейские массы не знали о секретных переговорах жирондистов со двором перед революцией 10 августа, и «бешеные» рассматривали их как правое крыло антиправительственной оппозиции.

Эта характерная черта позиции «бешеных» летом 1792 г. чрезвычайно ярко выражена у Жака Ру в «Речи о средствах спасения Франции и свободы». При всей резкости речи Жак Ру в ней подчеркивает свое уважение к Законодательному собранию, депутатов которого называет «ангелами-хранителями французского народа»¹. Это позволяет думать, что весной 1792 г. он еще доверял жирондистам, которым принадлежало большинство в Собрании. То же следует сказать о петиции, составленной Варле и представленной им от имени секции Сицилийского короля 6 августа 1792 г. Законодательному собранию. Она требовала низложения короля, созыва Национального конвента, запрещения торговли звонкой монетой и ассигнатами и установления наказания за все виды барышничества, подчеркивая, что осуществление названных мероприятий является делом самого Законодательного собрания, т. е. жирондистов².

Но манифест герцога Брауншвейгского воочию показал, к чему может повести дальнейшее ожидание решения Законодательного собрания и, поняв это, народные массы Парижа совершили революцию 10 августа 1792 г., свергли короля и фельянов. Решающая роль плебейских масс в августовском перевороте достаточно видна хотя бы из того, что из 43 убитых в этот день, профессии которых известны, около 20 составляли рабочие, а среди 82 раненых рабочих было около 30³.

В революции 10 августа «бешеные», конечно, принимали участие. Например, Клэр Лакомб сражалась в этот день с оружием в руках⁴.

¹ «Discours sur les moyens de sauver la France et la liberie. Par. M. Jacques Roux, membre de la Societe des Droits de l'Homme et du Citoyen» (Bibl. Nat., Lb³⁹ 10782, p. 36—37, 43, 15).

² CM, «Уогу», *Formes par des francais libres* (Bibl. Nat., Lb³⁹ 10728, p. 2—3, 6—8).

³ CM. Arch. Nat., F¹⁵ 3269—3270, F⁷ 4426; *G. Rude*, Les ouvriers parisiens dans la Revolution Francaise, p. 120—121.

⁴ CM. Arch. Nat., T 1001 >³; *A. Tueteu*, Repertoire general des sources manuscrites de l'histoire de Paris pendant la Revolution Francaise, t. IV, N 2281; «Archives parlementaires», t. XLVIII, p. 714.

Революция 10 августа, передавшая власть в руки жирондистского большинства сначала Законодательного собрания, а затем (в первые месяцы деятельности) Национального конвента и Временного исполнительного совета, тем самым сделала ответственными за руководство судьбами Франции одних только жирондистов. Теперь недовольство плебейских масс должно было направляться уже непосредственно против жирондистов и это выявилось сразу же после 10 августа. Решающую роль в этом (недовольстве сыграли вопросы экономической политики. Продо-вольственный вопрос во Франции уже в первой половине 1792 г. достиг значительной степени остроты. События последующих месяцев — война, связанные с ней отрыв от производительной деятельности части трудящегося населения, оккупация части французской территории неприятельскими войсками, рост инфляции — все это могло только резко ухудшить положение. В связи с этим летом и осенью 1792 г. усилились требования народных масс о введении привычной для них со времен старого порядка реквизиции и таксации предметов первой необходимости. В августе и начале сентября в ряде мест произошли случаи острых продовольственных волнений.

Учитывая это положение, не только многие местные власти, но и Временный исполнительный совет и Законодательное собрание решили пойти на уступки народным массам. 9 сентября Законодательное собрание разрешило муниципалитетам, «каждому в своем округе, удерживать необходимое число рабочих для обмолачивания хлеба и для обработки земли», а административные органы получали право для снабжения рынков реквизировать хлеб у частных лиц. В дополнение к этому закону 16 сентября Законодательное собрание постановило, что административные органы департаментов обязываются в кратчайший срок установить «количество хлеба, которое каждая коммуна должна, соответственно тому, что у нее есть, доставить на общественный рынок». При этом все владельцы зерна, отказывавшиеся подчиниться реквизиции, подлежали наказанию в виде

конфискации запасов и заключения в тюрьму на срок до одного года.

Крупная буржуазия и кулачество, наживавшиеся на высоких ценах на хлеб, усмотрели в законах 9 и 16 сентября посягательство на их «священное» право собственности. Они стали давить на своих политических представителей — жирондистов, требуя отмены этих законов, а жирондисты как убежденные фритредеры ждали для этого только подходящего случая.

Победа, одержанная жирондистами на выборах в Национальный конвент, придала им смелости. Уже 8 октября министр внутренних дел Ролан в своем письме на имя председателя Конвента утверждал, что без свободного обращения продовольствия «народ может и неизбежно должен умереть от голода посреди изобилия»². Жирондисты до поры до времени предпочитали не отменять законов 9 и 16 сентября, а фактически саботировать их применение, и лишь новое выступление масс заставило их стать на путь более кардинального решения вопроса. Плебейские массы не были удовлетворены одной реквизицией хлеба, ибо цена на хлеб оставалась очень высокой и они продолжали голодать. Они требовали нормирования цены на хлеб. Это требование масс уже осенью 1792 г. стало настолько широким, что нашло свое отражение в ряде документов, исходивших от различных общественных организаций. Одним из первых по времени такого рода документов является петиция, составленная 22 сентября 1792 г. парижской секцией Французского пантеона, требовавшая установления на хлеб твердой цены, «соответствующей велениям обстоятельств, разума и справедливости». Все нарушители изданного в соответствии с этим требованием закона, в частности «землевладельцы, земледельцы, булочники, торговцы и все прочие лица, какого бы звания и состояния они ни были», должны были быть объявлены «изменни-

ками родины», а в случае рецидива — должны были караться шестилетним заключением. Авторы петиции указывали, что ранее изданные «справедливые законы» о неприкосновенности «права собственности» вряд ли имели в виду дать спекулянтам возможность обогащаться, «завершая разорение бедняков»¹. в другой петиции, представленной Конвенту 28 ноября от имени Коммуны и секций города Парижа, говорилось, что «союз богачей капиталистов хочет обладать всеми земельными и промышленными богатствами», что «новая аристократия хочет подняться над обломками старой посредством рокового роста богатств», поэтому «необходимо дать конституционным властям право таксировать предметы первой необходимости»².

Раздававшееся со всех сторон требование введения «максимума» толкнуло жирондистов, твердо решившихся не уступать, на путь перехода от политики саботажа законов 9 и 16 сентября к политике их полной ликвидации. На заседании Национального конвента 19 ноября было оглашено послание Ролана, в котором он утверждал: «Единственное, что должно себе позволить в продовольственном деле Собрание, это провозгласить, что оно не должно ничего предпринимать, что оно упраздняет все стеснения, объявляет fullest свободу обращения продуктов... и самым решительным образом будет противодействовать всякому, кто покусится на эту свободу»³. Под прямым влиянием подобных настроений Конвент 30 ноября предписал войскам вооруженной силой подавлять все попытки народных масс устанавливать максимум революционным путем⁴, и декретом 8 декабря Конвент по предложению все того же Ролан а не только отменил законы 9 и 16 сентября, но и предписал арестовывать и предавать суду

¹ Arch. Nat., Fⁿ 218; «Die Sansculotten von Paris», S. XVIII, Anm. I.

² *Buchez et Roux*, Histoire parlementaire de la Revolution Francaise, t. XX, p. 413.

³ Там же, стр. 407—408.

⁴ «Moniteur», t. XIV, p. 620.

¹ См. А. Мамьез, Борьба с дороговизной..., стр. 71.

² Там же, стр. 67.

«всех лиц, препятствующих свободному продвижению продовольственных грузов»¹. Жирондисты могли торжествовать победу, но эта победа была Пирровой: именно она подготовила их гибель, окончательно восстановив против них плебейские массы!

Антинародная продовольственная политика жирондистов вызвала к ним резко враждебное отношение плебейских масс осенью и зимой 1792 г. Но в этом деле имели значение и моменты чисто политические, хотя они, конечно, стояли на заднем плане. Длительная борьба, ведущаяся в это время между «законными» органами власти — Законодательным собранием и Национальным конвентом — и «революционной» Парижской коммуной 10 августа; «федерализм» жирондистов, т. е. их стремление восстановить против Парижа всю остальную Францию и образовать для своей защиты особую «департаментскую» стражу; саботаж жирондистами процесса Людовика XVI и т. д. были не чем иным, как борьбой между жирондистами и плебейскими массами Парижа, в которой «бешеные» все время шли во главе масс и в своей пропаганде чрезвычайно удачно сочетали экономические и политические лозунги, направляя массы к единой цели — подготовке свержения господства жирондистов.

Эта черта политики «бешеных» на данном этапе их деятельности с полной ясностью сказывается в выступлении Жака Ру — его «Речи о суде над Людовиком последним и преследовании (Спекулянтов, барышников и изменников»², которая была произнесена

¹ *Buchez et Roux*, op. cit., t. XXI, p. 200—201.

² «Discours sur le jugement de Louis le dernier, sur la poursuite des agioteurs, des accapareurs et des traitres; prononce dans l'Assemblée Generale de la Section de l'Observatoire, le jour de sa Translation dans la ci-devant Eglise des Ursulines, par Jacques Roux, Electeur de la Section des Gravilliers, membre du Conseil General provisoire de la Commune et de la Societe des Droits de l'Homme et du Citoyen, imprime et envoye d'apres l'arrete de l'Assemblée Generate, aux 47 sections, a la Commune de Paris, a l'Assemblée Electorale, aux Societes des Amis de la Liberte et de l'Egalite, des Droits de l'Homme et du Citoyen, et a toutes les Societes populates» (Bibl. Nat., Lb⁴⁰ 2014).

1 декабря 1792 г. в плебейской секции Обсерваторий и имела там такой успех, что секция постановила повторять ее чтение дважды в неделю в течение целого месяца.

По поводу этой речи Матьез справедливо замечает: «До сих пор его (Жака Ру. — Я. 3.) знали только в его секции. Именно эта речь... сделала Жака Ру популярным в Париже»¹. Каково же было ее содержание?

(Выступление Жака Ру 1 декабря начиналось с прямого и неприкрытого нападения на жирондистов. «Деспотизм, существующий при господстве нескольких лиц, т. е. сенаторский деспотизм, столь же ужасен, как и скипетр королей, ибо он стремится к тому, чтобы незаметным образом заковать народ в цепи, связав его посредством законов, якобы изданных им самим... В среде французского сената (т. е. Национального конвента. — Я. 3.)... подлая группа (подразумеваются жирондисты. — Я. 3.) готовится нанести смертельный удар общественной свободе..., подлые законодатели окружают себя вооруженной силой, — по-видимому для того, чтобы... оправдать Людовика XVI, палача французов».

Что касается конкретных требований, выставленных в речи Жака Ру, то они сводились к следующему. В области политической — это требование суда не только над Людовиком XVI, но и над Марией-Антуанеттой и всеми «законодателями, судьями, генералами и чиновниками, жавшими руку народа и получавшими деньги от двора».

В области экономической он требует решительной борьбы со спекуляцией, так же как и в «Речи о средствах спасения Франции и свободы», возмущается тем, что «законы не наказывают разбоя барышников и монополистов», призывает народ взять дело своего спасения в свои собственные руки. «Если глубоко развращенные представители (избранные от имени народа, но не народом, а буржуазией, и только прикрывающиеся именем народных представителей.—

¹ А. Матьез, *Борьба с дороговизной...*, стр. 106.

Ред.) не хотят спасти Республику, народ должен сделать это сам»¹. В этом призыве виден уже новый подход Ру к решению социальных (проблем. Надо думать, что Жак Ру одобрял почти повсеместно происходившие в это время попытки плебейских масс ввести снизу, революционным путем, так /называемый максимум, т. е. таксацию продуктов, что означало не что иное, как открытый вызов по адресу жирондистов. Однако он этим не ограничивается и прямо и непосредственно обрушивается на жирондистских депутатов Конвента, которых обвиняет в стремлении спасти Людовика XVI и «нанести смертельный удар общественной свободе». И, как вывод из всего сказанного, Жак Ру, обращаясь к французскому народу, провозглашает: «Граждане, вы не будете достойны свободы, если не растопчете ногами чудовищ, пытающихся перебить одну половину нации и заковать в цепи другую»².

В аналогичном духе выступал в это время и Варле. Для усиления своей связи с народными массами столицы он построил себе передвижную трибуну и с нее поздней осенью 1792 г. произнес в Тюильрийском саду и на других площадях Парижа ряд речей, в которых нападал на жирондистов и разоблачал их политику в вопросе о (департаментской страже, суде над Людовиком XVI и т. д.³ Что касается экономических вопросов, то Варле еще в составленном им в конце сентября «Проекте специального и императивного мандата представителям народа в Национальном Конвенте», требовал запрещения торговли звонкой монетой и асаигнатами и установления смертной казни за спекуляцию⁴.

8—13. ¹ «Discours sur le jugement de Louis le dernier», p. 4—5,

² Там же, стр. 13—18.

³ Рукописи этих речей, найденные у Варле при обыске в сентябре 1793 г., до нас не дошли («19 septembre 1793. Copie des proces-verbaux d'apposition et de levee des scelles chez le C Varlet», (Arch. Nat., F⁷ 4775⁴⁰).

⁴ «Project d'un mandat special et imperatif aux mandataires du peuple a la Convention Nationale» par Jean Varlet («Archives parlementaires», t. LIV, p. 719—722).

руководство «бешеными» борьбой плебейских масс с жирондистами за максимум не ограничивалось, разумеется, произношением речей, в которых они повторяли лозунги масс. Матьез⁵ совершенно правильно отметил, что текст знаменитой петиции, представленной Национальному конвенту 48 секциями Парижа 12 февраля 1793 г., носит на себе явное влияние не только идей, но и литературного стиля Жака Ру, и позволяет говорить о его несомненной роли если не автора, то уже во всяком случае редактора этой петиции.

Петиция 12 февраля начинается с критики фритредерских взглядов жирондистов на продовольственное дело, затем переходит к изложению взглядов ее авторов:

«Вы сетуете по поводу народных волнений, вызываемых вздорожанием продовольственных припасов; многие объясняют их бесчестным ажиотажем спекулянтов, и они правы, но их не слушают. Другие же в качестве целительного средства против этих злоупотреблений указывают на необходимость надзора муниципалитетов. Но как же вы хотите заставить состоящие из торговцев муниципалитеты контролировать и выдавать самих себя?... Один из вас... воскликнул, что для свободы было бы прискорбно видеть, как отбирают хлеб у земледельцев. Он кричал о посягательстве на собственность, но ведь не отнимается же то, что покупается по справедливой цене!..

Граждане-законодатели... взгляните на ужасную нищету бесчисленных семей, которые плачут в одиночестве, которые просят вас о возможности утереть свои слезы. Вы декретировали свободную торговлю хлебом, но необходимость прекращения злоупотреблений ускользнула от ваших попечений... Вы ничего не сделаете для нашего спасения, пока не уничтожите тех, которые злоупотребляют предоставленными им законом правами, чтобы обогащаться за счет бедняков»².

⁵ А. Матьез, Борьба с дороговизной..., стр. 108.

² *Buchez et Roux*, op. cit., t. XXIV, p. 263—265.

И соответственно этим положениям петиция требовала от Конвента издания закона, запрещающего по всей Франции под угрозой шести лет каторги на первый раз и смертной казни в случае повторения земледельцам и купцам продавать зерно по цене свыше 25 ливров за мешок весом в 250 фунтов¹.

Конвент отверг петицию 12 февраля и петицию депутации прачек от 24 февраля, в которой содержалась жалоба на дороговизну съестных припасов и мыла, «Пусть же меч закона, — говорилось в этой петиции, — повиснет над головами... кровопийц, над... людьми, которые вечно называют себя друзьями народа и которые ласкают его лишь для того, чтобы его легче задушить! Мы требуем смертной казни для скупщиков и спекулянтов!»²

При таком отношении Конвента к требованию плебейских масс об установлении максимума цен на предметы первой необходимости, что этим массам оставалось делать, как не последовать совету Жака Ру взять дело своего спасения в свои собственные руки? И 25 февраля, т. е. на следующий день после того, как Конвент отверг требования прачек, в Париже начались события, продолжавшиеся весь следующий день и охватившие 32 из 48 парижских секций.

«Все полицейские протоколы, — говорит Рюде, — и все жалобы торговцев устанавливают тот факт, что цель народа была повсеместно одной и той же и чрезвычайно простой: заставить продавать сахар, мыло, свечи, а иногда также и кофе и другие товары по ценам, установленным самим народом и приблизительно соответствующим ценам, существовавшим до вздорожания 1791—1792 гг.» При этом насилию подвергались большей частью крупные торговцы, хотя иногда (но реже) страдали и торговцы мелкие. Что касается социального состава участников событий, то Рюде, изучивший списки всех арестованных по этому поводу лиц, отмечает, что «имеющиеся

источники позволяют сделать вывод, что среди толп, выступавших 25—26 февраля, имелся довольно значительный процент наемных рабочих, ремесленников и мелких торговцев»¹. В частности, примерно из 50 человек, арестованных за участие в событиях 25—26 февраля, около 30 являлись наемными рабочими².

Наиболее важный вопрос, возникающий при изучении февральских событий 1793 г. в Париже, это вопрос о степени их подготовленности и организованности. «Совершенно очевидно, — пишет по этому поводу Рюде, — что волнения 25—26 февраля не были полностью внезапными. За это говорят многочисленные указания на существование четко продуманного плана организации и на наличие лозунгов и действий, повторяющихся в различных и притом отдаленных друг от друга местах. Хотя установленные народом цены не были повсеместно одними и теми же, но порядок осуществления таксации был всюду одинаков. А в составленных полицейскими комиссарами протоколах встречаются указания, что, по крайней мере в некоторых секциях, неизвестные секционной полиции лица призывали народ к восстанию»³.

Кто же осуществлял руководство движением? Документальных данных по этому вопросу не сохранилось. Сам Жак Ру, обвиненный на заседании Парижской коммуны 25 февраля в провокации «беспорядков» этого дня, отвергал обвинение, хотя и высказывал свое сочувствие самому движению⁴. Все историки, изучавшие этот вопрос, сходятся на предположении о руководящей роли Жака Ру в событиях этих дней. Таково, в частности, мнение Матьеза⁵ и

¹ G. Rude, Les émeutes du 25—26 février 1793 à Paris («Annales historiques de la Révolution Française», 1953, № 130, p. 36, 37, 41—42, 47).

² См. G. Rude, Les ouvriers parisiens dans la Révolution Française, p. 121—122.

³ G. Rude, Les émeutes du 25—26 février 1793 à Paris, p. 53.

⁴ См. «Le Scrutateur L'universel» № LVII, 27 février 1793 (Bibl Nat., Lc² 769—770).

⁵ А. Матьез, Борьба с дороговизной..., стр. 116.

¹ «Moniteur», t XV, p. 431

² Там же, стр. 544.

Мориса Домманже¹, а Рюде, цитируя мнение Матьеза, добавляет: «.. На этот раз влияние Жака Ру распространилось далеко за пределы нейтральных секций, в которых, согласно обычному мнению, оно было наиболее сильным... Движение, по всей вероятности, не имело бы места, если бы не было предварительной пропаганды Жака Ру и бешеных, а, может быть, даже и составленного ими плана действий»².

Но как бы ни решался вопрос о стихийности или организованности движения 25—26 февраля, роль этого движения в развертывании дальнейшего хода событий была очень значительной. Достигнутая к этому моменту степень напряженности борьбы между плебейскими массами Парижа и партией жирондистов знаменовала непосредственное приближение того момента, когда «критика оружием» сменяет «оружие критики». До восстания 31 мая—2 июня оставалось всего три месяца.

В борьбе между плебейскими массами и партией жирондистов, развернувшейся осенью, зимой и весной 1792—1793 гг., большую роль играла партия якобинцев.

Историкам-марксистам, изучающим Великую Французскую буржуазную революцию, до сих пор не удалось достигнуть единомыслия по вопросу социальной базы якобинцев. Взаимоотношения между жирондистами, т. е. представителями основной массы крупной и отчасти средней торгово-промышленной буржуазии, с одной стороны, и плебейскими массами, т. е. прямыми предшественниками индустриального пролетариата, с другой стороны, являются совершенно ясными и понятными, поскольку речь идет о двух основных антагонистических классах капиталистического общества. Взаимоотношения между якобинцами и плебеями выяснить труднее, так как якобинская «партия» представляла собою блок, выразивший

интересы разнородных социальных сил, противоречий между которыми находили свое отражение в политике якобинцев.

ЖЗ самом деле, определяя в свое время понятие «плебейские массы», мы видели, что в их число, кроме мануфактурных рабочих, ремесленных подмастерьев и учеников, а также низов интеллигенции и люмпен-пролетариев, должны быть включены и такие элементы, как мелкие самостоятельные ремесленники и торговцы. Но где находится та четкая -грань', которая отделяет мелкого торговца или ремесленника, относимого -нами :к числу плебеев, от ремесленников типа друга и домохозяина Робеспьера Дюпле, хотя и скромно именовавшего себя «столяром», но в действительности эксплуатировавшего труд нескольких десятков подмастерьев и учеников?»²

Если довольно трудно провести отчетливую грань (между левым мелкобуржуазным -крылом якобинцев и «плебеями» или «санкюлотами», то не легче провести разграничительную линию и между правым, среднебуржуазным крылом якобинцев и их соседями справа — конвентским «болотом» и даже левыми жирондистами. Именно это дало основание Марксу говорить, что, несмотря на то что Дантон «. . .находился на вершине Горы, он до известной степени был вождем Болота»³. Такое положение было не -случайным явлением, а логически вытекало из свойственной Франции -конца XVIII е. относительно слабой классовой

¹ Как вполне правильно отмечает Тэннессон, «граница между мелкой буржуазией и небуржуазной частью народа была очень колеблющейся и неопределенной» (*K. D. Tennesson*, op. cit., p. XVII).

² Отвечая на этот вопрос, мы полагаем, что теоретически такой гранью должно служить наличие или отсутствие в каждом конкретном случае эксплуатации чужого труда. Однако практически это бывает очень трудно установить, поскольку документы того времени одинаково называют «столярами», «сапожниками», «шляпочниками» и т. п. как мелких кустарей-одиночек, так и средних и иногда даже крупных мастеров предпринимательского типа. Примером последнего случая может служить тот же Дюпле.

³ *К. Маркс*, Борьба якобинцев с жирондистами (*К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. III, стр. 609).

p. 36.¹ *M. Dommanget*, Jacques Roux et le Manifeste des Enrages,

² *O. Rude*, Les emeutes du 25—26 fevrier 1793 a Paris, p. 55.

дифференциации, в свою очередь объяснявшейся ее экономической отсталостью по сравнению с Англией, где капитализм был более развитым.

Таким образом, якобинская «партия» выражала интересы различных социальных групп. Ведя решительную борьбу против монархии, разрушая старое феодальное право, якобинцы действовали в интересах основной части средней и мелкой буржуазии, в том числе довольно быстро разорявшейся в условиях инфляции, дороговизны, вакханалии и спекуляции части городской мелкой буржуазии, еще окончательно не слившейся с плебейскими массами; они действовали в интересах основной массы крестьянства, рабочих, городской и сельской бедноты. Все эти социальные силы были заинтересованы в ликвидации старого феодального строя.

Совершенно ясно, что при таком многообразии представляемых ею элементов якобинская «партия» не могла являться чем-то единым, а неизбежно должна была распадаться на несколько отдельных группировок. Взаимоотношения этих группировок как между собой, так и с другими течениями, не были постоянными, они непрерывно менялись. Правда, все виднейшие деятели различных группировок якобинской партии по своему происхождению и положению одинаково являлись буржуазными интеллигентами, но все же в составе якобинской партии легко заметить следующие три ее главных течения, в основном существовавшие на всем протяжении 1792—1794 гг.:

1. Правое, ереднебуржуазное «рыло, виднейшими представителями которого были Барер и так называемые великие специалисты Комитета общественного спасения — Карно, Р. Линде и оба Приера. К этому же правому крылу примыкали представители образовавшейся за время революции «новой» спекулятивной буржуазии — Дантон, Камилл Демулен, Филиппе, Лежандр и др.

2. Центральная группа, представлявшая интересы основной массы крестьянства и городской мелкой буржуазии. Вождями этой группы были Робеспьер и его ближайшие соратники — Сен-Жюст, Кутон, Леба

и др. Она вошла в историю под именем «робеспьеристов».

3. Левое крыло, представлявшее интересы разоряющейся городской мелкой буржуазии и отчасти деревенской бедноты. Это крыло вошло в историю под общим, не вполне точным названием «эбертистов». Его виднейшими деятелями были, с одной стороны, Марат, а с другой — «эбертисты» — Эбер, Шометт, Моморо, Венсан, Ронсен и др. Из депутатов Конвента к левым якобинцам, кроме Марата, примыкали Билло-Варенн, Колло д'Эрбуа, Карье и др.

Интересы всех представляемых этими течениями социальных слоев были различны, а порой прямо противоположны между собой. Но имелись два момента, в основном и главном объединявшие их между собой и позволявшие сосуществовать в рядах общей якобинской «партии»¹. Этими моментами являлись, с одной стороны, совместная борьба против иностранной и внутренней феодальной контрреволюции и, с другой стороны, одинаковая боязнь каких бы то ни было покушений на «священное и неприкосновенное» право частной собственности. Но если первый момент сближал названные три течения якобинцев с самыми широкими народными массами, в том числе с плебеями, то второй уже приводил их к противоречиям с плебеями и непримиримому столкновению с «бешеными».

В первое время после свержения короля (10 августа 1792 г.), своего главного и наиболее опасного противника якобинцы видели в своих врагах оправа, т. е. в жирондистах. На решительную борьбу с ними

¹ Для понимания этого обстоятельства необходимо помнить, что, как это правильно отмечает современный французский историк-коммунист Jean Bruhat, в основе французской буржуазной революции лежало не только «первичное противоречие того времени, противопоставлявшее буржуазию аристократии крупных земельных собственников», но и противоречия в тогдашних условиях вторичные — между буржуазией и городской и сельской беднотой. «Эти вторичные противоречия не должны быть смешиваемы с противоречием первичным... ибо не они давали Французской революции ее основной характер, но их нельзя также и игнорировать» (*Jean Bruhat, De nouveau sur les sans-culottes parisiens. «La Pensee» № 84, 1959, p. 29*).

якобинцев толкали моменты политического характера. Явная неспособность, чтобы не сказать нежелание, жирондистов организовать сопротивление грозной опасности внутренней контрреволюции и иностранной интервенции; их стремление подорвать влияние якобинцев противопоставлением Парижу всей остальной Франции; их нежелание оттолкнуть от себя все прятавшиеся за их спиной после 10 августа роялистские элементы, что ясно проявилось во время процесса Людовика XVI,—все это и еще многое другое восстанавливало якобинцев против Ролана, Бриссо, их друзей и единомышленников. К политическим мотивам присоединялись и факторы экономические, а именно нежелание жирондистов (вытекавшее из их крупнобуржуазной классово-экономической сущности) положить предел инфляции и дороговизне, которые были но крестьянству и городской мелкой буржуазии хотя и не так сильно, как по плебейским массам, но все же существенно ухудшали и их положение. Казалось бы, что имеется достаточно причин, чтобы сделать якобинцев естественными союзниками плебейских масс в их борьбе с крупнобуржуазными жирондистами. Однако в действительности такого союза не возникло.

Дантониисты не желали пойти навстречу требованиям плебейских масс потому, что инфляция и дороговизна, которые являлись тяжким бедствием для трудящихся масс, вместе с тем составляли один из важнейших источников обогащения «новой» буржуазии; робеспьеристы же, хотя и не имели подобных оснований для враждебности в отношении плебейских масс, были, как известно, принципиальными сторонниками фритредерской политики и в установлении твердых цен видели угрозу основе экономической жизни.

Эта характерная черта позиции робеспьеристов в продовольственном вопросе выразилась уже в большой речи, произнесенной на заседании Конвента 29 ноября 1792 г. Сен-Жюстом¹. Доказав в ней ря-

¹ «Œuvres complètes de Saint-Just» в издании Vellay, Paris, 1908, t. I, p. 373—385.

дом убедительных аргументов, что причиной голода и дороговизны является инфляция, и потребовав всемерной борьбы с таковой, Сен-Жюст вместе с тем высказался против всякого вмешательства в свободу торговли на том основании, что никакой «положительный закон по этому поводу никогда не будет разумным».

Но значительно более интересной является речь по продовольственному вопросу, с которой выступил на заседании Конвента 2 декабря 1792 г. Робеспьер. В ее теоретической части он выдвинул ряд положений, во многом совпадающих с наиболее излюбленными аргументами «бешеных».

«Первое из прав человека — это право на существование. Поэтому первый общественный закон — это тот, который гарантирует всем членам общества средства к существованию, все остальные законы подчинены ему. Собственность существует прежде всего для того, чтобы жить. Неверно, что интересы собственности могут когда-либо стоять в противоречии с потребностью людей в продовольствии, которая так же священна, как сама жизнь. Все, что необходимо для спасения жизни, является общим достоянием всего общества, частной собственностью является только избыток, который и может быть предоставлен в распоряжение торговцев».

Какие же выводы делает Робеспьер из этих теоретических посылок? «Продукты, не являющиеся предметами жизненной необходимости, могут быть предоставлены самой неограниченной торговой спекуляции. .. Нет никакой необходимости, чтобы каждый покупал роскошные материи, но нужно, чтобы он был достаточно богат для покупки хлеба себе и детям; никто не имеет права хранить груды ржи, когда его ближний умирает от голода».

Значит ли все это, что Робеспьер выступил сторонником таксации предметов первой необходимости? Отнюдь нет. «Я хочу, — говорил он, — чтобы была сохранена свобода торговли; я только хочу, чтобы уничтожили контрреволюционные монополии и скупки, чтобы обращение зерна по всей республике

было обеспечено, чтобы были приняты все необходимые предосторожности для того, чтобы торговле не чинилось препятствий... Упрочьте же свободную торговлю зерном, запретив губительные скупки!»¹

Итак, Робеспьер высказывался не за таксацию предметов первой необходимости, а лишь за регламентацию торговли в духе законов 9 и 16 сентября 1792 г. Такая позиция якобинцев помогла жирондистам провести в Конвенте закон 8 декабря 1792 г. о восстановлении полной свободы хлебной торговли.

Позиция якобинцев в продовольственном вопросе не изменилась и к февралю 1793 г., причем на этот раз самым ярким противником требований плебейских масс оказался не кто иной, как «друг народа» — Марат. В ответ на известную петицию 12 февраля он в тот же день опубликовал в № 121 своей газеты статью под названием «Замечания по поводу так называемой делегации 48 парижских секций и 85 департаментов Республики», в которой называл предложенные петиционерами мероприятия «рассчитанными на то, чтобы вызвать голод, потрясение государства и гражданскую войну; они были бы верхом безумия, если бы не были верхом злодейства». А самую петицию 12 февраля Марат рассматривал «как внушенную врагами отечества» и утверждал, будто бы «среди петиционеров можно было заметить большое число булочников»².

Такую же позицию заняли якобинцы после событий 25—26 февраля 1793 г., что ясно видно из отчета о заседании якобинского клуба, происходившем вечером 25 февраля. Общий тон прениям дал Марат, назвавший людей, подготовивших события этого дня, коятрреволюционерами и агентами жирондистов. Его заявление было уточнено Дюбуа-Кранез, утверждавшим, что «бешеные» — агенты Питта, и особенно подробно развито Робеспьером, указывавшим на существование двух причин происходящих событий.

первая есть естественная склонность народа изыскивать средства для облегчения своей нищеты... Но существует еще и вторая причина. Она заключается в вероломных намерениях врагов свободы, врагов народа, которые глубоко убеждены в том, что единственное средство предать его иностранным державам состоит в том, чтобы тревожить народ по поводу продовольственных неурядиц и таким образом сделать его жертвой вытекающих отсюда смут»¹.

«Бешеные» изображались в качестве агентов контрреволюции и в редактированном Робеспьером обращении якобинского клуба к своим провинциальным филиалам от 1 марта².

Таким образом, в феврале 1793 г. создалось положение, при котором взамен казавшегося вероятным осенью 1792 г. союза якобинцев с плебейскими массами против жирондистов, возник союз якобинцев с жирондистами против плебейских масс и руководивших ими «бешеных». Это выразилось, в частности, в репрессиях, посыпавшихся на участников движения 25—26 февраля, в которых якобинцы (в лице Парижской коммуны, парижской делегации Национального конвента, якобинского клуба и т. д.) играли не менее видную роль, чем жирондисты³.

Однако существование образовавшегося в последние дни февраля блока якобинцев с жирондистами оказалось очень непродолжительным. Дело в том, что «На всю французскую революцию, — говорит Ф. Энгельс, — огромное влияние оказывала война против коалиции, каждое биение ее пульса зависело от этой войны; проникает коалиционная армия во Францию — это вызывает преобладание блуждающего нерва, сильнее бьется сердце, наступает революционный кризис; армия коалиции должна отступить — получает преобладание симпатический нерв, сердце бьется медленнее, реакционные элементы снова

¹ "Reimpression de l'ancien Moniteur", Paris, 1847, t. XIV.

² Ж.-П. Марат, Избранные произведения, т. III, стр.247-251,

¹ *Buche et Roux*, op. cit., t. XXIV, p. 343—347; *Gerard Walter*, *Histoire des Jacobins*, Paris, 1946, p. 292—293.

² См. А. Матъез, *Борьба с дороговизной...*, стр. 121.

³ См. там же, стр. 122.

выступают на первый план, плебеев — предтечу буду, шего пролетариата, энергия которых только и спасала революцию, — вразумляют и умирляют»¹.

В марте — апреле 1793 г. Французская Республика оказалась именно в положении, при котором должен был «наступить революционный кризис». В первых числах марта французская армия понесла тяжелое поражение в Бельгии, 10 марта началось контрреволюционное роялистское восстание в Вандее, 1 апреля перешел на сторону неприятеля тесно связанный с жирондистами генерал Дюмурье, вследствие чего вся французская армия оказалась на краю гибели. В этих условиях якобинцы поняли, что их дальнейшая близость с жирондистами может привести только к одному — неминуемой гибели революции, а так как это меньше всего входило в их намерения, то якобинцам не оставалось ничего другого, как круто порвать с жирондистами, попытаться сблизиться с плебейскими массами и «бешеными» и при их помощи свергнуть господство жирондистов. Возможность использования плебейских масс против жирондистов сильно облегчалась тем, что как раз в это время — в марте — мае 1793 г. — имело место значительное усиление активности парижских рабочих в их борьбе за улучшение своего экономического положения не только как потребителей, но и как продавцов своей рабочей силы².

Поворот якобинцев в сторону сближения с «бешеными» шел по политической и экономической линиям. Уступая старому требованию «бешеных» — применить ко всем врагам революции массовый революционный террор, якобинцы провели 10 марта через Конвент декрет об учреждении Чрезвычайного уголовного трибунала (впоследствии переименованного в Революционный), 21 марта — о создании во всех коммунах и секциях коммун Республики так называемых наблюдательных комитетов (позднее они стали называться революционными). Хотя, согласно декрету 21 марта,

¹ Ф. Энгельс — В. Адлеру, 4 декабря 1889 г. (*К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма*, стр. 414).

² Подробнее см. *G. Rude, Les ouvriers parisiens dans la Revolution Française*, p. 121—122.

круг деятельности наблюдательных комитетов входило только наблюдение за проживавшими во Франции иностранцами, они на практике очень скоро расширили круг своих полномочий и фактически стали основными органами осуществления революционного террора.

В экономической области первой важной уступкой требованиям «бешеных» явилось принятие Конвентом 11 апреля закона, уравнивавшего ассигнаты со звонкой монетой и запрещавшего торговлю этой последней под угрозой шести лет каторги. А накануне — 10 апреля — при обсуждении в Конvente адреса секции Хлебного рынка, требовавшего борьбы со спекулянтами и предания суду вождей жирондистов, Робеспьер не только поддержал этот адрес, но и обвинил жирондистов в том, что они умышленно раздули значение событий 25—26 февраля! Вот почему совершенно прав Матъез, когда говорит, что «уже с 10 апреля было очевидно, что установилось согласие между Коммуной и секциями, с одной стороны, и Горой — с другой. Коммуна и секции помогут Горе победить Жиронду, Гора же в вознаграждение за это поддержит социальную программу «бешеных»². Логическим следствием этого соглашения и явились принятие Конвентом после длительных прений и упорного сопротивления жирондистов закона 4 мая 1793 г., устанавливавшего максимальные цены на зерно и муку (так называемый первый максимум) и закона 20 мая о принудительном займе у богатых. Возможность такого поворота якобинцев в сторону сближения с «бешеными» в значительной степени облегчалась также тем, что уже к этому времени в теоретических взглядах якобинцев стали происходить изменения, причина которых была год спустя необычайно ярко сформулирована Сен-Жюстом в известных словах его речи 8 вантоза: «Сила обстоятельств приводит нас к результатам, о которых мы ранее не думали»³. Ярким доказательством этого

¹ «Moniteur», t. XVI, p. 105.

² А. Матъез, *Борьба с дороговизной...*, стр. 137.

³ «Moniteur», t. XIX, p. 568.

может служить речь Робеспьера в Конвенте 24 апреля 1793 г., в которой он в своем толковании понятия права собственности заходил значительно дальше того, что он говорил 2 декабря 1792 г., и во многом приближался в этом вопросе к позиции «бешеных»¹.

«Вы совершенно правильно определили, что свобода имеет своим пределом права других людей. Почему же вы не применяете этот принцип и к понятию собственности?.. Вы умножили число статей, обеспечивающих широкую свободу в пользовании собственностью, но вы не сказали ни одного слова для установления самой ее природы и правомерности. Таким образом, ваша декларация кажется созданной не для всех людей, а только для богатых барышников, спекулянтов и тиранов. Я предлагаю вам исправить эти недостатки, установив следующие положения:

1. Собственность есть право каждого гражданина пользоваться и располагать по своему усмотрению той частью имущества, которая гарантируется ему законом.

2. Право собственности ограничивается, как и все другие права, обязанностью уважать права других.

3. Право собственности не должно угрожать безопасности, свободе, существованию и собственности нам подобных.

4. Всякая собственность, всякая торговля, нарушающие эти принципы, недопустимы и безнравственны».

Кроме этих положений, Робеспьер предложил внести в Декларацию прав человека и гражданина пункт, согласно которому «граждане, доходы кото-

¹ О том, какое впечатление речь Робеспьера произвела на плебейские массы, достаточно красноречиво говорится в письме Бабефа к Шометту 7 мая 1793 г. Бабеф называет Робеспьера «достойным представителем» народа, восхищается им как оратором, «который так точно определил собственность, начертил границы, которыми это право должно быть ограничено, чтобы оно не стало пагубным для громадного большинства обществ» - (см. В. М. Далин, Бабеф весной 1793 г., «Из история рабочего класса и революционного движения», М., 1-958, стр. 579),

рых не превышают того, что необходимо для их существования, должны быть освобождены от обязанности участвовать в общественных расходах, остальные граждане должны участвовать в них прогрессивно, соответственно размеру их состояний»¹.

Жирондисты в союзе якобинцев с «бешеными» увидели не только посягательство на свое политическое влияние, но и прямую угрозу собственности крупной буржуазии. В напечатанном в конце апреля «Письме к парижанам», Петион писал: «Ваша собственность находится под угрозой, а вы закрываете глаза на эту опасность! Готовится война между собственниками и теми, кто не имеет собственности, а вы не предпринимаете ничего, чтобы предупредить ее!»² В Париже, и особенно в провинции жирондисты стали готовиться (а в Лионе в конце мая успели произвести) к контрреволюционным восстаниям против блока якобинцев и «бешеных» и лишь революционный переворот 31 мая — 2 июня помешал им осуществить свое намерение. В этом перевороте значительную роль играло левое крыло якобинцев в лице эбертистского руководства Парижской коммуны, но еще большее значение имела деятельность «бешеных». Например, Варле в начале 1793 г. выпустил брошюру под названием «Торжественная декларация прав человека в общественном состоянии»³, затем в течение зимы и весны 1793 г. он неустанно агитировал со своей трибуны на парижских улицах и площадях⁴, пытаясь поднять восстание против жирондистов⁵. В мае вместе с Эбером и другими левыми якобинцами Варле выступает одним из руководителей так называемого Центрального революционного комитета, сыгравшего выдающуюся роль в восстании 31 мая — 2 июня. За деятельность

¹ «Moniteur», t. XVI, p. 213.

² А. Мамьез, Французская революция, т. II, М., 1929, стр. 193.

³ «Declaration solennelle des Droits de l'homme dans l'etat social».

⁴ Arch. Nat., F⁷ 4775⁴⁰.

⁵ Такая попытка имела место 9—10 марта, но народные массы ее не поддержали.

В этом комитете Варле был арестован (вместе с Эбером в ночь с 24 на 25 мая), но под давлением народных масс через три дня освобожден. Свою деятельность в комитете он продолжал до 2 июня.

Активное участие в деятельности Центрального революционного комитета принимал и Теофиль Леклер, прибывший из Лиона в Париж в начале мая 1793 г. с поручением от лионского народного общества¹. Придерживаясь народных взглядов на революцию, он выступил 16 мая в Парижской коммуне с речью, близкой по характеру к выступлениям этого времени Ру и Варле². Избранный в Центральный революционный комитет, Леклер принимал непосредственное участие в подготовке восстания 2 июня.

Значительную роль в подготовке восстания 2 июня 1793 г. играла Клэр Лакомб. Решающее влияние на сближение Клэр Лакомб с «бешеными» оказало ее участие в основании в первой половине мая 1793 г. вместе с Полиной Леон, вскоре ставшей женой Леклера, «Общества революционных республиканок»³. Большинство членов этого общества составляли женщины из среды плебейских масс. Программа революционных республиканок была сформулирована в выступлении их делегации в якобинском клубе 19 мая 1793 г. Революционные республиканки требовали изгнания из Конвента вождей жирондистской партии, ареста всех подозреваемых и создания в Париже 40-тысячной армии, содержание которой отнести за счет богатых⁴.

Их экономическая программа характеризуется следующими требованиями: «Законодатели, нанесите удар спекулянтам, барышникам и купцам-эгоистам! Существует страшный заговор, ставящий себе целью посредством неимоверного повышения цен на продукты уморить народ голодом. Во главе этого заговора стоит торгашеская аристократия наглой

касты (l'aristocratie mercantile d'une caste insoiente), стремящаяся поставить себя на место короля посредством регулируемого ее жадностью подъема цен на предметы первой необходимости, захватить в свои руки все богатства. Уничтожьте всех этих мерзавцев; родина будет достаточно богатой, если на ее долю останутся санюлоты и их добродетели. Законодатели, придите на помощь всем несчастным — таков голос природы, таково стремление подлинных патриотов! Наши сердца разрываются при виде общественной нищеты. Наша цель — снова возвысить человека (relever l'homme); мы хотим, чтобы в республике не оставалось ни одного несчастного'.

Эти призывы революционных республиканок поднимали на восстание бедноту и особенно женщин. История, к сожалению, сохранила мало сведений об участии революционных республиканок в этой борьбе, но среди документов имеется такое авторитетное свидетельство, как отзыв Жака Ру, по словам которого, революционным республиканкам «принадлежит значительная заслуга в деле спасения Республики в дни 31 мая и 2 июня»².

В результате революционного переворота 31 мая — 2 июня господство жирондистов было ликвидировано и перешло к якобинцам. Революция вступила в новую фазу развития и соответственно этому начался новый — второй — этап деятельности «бешеных», к рассмотрению которого мы и перейдем.

Критика «бешеными» деятельности якобинцев

Второй этап движения «бешеных» длился три месяца — со 2 июня до 4—5 сентября 1793 г. Однако по насыщенности событиями он несколько не уступает предыдущему.

Надежды «бешеных» на то, что после ликвидации господства жирондистов будут проведены в жизнь их

¹ Автобиография Леклера (Arch. Nat., F⁷ 4774^s).

² *Buchez et Roux*, op. cit., t. XXVII, p. 73.

³ *Buchez et Roux*, op. cit., t. XXVI, p. 449.

⁴ *A. Aulard*, *La Societe de Jacobins*, t. V, p. 198—199.

¹ *См. А. Aulard*, *La Societe de Jacobins*, t. V, p. 199.

² «Le Pubiiciste de la Republique Francaise par l'Ombre de Marat, *Г Ami du Peuple*», N° 268, p. 7 (Bibl. Nat., Lc² 227).

экономические и политические требования, не оправдались. Дантонистское большинство, сложившееся в Конвенте после изгнания из него жирондистских лидеров, и дантонистский (так называемый первый) Комитет общественного спасения, стоявший у власти до 10 июля¹ пытались использовать победу народных масс над жирондистами для примирения с побежденным противником. С этой целью они поспешили принять конституцию, удовлетворяющую интересы крупной буржуазии. В состав якобинской конституции, принятой Конвентом 24 июня 1793 г., было включено определение права собственности, данное в статьях 16—19 «Декларации прав человека и гражданина», которое никак не ограничивало его.

Придя к власти, якобинцы не решили и продовольственного вопроса, чего добивались плебейские массы, борясь с жирондистами. Они лишь попытались применить закон, принятый Конвентом 4 мая, т. е. еще при жирондистах, о «первом максимуме». Устанавливая обязанность «всех купцов, землевладельцев и собственников зерна» сообщать муниципалитетам все данные об имеющихся у них запасах зерна и муки и доставлять указанные продукты «а рынки «в количестве, достаточном для прокормления населения», закон 4 мая не определял точно этого количества, что уже само по себе могло дать повод для фактического саботирования этого закона². То же самое следует сказать и о статье, разрешавшей владельцам зерна и муки оставлять у себя запасы, «необходимые для собственного употребления до нового урожая». Самым же главным недостатком закона 4 мая являлось то, что он не вводил единых для всей Франции максимальных цен, а предоставлял директории каждого департамента устанавливать для него свои собственные цены, исходя при этом из средних цен, существовавших между 1 января и 1 мая 1793 г.

¹ 10 июля 1793 г. из Комитета общественного спасения был выведен Дантон и в него были включены Сен-Жюст и Кутон, 27 июля в состав Комитета вошел Робеспьер и с этого момента господство в нем робеспьеристов было окончательно утверждено.

² *Buchez et Roux*, op. cit., t. XXVI, p. 343—347.

Кроме того, за нарушение максимальных цен закон 4 мая устанавливал очень мягкое наказание — конфискацию товара и штраф в размере от 300 до 1000 ливров.

Попытки применения закона 4 мая немедленно обнаружили все его недостатки. «Большая часть администраций в департаментах, — справедливо отмечает Матъез, — состояла из богатых собственников... Принужденные применять его (закон 4 мая), они думали только о смягчении его строгостей по отношению к собственникам»¹. Но, помимо обстоятельств, связанных с классовым составом департаментских администраций, при применении закона возникли новые трудности, вытекавшие из противоречий между производящими и потребляющими департаментами.

Закон предписывал представить в самый короткий срок декларации владельцев зерна и муки об имеющихся у них запасах, произвести учет и домашние обыски у непредставивших деклараций или у подозреваемых в том, что они дали неверные сведения. «Во многих департаментах намеренно затягивали эти дела. Власти ссылались на переписи, чтобы запретить вывоз зерна из пределов своих территорий. И результаты немедленно сказались. Нуждающиеся департаменты не могли запастись провизией в производящих департаментах, не подвергнутых переписи. Чтобы возможно дольше сохранить режим свободы торговли, некоторые департаменты намеренно чрезвычайно медленно составляли свои таблицы максимума. Они таким образом привлекали на свои рынки, где торговля была свободна, земледельцев из других департаментов, где уже существовала такса на съестные припасы. Департаменты, слишком ревностно соблюдавшие закон, увидели, что их рынки внезапно опустели... Таким образом, была объявлена экономическая война между департаментами и даже внутри департаментов между дистриктами и между коммунами»².

¹ *А. Матъез*, Борьба с дороговизной..., стр. 145.

² Там же, стр. 145—146.

В особенно тяжелом положении, естественно, оказался Париж. «Хотя собрание парижского департамента предусмотрительно установило свой максимум уже после того, как соседние департаменты установили свой максимум, чтобы привлечь земледельцев на свои рынки, однако нужда давала себя чувствовать уже с конца мая месяца. Ропот увеличился в июне. Булочки уменьшили размер своего хлебопечения, потому что муниципалитет не мог отпускать им достаточного количества муки. У булочных уже с рассвета стояли огромные очереди»¹.

Таково было положение вещей, сложившееся в Париже в июне 1793 г., и совершенно ясно, что оно должно было в сильнейшей степени разочаровать плебейские массы, надеявшиеся на то, что низвержение господства жирондистов принесет им немедленное и резкое улучшение условий их существования. Отражая это недовольство плебейских масс, Жак Ру на заседании Парижской коммуны 31 мая², а Леклер — 4 июня³ требовали немедленно арестовать всех подозрительных, взять в качестве заложников жен и детей эмигрантов и снять всех бывших дворян со всех должностей в армии и администрации. Но якобинцы не пошли на это. Они ограничились арестом вождей жирондистской партии, да и то добрая половина их немедленно сбежала из-под ареста и покинула Париж. «Бешеные» ответили на эти первые шаги деятельности якобинцев острой критикой и борьбой за ранее выставленные ими требования.

Среди бумаг Жака Ру⁴ сохранилась рукопись его проповеди под названием «Речь о причинах несчастий Французской республики»⁵, которую в свое время частично использовал Жорес⁶, а в 1959 г. с чрезвы-

чайно ценными и подробными комментариями опубликовал Вальтер Марков¹. Как показал Вальтер Марков, речь эта была, по-видимому, составлена не сразу, а в несколько приемов между 26 мая и 10 июня 1793 г.² Рукопись речи состоит из ряда мелко исписанных листков, представляющих для расшифровки величайшие трудности. Некоторые страницы написаны на оборотной стороне повесток о заседаниях Коммуны, адресованных Жаку Ру писем и т. д. Как показывает протокол допроса Жака Ру в департаменте полиции Парижской коммуны в августе 1793 г.³, рукопись наряду с другими бумагами была отобрана у него при аресте и этим путем попала в судебное дело. Есть основания предполагать, что Жак Ру думал напечатать свою проповедь в виде специальной брошюры⁴, однако какие-то обстоятельства этому помешали.

Жак Ру повторяет, что основной причиной всех бедствий Французской республики является спекуляция и ажиотаж, получившие за время революции широкое распространение, в результате чего трудящийся класс общества лишился возможности существовать на почве, политой его слезами, а богатый получил над бедным право жизни и смерти⁵.

Причиной этого, по мнению Жака Ру, является неправильная политика правительства, допустившего спекуляцию и торговлю звонкой монетой и не принудившего население оккупированных местностей к приему ассигнатов по их нарицательной цене, а также поведение духовенства, не осудившего в своих про-

¹ *W. Markov, Zu einem Manuskript von Jacques Roux («Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität, Leipzig, 1958—1959, Gesellschafts und Sprachenwissenschaftliche Reihe, Heft 2, S. 277—303).*

² Там же, стр. 281—283, 302—303.

³ Arch. Nat., W²⁰.

⁴ В изданной Жаком Ру брошюре, содержащей текст его петиции к Конвенту от 25 июня, имеется объявление о предстоящем выходе в свет «Речи о причинах несчастий Французской Республики».

⁵ «Discours sur les causes des malheurs de la République Française», p. 2—3, 14—15.

¹ *A. Матвез, Борьба с дороговизной...*, стр. 152.

² *Tuety, op. cit., t. VIII, N 2664.*

³ *Buchez et Roux, op. cit., t. XXVIII, p. 157—158.*

⁴ «*Pieces manuscrites trouvees chez le citoyen Jacques Roux*» (Arch. Nat., W²⁰, d. 1073).

⁵ «*Discours sur les causes des malheurs de la République Française*», Arch. Nat., W²⁰, d. 1073.

⁶ /. *Jaures, op. cit., t. VIII, p. 164—166.*

поведях спекуляции и не разъяснившего населению, что «земля принадлежит в равной степени всем людям и что торговля и право собственности не должны заключаться в том, чтобы заставлять своих ближних умирать от голода и нужды». «Узурпированные духовенством владения и национальные имущества почти целиком перешли в руки людей, обогатившихся за счет крови вдов и сирот; военные и судейские захватили полезные произрастания земли и завладели всеми отраслями торговли».

Приведенные высказывания позволяют утверждать, что уже летом 1793 г. Жак Ру ясно осознал столь характерный для этого времени процесс образования «новой» хищнической и паразитической крупной буржуазии, выросшей на почве спекуляции деньгами, продовольственными припасами, национальными имуществами, поставками на армию и т. д.

Для оправдания своих хищений новые богачи придумывают всевозможные предлоги. Для того, чтобы их разоблачить, Жак Ру рассматривает различные объяснения, выдвигаемые в качестве оправдания дороговизны, и опровергает их одно за другим. Говорят, что дороговизна есть следствие войны, но почему же раньше, при старом режиме, несмотря на многочисленные войны, дороговизны все-таки не было? Да и является ли война достаточным основанием, чтобы дать спекулянтам право обогащаться за счет народной нищеты? «Разве из того, что у нас внешняя война, следует, что аристократ и богач вправе объявить нам еще более ужасающую войну внутри страны? . . . Если есть обстоятельства, при которых съестные припасы должны быть доступными для трудящегося класса нации, то это как раз тогда, когда взбешенная Европа с яростью бросается на нашу территорию.

Говорят еще, что дороговизна есть следствие распространения бумажных денег. Но почему же в других странах, где также существуют бумажные деньги, тем не менее нет дороговизны? Ясно, что и это не может служить основанием, чтобы превращать торговлю в разбой, спекулировать на съестных припасах

и свободно распоряжаться богатством и даже жизнью граждан»¹.

>Жак Ру требует принять самые решительные меры, вплоть до ареста всех тех, кто «препятствовал торжеству свободы и видел в республике могилу всех своих надежд».

Но главное практическое требование, выдвигаемое Жаком Ру в его «Речи о причинах несчастий Французской республики», это решительная борьба с богатыми. «Вы нанесете грозный удар хищникам, которые из поколения в поколение нарушали естественное право, присваивая себе кровь граждан. Вы заставите их возвратить накопленные ими сокровища»².

Анализ содержания «Речи о причинах несчастий Французской республики» говорит о том, что переворот 31 мая — 2 июня ни в какой степени не удовлетворил Жака Ру. К сожалению, почти ничего не известно о его деятельности в первой половине июня 1793 г., кроме того, что на заседании 12 июня «революционный» Генеральный совет Парижской коммуны поручил Жаку Ру вместе с тремя другими лицами редактирование «Бюллетеня» Парижской коммуны, уже на следующий день переименованного в «Афиши Парижской коммуны»³. 20 июня в кордельерском клубе Жак Ру вносит предложение о дополнении обсуждавшегося в эти дни в Конвенте проекта новой конституции статьей, карающей смертью за спекуляцию.

Выступая в Коммуне 21 июня с мотивировкой своего предложения, он говорил, что «свобода не заключается в праве морить голодом своих ближних»⁴. Когда же Коммуна отвергла предложение Жака Ру, он на следующий день предложил кордельерскому клубу выдвинуть его перед Конвентом от имени клуба.

¹ «Discours sur les causes des malheurs de la Republique Francaise», p. 16.

² Там же, стр. 18—20.

³ «Moniteur», t. XVI, v- 630, 637.

⁴ См. А. Матвез, Борьба с дороговизной..., стр. 138—104,

Одновременно с этим 23 июня Жак Ру проводит свою петицию через общие собрания секций Гравилье и Бон-Нувель и в тот же самый день является в Конвент уже в качестве представителя не только кордельерского клуба, но и обеих секций. Однако Робеспьеру под предлогом необходимости спешного окончания рассмотрения конституции (оно было закончено лишь на следующий день, 24-го) удалось провести решение о том, чтобы отложить чтение этой петиции, и Жаку Ру пришлось покинуть Конвент, так и не добившись своей цели¹. Но за этим поражением последовала и победа: вечером того же дня якобинский клуб принял предложение кордельерского клуба о поддержке его петиции. Как гласит отчет о заседании якобинского клуба 23 июня, «явившаяся депутация общества кордельеров сообщает проект адреса к Конвенту. .. Общество принимает эти предложения и приветствует энергию общества кордельеров»². Однако эта победа Жака Ру оказалась очень непродолжительной: якобинский клуб, вначале согласившийся поддержать его петицию, затем, видимо, отказался это сделать. По крайней мере получивший, наконец, слово на заседании Конвента 25 июня Жак Ру выступал лишь как представитель секций Гравилье и Бон-Нувель и клуба кордельеров без всякого упоминания о якобинцах³.

¹ «Archives parlementaires», t. LXVII, p. 110; *Buchez et Roux*, t. XXVIII, p. 215—216.

² *Autard*, *La Societe des Jacobins*, t. V, p. 273.

³ «Adresse presentee a la Convention Nationale au nom de la section des Gravilliers, de Bonne-Nouvelle et du Club des Cordeliers, par Jacques Roux, officier municipal de Paris, electeur du departement et membre du Club des Cordeliers, redacteur de l'adresse et orateur de la deputation». Тексты этой петиции, содержащиеся в «Moniteur» «Archives parlementaires» и у *Buchez et Roux*, представляют собой конспект, весьма существенно отличающийся от оригинала. Подлинный текст петиции содержится в рукописи, находящейся в картоне W²⁰ Arch. Nat., и перепечатан без изменений в изданной вскоре после того Жаком Ру брошюре, экземпляр коей имеется в том же картоне. Брошюра эта была перепечатана Матъезом в «Annales Revolutionnaires» за 1914 г. В дальнейших ссылках мы будем пользоваться этим последним изданием.

«Депутаты французского народа, — так начал свою речь Жак Ру, — уже сто раз в этом священном зале провозглашалось о злодеяниях эгоистов и мошенников, и каждый раз вы обещали нам уничтожить пиявок народа. Конституционный акт будет скоро представлен на утверждение суверена. Запретили вы в нем спекуляцию? Нет. Объявили смертную казнь барышникам? Нет. Определили ли, в чем состоит свобода торговли? Нет. Вот почему мы вам заявляем, что вы ничего не сделали для счастья народа».

Жак Ру критикует свободу, которую установила буржуазия, и подсказывает выход: «Только предоставлением продовольствия в пользование санкюлотов вы приведете их на сторону революции и объедините вокруг конституционных законов»¹.

Утверждая далее, что в «течение четырех лет одни только богатые пользуются выгодами революции» и что законы «созданы лишь богатыми и для богатых» (*par les riches et pour les riches*), он переходит к опровержению различных версий о причинах постигшей Францию дороговизны, почти дословно повторяя то, что говорил по этому поводу в «Речи о причинах несчастий Французской республики». При этом он предвидит возможные возражения и заранее идет им навстречу.

«Неверно было бы возражать, что рабочие получают жалованье, соответствующее росту цен на продукты. Правда, есть некоторые из них, чей промысел оплачивается дороже, но немало и таких, труд которых за время революции стал расцениваться еще ниже, чем прежде. К тому же не все граждане — рабочие и не все рабочие имеют работу. . . Что касается женщин, то они не зарабатывают свыше 20 су в день»².

Далее в петиции повторялось все то, что говорили «бешеные» о спекулянтах, торговцах звонкой монетой, контрреволюционерах и т. д.

¹ «Annales Revolutionnaires», 1914, p. 548.

² Там же, стр. 549—552.

Петиция Жака Ру произвела в Конвенте впечатление разорвавшейся бомбы. Не говоря уже об остатках жирондистов и депутатах «Болота», против части которых петиция была непосредственно направлена, и дантонисты не могли спокойно пройти мимо брошенного им Жаком Ру вызова. В самом деле, все острые петиции Жака Ру — требование установления смертной казни за спекуляцию — было направлено против той «новой» спекулятивной буржуазии, которая составляла основную социальную базу дантонистов. Что касается робеспьеристов, то они, как известно, в это время — в июне и начале июля 1793 г. — поддерживали дантонистов, ибо так же, как они, искали примирения с жирондистами. Это ясно видно из доклада Сен-Жюста 8 июля 1793 г., в котором он подчеркивал, что Конвент, приняв конституцию, «успокоил испуганных собственников», и призывал всех французов «объединиться вокруг их конституции»¹. Петиция Жака Ру мешала такому примирению с жирондистами.

Более глубокая причина негодования, охватившего якобинцев при слушании петиции Жака Ру, состоит в том, что он выразил в ней недовольство плебейских масс буржуазной ограниченностью принимаемой конституции. Плебейские массы смутно чувствовали, что это не та конституция, которой они с таким нетерпением ждали от Конвента. Именно это хотел сказать Жак Ру своими словами о недостаточности для санкюлотов одного только формального провозглашения принципов свободы и равенства. Именно так истолковали якобинцы смысл выступления Жака Ру и потому в течение всей его речи со всех сторон зала Конвента раздавались возгласы негодования и призывы лишить оратора слова². Председательствовавший на заседании левый якобинец

¹ «Moniteur», t. XVII, p. 156—157.

² Все дальнейшее изложение основано на отчете о заседании Конвента 25 июня, содержащемся в «Archives parlementaires» t. LXVII, p. 458—459.

Колло д'Эрбуа неоднократно прерывал Жака Ру и предлагал ему скорее кончить свою речь. Когда же Жак Ру закончил свое выступление, то, очевидно, напуганный враждебным приемом, оказанным Конвентом делегатам секции Гравилье, один из членов этой делегации малодушно заявил, будто оглашенная Жаком Ру петиция — не та, которая была принята секцией. После этого Колло д'Эрбуа сделал намек на то, что выступавший оратор — агент Кобурга и контрреволюционеров. Более того, в то время как остальные члены делегации были приглашены председателем войти в зал и присутствовать на заседании, пытавшемуся последовать за ними Жаку Ру охрана Конвента преградила дорогу и ему пришлось остаться стоять у решетки. А взявшие вслед за тем слово дантонист Тюрио, Робеспьер и близкий к эбертистам Леонар Бурдон подробно развили мысль Колло д'Эрбуа о том, что Жак Ру является агентом внешних и внутренних контрреволюционеров. Более того, хотя Конвент и отверг предложение депутата Шарлье о немедленном аресте Жака Ру, было все же решено внести в протокол заседания заявления представитель секции Гравилье и клуба кордельеров, что прочитанная Жаком Ру петиция не та, которая была ими одобрена.

Известие об этих событиях не замедлило дойти до происшедшего в тот же вечер общего собрания секции Гравилье¹ и вызвало там целую бурю.

Явившийся вскоре Жак Ру зачитал текст петиции, оглашенной им в Конвенте, и общее собрание секции Гравилье вынесло постановление, гласившее, что «этот адрес тот же самый, что гражданин Жак Ру читал ранее. Секция постановляет, что она еще раз соглашается с выраженными в адресе принципами и что она поэтому разрешает своему комитету общественного спасения использовать все доступные ему средства для выяснения того, кто тот гражданин, который осмелился в заседании Конвента оклеветать

¹ Полученная секцией Гравилье неправильная информация гласила, что Жак Ру арестован.

гражданина Жака Ру¹. Кроме того, секция постановляет, что избранные ею четыре комиссара завтра же отправятся в секцию Бон-Нувель и в Конвент, дабы сообщить, что представленный Жаком Ру адрес есть действительно тот, который был ранее ею принят, что секция подтверждает свое одобрение изложенным в нем принципам и что она намерена преследовать человека, осмелившегося во время заседания Конвента оклеветать гражданина Жака Ру»².

Постановление секции Гравилье в защиту Ру быстро распространилось по Парижу и произвело сильное впечатление. Когда на следующий день в Генеральном совете Коммуны прокурор Коммуны Шометт огласил статью из газеты «Journal du Soir» с рассказом о выступлении в Конвенте Жака Ру и ряд членов Коммуны потребовали осуждения его петиции³, то это предложение принято не было; тем самым Генеральный совет отказался присоединиться к кампании против Жака Ру, поднятой якобинцами.

За полупобедой, одержанной Жаком Ру на заседании Парижской коммуны 26 июня, на следующий день последовала его полная победа на заседаниях кордельерского клуба и общего собрания секции Бон-Нувель вместе с секцией Гравилье, в свое время одобривших оглашенную им 25 июня в Конвенте петицию.

После того как на заседании кордельеров 27 июня Жак Ру изложил свои злоключения в Конвенте

¹ В книге протоколов революционного комитета секции Гравилье под датой 27 июня 1793 г. между прочим говорится: «Ввиду того что общее собрание секции поручило комитету вызвать гражданина, дезавуировавшего петицию, представленную Национальному конвенту 25 числа текущего месяца от имени секции Гравилье, гражданину этому предложено немедленно явиться». Фамилия этого гражданина в протоколе не указана (Arch. Nat., F⁷2486).

² Section des Gravilliers. Assemblée generale permanente. Extrait du registre de l'assemblée generate du 25 (в тексте сказано «du 23», но это явная описка), juin 1793, Гап 2 de la republique Francaise une et indivisible». Выписка подписана: Ultrick, president, Boesset, secretaire (Arch. Nat., W²⁰); «Annales Revolutionnaires» за 1914 г.

³ «Moniteur», t. XVI, p. 754.

25 числа, выступивший вслед за ним Леклер предложил исключить особенно яростно нападавшего на Ру Лежандра из числа членов клуба¹. Предложение это не прошло, но кордельерский клуб заявил, что «петиция соответствует его принципам и заслуживает его одобрения. Клуб постановляет, что петиция будет напечатана, расклеена всюду, где потребуется, и разослана секциям и народным обществам. Клуб выражает одобрение гражданину Жаку Ру и раскрывает ему свои братские объятия»².

Секция Бон-Нувель, заслушав Жака Ру, мужественно заявившего, что «одобрение моего адреса санкюлотами заставляет меня забыть об оскорблениях»³, также постановила одобрить петицию и признать ее исходящей от ее имени⁴.

Решительный переход Жака Ру в наступление против якобинцев вызвал отпор со стороны последних. На заседании якобинского клуба 28 июня Робеспьер обрушился на Жака Ру с гневной речью, в которой снова утверждал, что тот является агентом контрреволюционеров, и недвусмысленно заявлял, что «единственными врагами народа являются те, кто выступает с проповедями против конвентской Горы». Дантонист Лежандр обвинил Жака Ру и его сторонников в том, что они воспользовались растерянностью председателя кордельерского клуба Руссильона, а присутствовавший на заседании Руссильон не только целиком поддержал эту версию, но и вообще рассыпался в извинениях⁵.

¹ «Courier francais» du 1 juillet 1793; см. А. Матъез, Борьба с дороговизной..., стр. 177—179.

² Etrai du registre des deliberations de la societe des Cordeliers seant rue de Thionville ci-devant Dauphine du 27 juin 1793 2-me de la Republique» (Орфография подлинника) (Arch. Nat., W²⁰).

³ «Reponse du President de la Section de Bonne—Nouvelle a Jacques Roux apres la lecture de sa petition a la Convention Nationale» (Arch. Nat., W²⁰).

⁴ «Reponse de Jacques Roux au president de la Section de Bonne Nouvelle» (Arch. Nat., W²⁰).

⁵ А. Aulard, La Societe des Jacobins, t. V, p. 277—280. В официальном протоколе ход заседания якобинского клуба 28 июня изложен чрезвычайно кратко, причем отмечается лишь, что выступивший против Жака Ру «один член» утверждал, что Ру «прово-

Это поведение Руссильона являлось грозным предзнаменованием для дела Жака Ру, и, действительно, уже ближайшие дни принесли ему тягчайшие испытания. 30 июня якобинский клуб избрал делегацию (в состав ее вошли, между прочим, Робеспьер и Колло д'Эрбуа¹ для переговоров с кордельерами, и когда эта делегация в тот же вечер явилась на заседание клуба, то кордельеры сдались и отреклись от всякой солидарности не только с Жаком Ру, но и с Леклером, причем оба они были тут же исключены из числа членов кордельерского клуба².

Одновременно с кордельерами от Жака Ру отреклась и Коммуна. Явившийся на ее заседание 28 июня вождь «бешеных» был встречен чрезвычайно враждебно, а внесенное некоторыми членами предложение об его исключении было не отклонено, а лишь отложено рассмотрением до следующего дня³.

29 июня Жак Ру на заседание Коммуны не явился и было решено впредь до получения от него исчерпывающих объяснений по поводу выставленных против него обвинений отрешить его на время от должности редактора издаваемых Коммуной «Афиш». А через день, т. е. 1 июля, Коммуна, принимая во внимание, что Жак Ру «оклеветал Конвент» и в настоящее время «изгнан за свои антигражданские убеждения из народных обществ и собрания выборщиков», постановила «выразить порицание его поведению»⁴.
цировал грабеж» и вообще является «врагом народа, стремящимся погубить Париж, вызывая в нем самые ужасные беспорядки» («Extrait du proces-verbal de la seance du 28 juin de la Societe des Jacobins de Paris». Arch. Nat., W²⁰, d. 1073).

¹ A. Aulard, La Societe des Jacobins, t. V, p. 281.

² Варле не был исключен, так как клуб признал, что «этот молодой человек действовал лишь из легкомыслия, но обладает добрым сердцем и оказал революции много услуг». «Extrait du proces-verbal de la seance de la Societe des Jacobins de Paris du 1 juillet» (Arch. Nat., W²⁰; Arch. Nat., BB³ 72, dossier 63). Чрезвычайно интересный рассказ самого Жака Ру о заседании кордельеров 30 июня содержится в его письме к Марату («Annales Revolutionnaires», 1916, г. 538—539).

³ «Moniteur», t. XVII, p. 2.

⁴ «Commune de Paris. Le 29 juin 1793, l'an 2-me de la Republique Franchise. Extrait du registre des deliberations du Conseil General» (Arch.-Nat., W²⁰). Cp. «Moniteur», t. XVII, p. 10, 27,

Но и это не было последним ударом, нанесенным в эти дни якобинцами Жаку Ру. В № 233 «Публициста Французской республики», вышедшем 4 июля 1793 г., Марат поместил статью под названием «Портрет Жака Ру», в которой поносил [Варле, Леклера и Жака Ру и юбвинял последнего в ряде неблагоприятных поступков, как-то: ношении чужой фамилии, сохранении священнического сана при отсутствии действительного религиозного чувства и т. д.] В ответ на эту статью Жак Ру издал брошюру под названием «Жак Ру — Марату»², в которой решительно отклонял выдвинутые против него Маратом обвинения.

Письмо Жака Ру к Марату показывает, что нападки, которым он подвергся со стороны якобинцев, не поколебали твердости его духа. Но не все его сторонники были столь же тверды: по крайней мере есть основания предполагать, что некоторая часть секции Гравилье, в которой у Жака Ру была тоже немало врагов, теперь заколебалась. Нельзя согласиться с Матъезом³, рассматривавшим в качестве признака такого колебания заявление о полном одобрении конституции, сделанное секцией Гравилье Национальному конвенту 4 июля 1793 г.⁴ Такие заявления делались в это время всеми без исключения секциями Парижа и поэтому в этом поступке секции Гравилье правильнее было бы видеть лишь известную формальность, отнюдь не свидетельствующую о подлинном настроении секции⁵. Иной характер носит обнаружившееся в эти дни отношение части секции Гравилье к заявлению врага Жака Ру — Луи Эдмонда Орельи о том, что будто бы во время проведенного Жаком Ру осенью 1792 г. сбора денег в пользу сестры вер-

¹ См. Ж.-П. Марат, Избранные произведения, т. III, стр.332—335.

² «Jacques Roux a Marat» (Arch. Nat., W²⁰, d. 1073; Bibl. Nat., Ln²⁷ 18057); «Annales Revolutionnaires», 1916, p. 536—541.

³ А. Матъез, Борьба с дороговизной..., стр. 184.

⁴ «Archives parlementaires», t. LXVIII, p. 250.

⁵ В противоположность этому в сделанном в тот же день заявлении Конвенту секции Бон-Нуviel прямо подчеркивалось, что она «отреклась от петиции, представленной от ее имени Жаком Ру несколько дней назад» («Moniteur» t. XVII, p. 48).

денского коменданта гражданки Борепер он присвоил себе часть полученной в результате сбора суммы¹. На основании этого доноса революционный комитет секции Гравилье произвел 7 июля 1793 г. допрос приятельницы Жака Ру — вдовы Пти, причем враждебный в отношении вождя «бешеных» тон, в котором велся этот допрос², свидетельствовал о наметившейся в это время явной неприязни к Жаку Ру части заправил его секции.

При таком положении вещей Жак Ру считал за лучшее не дожидаться дальнейшего развития начатой против него кампании и решил пойти сам навстречу опасности. С этой целью он, не дожидаясь выхода из печати своего ответа Марату, решил лично отнести «Другу народа» его корректурный экземпляр, чтобы таким путем рассеять возникшее между ними недоразумение.

Однако состоявшееся 9 июля свидание Жака Ру с Маратом не принесло ему пользы. Наоборот, оно послужило поводом для допроса Ру 14 июля в Комитете общей безопасности Конвента³, где он обвинялся как соучастник Шарлотты Кордэ в убийстве Марата 13 июля 1793 г. В результате этого допроса с Жака Ру было взято обязательство о явке по первому требованию.

После подачи петиции Жаком Ру в борьбе с «бешеными» объединились все элементы якобинской партии — от дантонистов до Марата и Эбера включительно. Каковы же были причины этого столь единодушного выступления против «бешеных» всех составных элементов якобинской партии?

Вражда к «бешеным» правого крыла и робеспьеристского центра якобинцев, столь ярко проявившаяся летом и осенью 1793 г., вполне объясняется

¹ «Extrait du Registre des Deliberations des Comites civil et de Surveillance reunis de la Section des Gravilliers». Показания Орельи (Arch. Nat., W²⁰).

² «Extrait du registre des proces-verbaux du Comite de Surveillance de la section des Gravilliers, du 7 juillet 1793, l'an 2-me de la Republique une et indivisible» (Arch. Nat., W²⁰).

³ Arch. Nat., V 4385¹.

страхом средней буржуазии, собственнического крестьянства и крепкой городской мелкой буржуазии перед экономическими требованиями плебейских масс и «бешеных», в которых они были готовы усматривать покушение на свое «священное» право собственности. Но чем объяснить, что и левые якобинцы, в частности эбертисты, социальная база которых была столь близка к социальной базе «бешеных», выступали против них с энергией, отнюдь не меньшей, нежели правые якобинцы?

Вопрос этот занимал многих историков, и они дали на него самые различные ответы. Наиболее грубое извращение исторической действительности показал все тот же Герэн, заявляющий, что побуждения эбертистов «объяснялись почти исключительно интересами их узкой клики. Они прежде всего мечтали о том, чтобы использовать народное движение для получения тепленьких местечек¹. Таким образом, Герэн ненависть эбертистов к «бешеным» объясняет только их завистью популярности «бешеных» у плебейских масс и связанным с этим стремлением занять их место, чтобы использовать его в грубо материальных, своекорыстных интересах.

Такое объяснение борьбы эбертистов с «бешеными» можно в известной мере назвать идеалистическим, ибо оно классовые противоречия подменяет шкурными интересами узкого круга отдельных людей, а классовую борьбу — борьбой отдельных и случайно объединившихся в группы лиц.

Это полностью антинаучное толкование исторических событий.

Совершенно иное объяснение враждебного отношения эбертистов к «бешеным» дает Р. М. Тонкова-Яковкина в статье «Движение народных масс Парижа 4—5 сентября 1793 г.». Она пишет: «тот факт, что одни из защитников интересов бедноты — левые якобинцы помогли правительству расправиться с другими защитниками этих же интересов — «бешеными», может быть понят лишь при учете неоднородности

¹ D. Guerin, op. cit., t. II, p. 64—65.

и сложности плебейской массы, породивших различные проявления стихийной плебейской линии в революции»¹.

То есть автор представляет эбертистов и «бешеных» не как случайные группировки узкого круга честолюбивых лиц, борющихся за власть, за свои лично шкурные интересы, а как политических противников, защищающих интересы различных классовых слоев общества. И мы, разумеется, вполне согласны с таким подходом, равно как согласны и с утверждением Р. М. Тонковой-Яковкиной о «неоднородности и сложности плебейских масс». Однако ее утверждение о том, что эбертисты и «бешеные» были адекватными защитниками одних и тех же интересов бедноты, конечно, неверно. Согласиться с ним означало бы отойти назад по сравнению с тем, что уже доказано советской исторической наукой, а именно, что эбертисты являлись представителями и выразителями лишь разоряющейся в процессе революции мелкой буржуазии², которую все-таки нельзя не отличать от плебейских масс — пролетарских и полупролетарских элементов, разумеется, с учетом трудности проведения точной разграничительной линии между этими двумя социальными группами. Вот почему причину вражды эбертистов в отношении «бешеных» летом и осенью 1793 г. следует искать лишь в том, что мелкая буржуазия, чем больше разоряется, тем сильнее цепляется за свою фактически ставшую уже почти иллюзорной мелкую собственность. А между тем «бешеные», по мнению эбертистов, вполне совпадавшему в данном случае с мнением правых монтаньяров и робеспьеристов, как своей практической деятельностью, так и тенденциями, заложенными в их взглядах, создавали угрозу для права буржуазной собственности. Таким образом в наступлении, развернувшемся в это время против «бешеных», эбер-

¹ См. «Из истории общественных движений и международных отношений», М., 1957, стр. 222.

² См. «Французская буржуазная революция. 1789—1794» под ред. В. П. Волгина и Е. В. Тарле, стр. 403.

тисты оказались в одном лагере со своими соседями справа¹.

Какова же была реакция «бешеных» на посыпавшиеся на них со стороны якобинцев репрессии?

Через несколько дней после трагической гибели Марата вожди «бешеных» объявили себя продолжателями его дела. 16 июля вышел № 243 (газета Марата оборвалась на № 242) «Публициста Французской республики, издаваемого тенью Марата, друга народа, автором нескольких патриотических работ»²; 20 июля вышел № 1 «Друга народа» Леклера³. Эти две газеты и являются основным источником, выясняющим нам тактику «бешеных» в июле-августе 1793 г.

Коллекция газеты Жака Ру, имеющаяся в Парижской Национальной библиотеке, начинается с вышедшего 21 июля № 245. Этот номер газеты характеризуется исключительно мягким тоном. Видимо, Жак Ру надеялся, что убийство Марата поведет к новому полевению робеспьеристов и на этой основе возможно будет возродить их союз с «бешеными». Обращаясь к народу, Ру писал:

«Недалеко уже то время, когда ты будешь в мире и под сенью республиканской конституции пользоваться всеми выгодами, на которые ты имеешь право претендовать после бесчисленных жертв, приносимых тобой для торжества свободы в течение целых четырех лет... Специальный декрет установил миллиард-

¹ Такого же мнения о причинах выступления эбертистов против «бешеных» придерживается и С. Л. Сыгин, по словам которого «социально-экономическая программа Эбера выражала в июле—августе 1793 г. интересы не предпролетарского ядра парижского плебейства, а мелкой буржуазии, в то время как программа Ру, Леклера и их единомышленников... была выражением интересов прежде всего рабочих и ремесленной бедноты. Выступление Эбера вместе с другими руководителями Коммуны против предпролетарских революционеров в конце августа—начале сентября объяснялось в конечном итоге различием их социально-экономических программ» (С. Л. Сыгин, указ. статья, стр. 287).

² «Le Publiciste de la Republique Francaise par l'Ombre de Marat, l'Ami du peuple, Auteur de plusieurs ouvrages patnotiques» (Bibl. Nat., Lc² 227).

³ «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon» (Bibl. Nat., Lc² 704).

ный заем у богатых; барышники и спекулянты отмечены уже клеймом позора... Национальный конвент работает без устали над укреплением твоего благополучия. Выработанная им конституция составит краеугольный камень общественного благоденствия».

И далее Жак Ру всячески восхваляет эту конституцию¹:

«Законы свободы и равенства освящены в незабываемых строках Декларации прав. Подлые барышники, торговавшие до сих пор на своих прилавках кровью санкюлотов, ваше царство окончилось, ибо сказано: «Не делай другому того, чего ты не хочешь чтобы делали тебе».

Сравнивая эти высказывания с «Речью о причинах несчастий Французской республики» и с петицией 25 июня легко убедиться в том, на какие большие уступки идет теперь Жак Ру. Раньше он критиковал конституцию, а теперь объявляет ее исцеляющим средством от всех зол. Вместо самых печальных прогнозов о дальнейших судьбах революции мы видим теперь предсказания о скором наступлении всеобщего блаженства.

Той же самой тенденцией проникнут и № 246, вышедший 23 июля, где восхваляется и конституция 1793 г., и Гора, породившая ее:

«Депутаты Горы... Вы целиком принадлежите народу, и народ целиком принадлежит вам. Вы объявили войну спекулянтам и барышникам², вы сделали спасителями отечества, и вам воздаются хвалы и благословения многочисленного народа».

Еще дальше идет Жак Ру в № 247 от 25 июля. На этот раз он не только восхваляет конституцию, «которая должна укрепить славу и навсегда обеспечить счастье нации», но и связывает происходившие в это время в Париже волнения на продовольствен-

ной почве¹ с деятельностью контрреволюционных провокаторов.

«В Лионе, в Марселе, в Бордо, одним словом, в департаментах, находящихся в объятиях контрреволюции, когда хотели поднять граждан на необдуманные восстания, им внушали беспокойство по поводу продовольствия и убеждали их, что они, находясь среди плодоносных полей, все же погибнут от голода... Ничто не возбуждает в такой степени народ, как постоянное приковывание его внимания к элементарнейшим жизненным потребностям и всякая разглагольствования о недостатке продуктов первой необходимости... Говоря народу о накопленных или припрятанных предметах продовольствия, они вызывают волнения, опасные для 'свободы, толкают введенную в заблуждение толпу на преступные действия, натравливают друг на друга мирных граждан и раздувают пламя гражданской войны... Вечно говоря о голоде, вызывают его, наконец, на самом деле и тем самым предоставляют богатым собственникам возможность жиреть за счет народных бедствий».

Всякое беспокойство по поводу продовольственного положения столицы, по мнению Жака Ру, тем более неосновательно, что «добродетельный» мэр Парижа Паш и вся вообще городская администрация сами в первую очередь заинтересованы в том, чтобы избежать голода и делают в этом направлении все, что только возможно. «Итак, до тех пор пока кордельерский клуб, являющийся стражем общественного дела, и клуб якобинцев, так много сделавший и продолжающий делать для блага революции; до тех пор пока судьи, администраторы и начальники вооруженной силы сами не ударят в призывный набат, не беспокойся, народ, по поводу продовольствия и опасайся одного только рабства».

Это, можно сказать, прямое отречение от всего того, что утверждал Жак Ру до сих пор. Ибо он не только говорит о продовольственном вопросе тем

¹ «Le Publiciste de la Republique Francaise» № 245, p. 1—4, 6—7;

² Декретом 20 июля Национальный конвент предписал создание комиссии из шести членов, имеющей задачей «следить за спекуляцией и препятствовать ее последствиям» («Archives parlementaires», t. LXIX, p. 230).

самым языком, которым говорили в то время якобинцы, но и восхваляет столь яростно нападавших на него членов якобинского клуба и исключивших его из своей среды членов клуба кордельеров. Но все эти уступки ровно ни к чему не привели, и убедиться в этом Жак Ру мог уже в тот же самый день 25 июля, когда вышел в свет только что рассмотренный номер его газеты. 25 июля революционный комитет секции Гравилье, не довольствуясь полученными 7 июля от вдовы Пти сведениями, «по предложению одного из своих членов постановляет, что гражданка Борепер будет приглашена явиться в будущую субботу в 6 ч. вечера для допроса по делу Жака Ру»¹.

Это был новый удар, нанесенный Жаку Ру его противниками внутри секции Гравилье, который показал, что его тактика примирения с якобинцами бесполезна. С другой стороны, дальнейшее ухудшение продовольственного положения Парижа и связанный с этим новый подъем движения плебейских масс заставили его прекратить отступление перед якобинцами.

Половинчатые меры, принятые якобинцами по снабжению Франции и Парижа продовольствием, не решили вопроса.

В поисках выхода из создавшегося положения Конвент декретами от 1 и 5 июля разрешил административным органам департаментов и дистриктов, а также управляющим военным продовольствием покупать продукты не только на рынках, как этого требовал закон 4 мая, но также и, вне таковых². Конечно, это делало невозможным какой бы то ни было контроль за соблюдением максимальных цен и фактически означало отказ не только от максимума, но и от реквизиций. Таким образом, хотя формально

¹ Arch. Nat., F⁷ 2486 (Книга протоколов революционного комитета секции Гравилье). Весьма вероятно, что врага Жака Ру в секции Гравилье в своих действиях в той или иной степени руководствовались указаниями высших сфер. Связующим звеном между ними являлся весьма влиятельный в секции Гравилье член Конвента Леонар Бурдон.

² А. Матъез, Борьба с дороговизной..., стр. 185—186.

закон 4 мая и не был отменен, на деле он как бы перестал существовать. Весь вопрос приходилось ставить заново.

Якобинцы с самого начала были противниками системы максимума, противоречившей их взглядам. Если весной 1793 г. они как будто бы и примирились с неизбежностью принятия максимума, то лишь для заключения союза с «бешеными», чтобы свергнуть жирондистов. Поскольку же после событий 31 мая — 2 июня якобинцы не видели надобности в продолжении своего союза с «бешеными», то они теперь отказались и от поддержки идеи максимума!

Это с полной ясностью выявилось на заседании Национального конвента 20 июля, когда депутация от пригородной Парижской коммуны Экуан явилась с требованием установления таксы на все предметы первой необходимости.

Отвечая этой депутации, левый якобинец Билло-Варенн заявил, что «надо заниматься не таксой на предметы первой необходимости, а скупкой и регулированием цен на товары — этими злополучными источниками народной нищеты»¹. Конвент согласился с мнением Билло-Варенна, избрал комиссию для выработки проекта соответствующего закона и 27 июля принял его².

Закон 27 июля 1793 г. объявлял, что «барышничество является тяжким преступлением» и «виновными в барышничестве признаются те, кто, изымая из оборота предметы или припасы первой необходимости, портят их или держат спрятанными в каком-либо месте, не выпуская их ежедневно и открыто в продажу. Барышниками признаются равным образом и те, кто сами уничтожают или добровольно допускают уничтожение съестных припасов и предметов первой необходимости». Единственным наказанием, устанавливавшимся за барышничество, являлась смертная казнь с конфискацией имущества, причем

¹ А. Матъез, Борьба с дороговизной..., стр. 191.

² Текст его см.: *Buchez et Roux*, op. cit., t. XXVIII, p. 367—371

одна треть конфискованных товаров поступала в пользу доносителя.

Кроме суровости наказания, предусмотренного за его нарушение, закон отличался от закона 4 мая еще и тем, что устанавливал обязанность товарладельцев пускать в продажу имеющиеся у них запасы не только муки и зерна, но и других продуктов питания (мяса, овощей, масла, рыбы, сахара) и некоторых товаров (тканей, металлических изделий и т. д.) первой необходимости. Однако новый закон в отличие от старого не вводил никаких обязательных максимальных цен. Именно в этом и заключалась его полная неудовлетворительность и неспособность разрешить задачу снабжения населения продовольствием и промышленными товарами по дешевым ценам.

Этому нежеланию Национального конвента стать на путь удовлетворения требования плебейских масс об установлении всеобщего максимума вполне соответствовала и политика Парижской коммуны, в руках продовольственной администрации которой было сосредоточено все дело снабжения столицы. Руководители Коммуны и ее продовольственной администрации дае только не поддерживали требования максимума, но, напротив того, широко используя разрешение закупать хлеб для Парижа вне рынков, тем самым в немалой степени содействовали фактической ликвидации «первого максимума». С другой стороны, для того чтобы успокоить волновавшееся население, они заведомо приукрашивали действительное продовольственное положение, заявляя, что раньше оно было хуже. «С января месяца, говорили они, казалось, что придется умереть от голода, а между тем мы прожили до сих пор»¹. Однако такие выступления не помогли. Недостаток и дороговизна продуктов все усиливались². В конце июля и в августе

в Париже развернулось массовое секционное движение, шедшее под лозунгами опубликования державшихся в секрете данных о продовольственном положении Парижа и обновления состава продовольственной администрации¹.

Жак Ру поддержал это движение.

Если два дня назад он призывал народ к доверию по отношению к властям, то № 248 газеты «Публицист Французской республики» от 27 июля он начинает с утверждения, что «слишком большая доверчивость народа всегда была и будет основным источником его несчастий». Правда, в дальнейшем Жак Ру прямо на якобинцев не нападает, но весь номер посвящен доказательству необходимости осуществления уже давно предложенной им меры — удаления всех бывших дворян со всех постов в армии и администрации. Мало того, кроме этой меры, являющейся, по мнению Жака Ру, абсолютно необходимой для спасения Республики, он предлагает отказаться от практиковавшейся до сих пор мягкости и решительно стать на путь массового революционного террора.

Это был конец отступления Жака Ру и его полное возвращение к прежней политической программе. Такое же возвращение в социально-экономической области выявляет № 249 газеты, вышедший 28 июля, где он напоминает свои требования, направленные против образования «новой» буржуазии.

В газете от 29 июля Жак Ру ярко отражает разворачивающуюся в те дни борьбу плебейских масс за обеспечение столицы продовольствием. В этом номере он утверждает, что контрреволюционеры хотят уморить Париж голодом, что с этой целью «фермеры и крупные собственники, являющиеся агентами попов, дворян и вообще касты бывших привилегированных», уговорили крестьян отказаться от продажи своих хлебных излишков. Жак Ру рассказывает о ряде случаев, когда отправленные в Париж караваны с зерном

¹ А. Матъез, Борьба с дороговизной..., стр. 217.

² К сентябрю 1793 г. стоимость яиц возросла по сравнению с июнем того же года на 84 процента, мыла на 175 процентов и т. д. (G. Rude, Prices, Wages and Popular Movements in Paris during the French Revolution, «Economic History Review», 1954, vol. VI, № 3, p. 257),

¹ А. Матъез, Борьба с дороговизной..., стр. 197—220; С. Л. Сьтин, указ. статья, стр. 288—308; А. Собул, Les sans-culottes parisiens, p. 116—139.

одна треть конфискованных товаров поступала в пользу доносителя.

Кроме суровости наказания, предусмотренного за его нарушение, закон отличался от закона 4 мая еще и тем, что устанавливал обязанность товарладельцев пускать в продажу имеющиеся у них запасы не только муки и зерна, но и других продуктов питания (мяса, овощей, масла, рыбы, сахара) и некоторых товаров (тканей, металлических изделий и т. д.) первой необходимости. Однако новый закон в отличие от старого не вводил никаких обязательных максимальных цен. Именно в этом и заключалась его полная неудовлетворительность и неспособность разрешить задачу снабжения населения продовольствием и промышленными товарами по дешевым ценам.

Этому нежеланию Национального конвента стать на путь удовлетворения требования плебейских масс об установлении всеобщего максимума вполне соответствовала и политика Парижской коммуны, в руках продовольственной администрации которой было сосредоточено все дело снабжения столицы. Руководители Коммуны и ее продовольственной администрации не только не поддерживали требования максимума, но, напротив того, широко используя разрешение закупать хлеб для Парижа вне рынков, тем самым в немалой степени содействовали фактической ликвидации «первого максимума». С другой стороны, для того чтобы успокоить волновавшееся население, они заведомо приукрашивали действительное продовольственное положение, заявляя, что раньше оно было хуже. «С января месяца, говорили они, казалось, что придется умереть от голода, а между тем мы прожили до сих пор»¹. Однако такие выступления не помогли. Недостаток и дороговизна продуктов все усиливались². В конце июля и в августе

в Париже развернулось массовое секционное движение, шедшее под лозунгами опубликования державшихся в секрете данных о продовольственном положении Парижа и обновления состава продовольственной администрации¹.

Жак Ру поддержал это движение.

Если два дня назад он призывал народ к доверию по отношению к властям, то № 248 газеты «Публицист Французской республики» от 27 июля он начинает с утверждения, что «слишком большая доверчивость народа всегда была и будет основным источником его несчастий». Правда, в дальнейшем Жак Ру прямо на якобинцев не нападает, но весь номер посвящен доказательству необходимости осуществления уже давно предложенной им меры — удаления всех бывших дворян со всех постов в армии и администрации. Мало того, кроме этой меры, являющейся, по мнению Жака Ру, абсолютно необходимой для спасения Республики, он предлагает отказаться от практиковавшейся до сих пор мягкости и решительно стать на путь массового революционного террора.

Это был конец отступления Жака Ру и его полное возвращение к прежней политической программе. Такое же возвращение в социально-экономической области выявляет № 249 газеты, вышедший 28 июля, где он напоминает свои требования, направленные против образования «новой» буржуазии.

В газете от 29 июля Жак Ру ярко отражает развернувшуюся в те дни борьбу плебейских масс за обеспечение столицы продовольствием. В этом номере он утверждает, что контрреволюционеры хотят уморить Париж голодом, что с этой целью «фермеры и крупные собственники, являющиеся агентами попов, дворян и вообще касты бывших привилегированных», уговорили крестьян отказаться от продажи своих хлебных излишков. Жак Ру рассказывает о ряде случаев, когда отправленные в Париж караваны с зерном

¹ А. Мамьез, Борьба с дороговизной..., стр. 217.

² К сентябрю 1793 г. стоимость яиц возросла по сравнению с июнем того же года на 84 процента, мыла на 175 процентов и т. д. (?). *Rude, Prices, Wages and Popular Movements in Paris during the French Revolution*, «Economic History Review», 1954. vol. VI, № 3, p. 257),

¹ А. Мамьез, Борьба с дороговизной..., стр. 197—220; С. Л. Сытин, указ. статья, стр 288—308; А. Soboul, *Les sans-culottes parisiens*, p. 116—139.

подвергались по пути разграблению, и делает отсюда вывод о наличии направленного- против Парижа заговора.

Не смущаясь тем, что несколько дней назад он объявлял возбуждение народного беспокойства в связи с вопросом о продовольствии актом контрреволюции и убеждал массы в необходимости доверия к властям, теперь Жак Ру решительно высказывается за необходимость самостоятельности населения Парижа, поддерживая тем самым происходившие в это время выступления секций против Коммуны и ее органов. Кроме того, он требует отправки особых отрядов для доставки в Париж закупленного в департаментах продовольствия¹. Жак Ру дает развернутую программу массового революционного террора, который, по его мнению, следует применить против всех врагов революции.

«В тот момент, — говорит он, — когда Париж находится между мечом австрийцев и "огнем мятежников, нужно очистить как этот город, так и все вообще коммуны Республики от всех, подготовлявших ее гибель»².

Отзываясь одобрительно о законах 31 июля и 1 августа, направленных против спекуляции, он вместе с тем указывает на половинчатость принятых Конвентом в этом отношении мер. Более того, Жак Ру подчеркивает, что одних этих законов недостаточно, чтобы защитить народ от той эксплуатации, жертвой которой он все время является. Главное, что, по его мнению, следует сделать, это принять меры, долженствующие остановить процесс образования «новой» буржуазии, создавшейся в результате спекуляции, и конфисковать нажитые спекулятивным путем богатства³.

С резкой критикой якобинцев выступал и Леклер. Объявляя себя защитником «трудящегося и бедного

класса», он в № 1 газеты «Друг народа» заявлял, что все усилия контрреволюционеров, направленные против этого класса, оказались бы бессильными, «если бы люди, в руки которых он передает бразды правления, явились бы достойными возложенного на них поручения, и оставались бы недоступными для подкупа»¹. Этими словами делался намек на нечестность дантонистских депутатов. В № VII «Друга народа» Леклер возражал против предложения Дантона о превращении Комитета общественного спасения в правительство. «В этом предложении, писал он, я усматриваю стремление к узурпации власти, которая заставляет меня думать плохое о его авторе»².

Подобная программа, означавшая требование борьбы с происходившим в результате революции образованием и ростом «новой» спекулятивной буржуазии, мало приходилась по вкусу не только Дантону, но и Робеспьеру. Поэтому 5 августа, т. е. как раз в тот день, когда был написан № 253 «Публициста Французской республики» (номера газеты Жака Ру писались им обыкновенно накануне их выхода), Робеспьер выступил в якобинском клубе с громовой речью против «новых людей, патриотов вчерашнего дня, стремящихся оклеветать перед народом его самых старых друзей», и, в частности, против Жака Ру и Леклера, «подкупленных врагами народа и разоблаченных в свое время Маратом, которые осмелились продолжать дело этого писателя-патриота»³.

Не ограничиваясь таким» нападками, повторенными, хотя и без указания имен, Робеспьером в якобинском клубе 7 августа⁴, якобинцы выпустили на заседании Национального конвента 8 августа вдову Марата Симонну Эврар, жаловавшуюся на махинации контрреволюционеров с целью дискредитировать память ее покойного мужа.

¹ «Le Publiciste de la Republique Francaise» № 250, p. 3—5, I.

² «Le Publiciste de la Republique Francaise», № 251, 252.

³ «Le Publiciste de la Republique Francaise» № 253, p. 6—8,

¹ «L'Ami du Peuple, par Leclerc» № 1, p. 7—8 (Bibl. Nat., Lc.2 704).

² «L'Ami du Peuple», № VII, p. 6—8.

³ A. Aulard, La Societe des Jacobins, t. V, p. 330

⁴ Там же, стр. 336—337.

Выступивший после оглашения заявления Симонны Эврар Робеспьер предложил передать вопрос об этих «двух наемных писаках» на рассмотрение Комитета общей безопасности, и предложение это было принято Конвентом без дальнейшего обсуждения¹.

В тот же самый день, 8 августа, когда произошли только что изложенные события, вышел № 254 «Публициста Французской республики», свидетельствующий, что перед лицом наступления якобинцев Жак Ру не только не сбавил тона, но, напротив того, до крайности усилил свои нападки на «новую» буржуазию, жиревшую за счет нужды плебейских масс. Мало этого, теперь Жак Ру уже открыто обрушивается не только на самую «новую» буржуазию, но и на ее политических представителей — дантонистов. Пользуясь как поводом произнесенной на заседании Национального конвента 3 августа речью дантониста Фабра д'Эглантина², в кото-рой тот приписывал падение курса ассигнагов махинациям Питта, Жак Ру напрямик утверждал, что целью этой речи является прикрыть действительную причину нужды плебейских масс — гнусные махинации, применяемые для своего обогащения не только отдельными представителями «новой» буржуазии, но и их вождами — дантонистскими депутатами Конвента.

«...Следует заставить вернуть все захваченное плохими гражданами, сколотившими себе в течение четырех лет громадные имущества; эгоистами, воспользовавшимися общественными бедствиями для своего обогащения; депутатами, до их неожиданного возвышения не располагавшими и одним эю в день, а ныне ставшими крупными собственниками; депутатами, бывшими мясниками где-то в грязных предместьях, а ныне занимающими роскошные помещения, депутатами, до их странствований по Савойе и Бельгии обедавшими в маленьких трактирчиках, а ныне держащими широкий стол, имеющими содержанок и оплачивающими целый штат панегиристов; депута-

тами, узурпировавшими народное доверие и пьющими капля за каплей его кровь».

Не трудно расшифровать содержащиеся здесь намеки. Говоря о договорах с поставщиками, явно невыгодных для республики, Жак Ру, конечно, имеет в виду нашумевшее дело с д'Эспаньяком¹; бывший мясник — Лежандр, а депутат, странствовавший по Бельгии, — сам Дантон. Таким образом, ясно, что цитируемая статья непосредственно направлена против дантонистов, а поскольку Робеспьер в это время поддерживал Дантона, то косвенно и против робеспьеристов. Жак Ру решительно протестует против сделанного Дантоном 1 августа предложения² о превращении Комитета общественного спасения в правительство и предоставлении в его бесконтрольное распоряжение 50 миллионов ливров. Осуществление этой меры, по его мнению, привело бы к немедленной гибели свободы³.

В № 257 «Публициста...» (17 августа) Жак Ру еще раз солидаризуется с выставленным в это время в ряде парижских секций⁴ требованием сообщения народу державшихся в тайне данных о продовольственных запасах Парижа и прямо обвиняет парижскую продовольственную администрацию в участии в спекулятивных сделках.

«...Опубликование результатов вашей работы, — говорит он, обращаясь к этой администрации, — представляет опасность не для народа, а для вас и ваших соучастников, обворовывающих и предающих народ; для вас, которые за притеснения и унижения, что вы заставляете испытывать граждан, почтивших вас своим доверием, и за ваше быстрое обогащение заслуживаете гильотину, на которую вы скоро и отправитесь».

¹ A. Mathiez, Un fournisseur sous la terreur: Table d'Espagnac («La corruption parlementaire sous la terreur»). См. также его статью «Serven et les premiers marchés d'Espagnac» («Autour de Danton», Paris, 1926, p. 133—146).

² «Archives parlementaires», t. LXX, p. 104—105.

³ «Le Publiciste de la République Franchise» № 256, p. 7.

⁴ См. А. Мамез, Борьба с дороговизной..., стр. 197—220; А. Собул, Les sans-culottes parisiens, p. 116—139.

¹ «Archives parlementaires», t. LXX, p. 527—528.

² Там же, стр. 189—194.

Основной удар Жак Ру направлял против парижской продовольственной администрации. Леклер метил выше и выступал против самого Конвента. Требуя гильотины для всех людей, «обогатившихся за время революции», для всех «грабителей Республики, какой бы маской они не прикрывались», он утверждал, что «эти меры могли бы быть осуществлены легальным путем, если бы в Национальном конвенте не господствовал дух умеренности». Исходя из этого, Леклер прямо грозил новым восстанием, во время которого «народ будет вынужден спасать себя сам»¹.

И это не были пустые угрозы. «Бешеные» делают практические попытки осуществления своих предложений.

В воскресенье 18 августа, когда секционные собрания были особенно многочисленными, в общем собрании секции Гравилье сторонники Жака Ру обвинили членов враждебной им группы — секционных комиссаров Шемена, Эгасса, Бурсье, Фурнье и др. в незаконном использовании вверенной им попечению общественной собственности — бывшего монастыря св. Елизаветы — и потребовали их ареста на 24 часа². Когда же председатель секции Жан Баптист Флери заявил, что «он никогда не совершит столь противозаконного акта»³ и, отказавшись поставить это предложение на голосование, объявив собрание закрытым, то «клика Жака Ру» отказалась подчиниться и по предложению Натте избрала Жака Ру председателем секции взамен Флери⁴. После этого «имело место обсуждение, и в конце концов собрание постановило, что 1) все комиссары, ведавшие монастырем св. Елизаветы, подлежат, впредь до дальнейших распоря-

жений, заключению в арестном помещении; 2) у дверей не присутствовавших на данном собрании комиссаров будут поставлены часовые и 3) специальные комиссары будут отправлены в Комитет общей безопасности Конвента и в полицейский комитет мэрии, дабы сообщить им о настоящем постановлении». Однако ввиду отказа как старого секретаря секции, так и вновь избранного его преемника подписать приказ об аресте заподозренных комиссаров, постановление это не было приведено в исполнение, и собрание секции закончилось около 2-х часов «очи среди всеобщего шума и 'беспорядка'. При этом дело, по-видимому, дошло не только до самой яростной перебранки, но также и до потасовки, причем довольно сильно пострадал противник Жака Ру — Бурсье, слегший после этого в постель². Вслед затем за подписью Жака Ру был издан приказ об аресте Шемена, который затем 24 часа находился в заключении³.

Разумеется, противники Жака Ру не могли примириться с произведенным им и его сторонниками переворотом в секции Гравилье. 21 августа к временно исполняющему обязанности полицейского комиссара секции Гравилье Муаньону явились «несколько членов как гражданского, так и наблюдательного комитетов названной секции... и заявили, что, испуганные махинациями, затеянными всем известными негодьями, вождь которых был в свое время изгнан из всех народных обществ и даже из самого Конвента за его антипатриотическое настроение, и желая, как это подобает подлинным республиканцам, стоять на страже безопасности лиц и собственности, поддержания законов, торжества свободы, нераздельности Республики и счастья нации, они считают своим долгом разоблачить наиболее жестоких врагов народа». За

¹ «L'Ami du Peuple», № XIV, p. 2—5.

² Допрос Жака Ру в департаменте полиции Парижской коммуны 23 августа (Arch. Nat., W²⁰); «Section des Gravilliers. Procès-verbal de la séance du 18 août 1793» (Arch. Nat., F⁷ 4775).

³ Показания Флери в протоколе действий врид полицейского комиссара секции Гравилье 21 августа (Arch. Nat., W²⁰).

⁴ Arch. Nat., W²⁰ et «Procès-verbal de la séance du 18 août 1793». (Arch. Nat., F⁷ 4775³). Кроме того, несколько позднее был избран новый секретарь.

¹ «Procès-verbal de la séance du 18 août 1793» (Arch. Nat., F⁷ 4775³).

² Показания Бурсье и Легейя в протоколе действий врид полицейского комиссара секции Гравилье 21 августа 1793 г. (Arch. Nat., W²⁰); допрос Жака Ру в департаменте полиции Парижской коммуны 23 августа 1793 г. (Arch. Nat., W²⁰).

³ Подлинник приказа находится в Arch. Nat., W²⁰.

этим последовал ряд обвинений по адресу Жака Ру, и среди них наряду с подробными показаниями о событиях 18 августа имелось утверждение, будто Жак Ру пытался «восстановить умы против трибуналов, департамента, муниципалитета и секционных комитетов». Все эти показания были немедленно запротоколированы¹ и переданы в департамент полиции Парижской коммуны. Таким образом, дело вышло за пределы секции Гравилье. В развернувшихся далее событиях главный удар Жаку Ру был нанесен эбертистами, которые в агитации Жака Ру среди плебейских масс усматривали угрозу для господства якобинцев. Так, например, на заседании якобинского клуба 21 августа Эбер рассказал, что «Жак Ру..., пользующийся большим влиянием в секции Гравилье, заставил эту секцию принять постановление об обращении к Конвенту с петицией о роспуске установленных властей. В этой петиции сам мэр изображается в качестве барышника. К счастью, секция поняла, что она попала в заготовленную для нее ловушку, отменила свое постановление и сама же, вероятно, обрушится на введшего ее в заблуждение негодяя»².

На следующий день, 22 августа, вопрос о Жаке Ру был поднят Трюшоном³ в Парижской коммуне. После

¹ Протокол действий врид полицейского комиссара 21 августа (Arch. Nat., W²⁰).

² «Journal de la Montagne» N LXXXIII; *Buchez et Roux*, t. XXVIII, p. 480—481. Текст этой резолюции до нас не дошел, но имеющиеся косвенные данные (речь Эбера в якобинском клубе 21 августа. *Buchez et Roux*, op. cit., t. XXVIII, p. 480; допрос Ж- Ру 23 августа. Arch. Nat., W²⁰), позволяють предполагать, что в ней секция Гравилье, так же как и некоторые другие плебейские секции в это время (GM. A. Матьез, Борьба с дороговизной..., стр. 215—218), нападала на продовольственную администрацию Парижа, на самую Парижскую коммуну и мэра Паша.

³ Вокруг Жермена Трюшона, которого Жак Ру не без основания называл «заправилкой секции Гравилье» («Le Publiciste de la Republique Francaise», № 261), группировались противники Жака Ру. Он имел веские причины, чтобы ненавидеть последнего. В ночь с 9 на 10 августа 1792 г. секция Гравилье избрала его членом революционной Парижской коммуны, где он, по свиде-

крайне резких выступлений Шометта и Эбера взявший слово полицейский администратор Фруадиюр заявил: «В отношении Жака Ру и нескольких лиц из

тельству очень авторитетного исследователя ее истории F. Braesh, скоро сделался одним из наиболее известных ее деятелей (F. Braesh, La Commune du 10 aout 1792, p. 147). Но такое положение продолжалось недолго. В отчете о вечернем заседании Парижской коммуны 4 сентября 1792 г. записано: «Секция Гравилье вторично сообщает, что г. Трюшон, один из ее комиссаров, потерял ее доверие, вместо него она избрала г. Пти (*Buchez et Roux*, op. cit., t. XVIII, p. 257), который был сторонником Ж. Ру. В последствие Пти имел отношение к «заговору равных» и намечался бабувистами на должность члена парижского муниципалитета (см. «Copie des pieces saisies dans le local que Babeuf occupoit lors de son arrestation», Paris, an V, t. I, p. 73; t. II, p. 94). Трюшон имел основания приписывать свое отозвание из Коммуны проискам Ж. Ру. И хотя ему каким-то образом удалось остаться в составе Коммуны и заседать рядом с Пти (F. Braesh, La Commune du 10 aout 1792, ip. 649, 652), однако несомненно, что этот факт определил его ненависть к Жаку Ру. Но были более глубокие причины, по которым Трюшон встал во главе противников Ж. Ру. Жермен Трюшон — личность грязная, морально разложившаяся. Еще до революции по приговору парламента он провел в тюрьме семь лет, выйдя на свободу только в 1791 г. Ходили слухи, что свое участие в сентябрьских убийствах он использовал для ограбления своих жертв. Агент Комитета общей безопасности Blache, пользовавшийся Трюшоном в качестве секретного наблюдателя, открыто называл его негодям и жуликом (A. Mathiez, Autour de Robespierre, p. 178—179). Подтверждая конкретными именами и фактами, Ж. Ру, которому мы доверяем, утверждает, что Трюшон присвоил себе дом в ограде Тампля с годовым доходом в 2400 ливров («Le Publiciste de la Republique Francaise», № 263, p. 7), объявил себя защитником мошенников, (банкротов и утверждал, что «занимать должности должны только обесчеченные люди» (ом. также A. Soboul, Les sansculottes parisiens en Гап II, p. 411

Вокруг Трюшона объединялись: торговец и бывший член Коммуны 10 августа Pierre Egasse (*Braesh*, La Commune de 10 aout 1792, p. 252), дворянин и бывший директор оперного театра в Лондоне, попавший затем в число подозрительных, Луи Эдмон Орели («Le Publiciste de la Republique Francaise» № 263, p. 8. Донесение агента Панетье от 24 сентября 1796 г., в кн: P. Caron, Paris pendant la terreur, t. I, Paris, 1910, p. 185), подписавший в свое время контрреволюционную петицию к Леги-слативе, адъютант парижской национальной гвардии Ulterick (допрос Ж. Ру, 23 августа 1793 г. Arch. Nat., W²⁰), «Le Publiciste de la Republique Francaise», № 263, p. 8), какой-то Boursier, про которого Ж. Ру говорит, что «он теперь высокопоставленный и могущественный сеньор» (там же, стр. 6); Legay (допрос Legay

его партии уже издан приказ об аресте. Я его немедленно допрошу. Администрация уже приняла шаги, чтобы получить в свое распоряжение все постановления, вынесенные относительно Ру якобинцами, кордельерами, собранием выборщиков и т. д.»

Далее, по предложению Шометта, Коммуна избрала делегацию из шести членов, которой было поручено немедленно отправиться в общее собрание секции Гравилье «для умиротворения и восстановления в должности законно избранных членов президиума секции»¹.

О постановлении Коммуны в секции Гравилье узнали еще до прибытия делегатов Коммуны, при

21 августа 1793 г. Arch. Nat., W²⁰); Chemin (допрос Ж. Ру 28 августа 1793 г. Arch. Nat., W²⁰); Fleury (Arch. Nat., F⁷ 4708, dossier Fleury. *W. Markov*, Robespieristen und jacqueroutins, S. 204) и др. Эти проходимцы и спекулянты из среды старой и «новой» буржуазии в равной степени были напуганы борьбой против спекуляции, столь энергично начатой вождем «бешеных» в последних номерах его газеты.

Представителем этой компании в Коммуне был Трюшон, а в Конvente — Леонар Бур дон, стоявший во главе помещавшегося в пределах секции Гравилье так называемого Института молодых французов!В.

Позиции группы Трюшона в борьбе со сторонниками Жака Ру укрепляло то положение, что в пределах секции Гравилье, кроме плебейских масс, проживали также и крупнобуржуазные элементы, которые после 10 августа 1792 г. и особенно после 31 мая — 2 июня 1793 г. волей-неволей держались в тени, за кулисами, но следили оттуда самым пристальным образом за всеми происходившими в секции событиями, с тем чтобы в надлежащий момент вмешаться в их ход. За спиной Трюшона и его друзей пряталась группа контрреволюционеров, готовая поддержать даже якобинскую часть секции, лишь бы при ее помощи избавиться от особенно ненавистных им «жакристов».

Борьба между обеими группировками секции Гравилье обострилась к лету 1793 г., когда противники Жака Ру выдвинули против него обвинение в присвоении им осенью 1792 г. различных общественных сумм (допрос Эгасса и Орельи 21 августа 1793 г. Arch. Nat., W²⁰). Жак Ру со своей стороны вместе со своими сторонниками усилил деятельность в общих собраниях секции (там же). Таким образом, открытый конфликт между сторонниками и противниками Жака Ру в секции Гравилье давно уже сделался неизбежным.

¹ См. «Moniteur», t. XVII, p. 462.

открытии заседания 22 августа¹, когда один из членов объявил, что «гражданин Жак...² находится в мэрии и не может по этой причине председательствовать. Он предлагает собранию избрать председателя. Им избирается гражданин Бурсо, который занимает председательское место»³.

Затем один из присутствующих рассказывает собранию о происшедших в заседании Коммуны событиях и обвиняет Трюшона в том, что он «обрисовал Жака Ру в качестве самого темного и самого скверного из всех граждан... Собрание высказывает свое негодование вышеназванному Трюшону, и один из членов спрашивает его, может ли он очиститься от возводимых на него обвинений?.. Собрание волнуется».

В это время является делегация из шести членов Коммуны, и собрание молча выслушивает их отчет о заседании Коммуны. По окончании отчета несколько членов просят слово для объяснения причин раздоров, существующих между собранием и комитетами... В зале поднимается невообразимый шум и лишь после долгого промежутка времени одному из муниципальных чиновников удается, наконец, произнести речь, в которой отмечает, что, «согласно закону, собрание может интересоваться преступлениями, совершенными теми или иными из его членов, но не имеет права их судить, так как для этого существуют судебные органы. Он кончает свою речь сообщением, что комиссары именем закона и Генерального совета приступают к восстановлению старого бюро». Это заявление снова вызывает шум. Несколько членов просят слова, но им в этом отказывают, мотивируя тем, что закон должен быть исполнен. Не установив тишины, председатель объявляет собрание закрытым, но оно не прекращается. В усилившемся шуме несколько муниципальных чиновни-

¹ «Section des Gravilliers. Procès-verbal du 22 aout 1793, l'an 2-me de la Republique Francaise une et indivisible» (Arch. Nat., F⁷ 4775³).

² Слово «Ру» в тексте пропущено.

³ «Section des Gravilliers. Procès-verbal du 22 aout 1793».

ков никак не могут заставить себя выслушать. Они призывают к уважению закона, повторяют это несколько раз и мало-помалу наступает успокоение.

После этого делегаты Коммуны восстанавливают старый президиум и «именем закона и Генерального совета аннулируют все постановления, принятые 18 числа текущего месяца»¹.

Из сказанного видно, что секция Гравилье сдалась далеко не сразу и уступила лишь под действием чрезвычайно сильного давления со стороны комиссаров Коммуны². При этом нужно иметь в виду, что одновременно с Жаком Ру были арестованы и его активные сторонники — Ледре (Le Dreux), Натте, Грайо, Боске и Дюкло³, и, таким образом, на заседании 22 августа партия Жака Ру выступала без своих главных вождей. Тем важнее, конечно, указания протокола на «волнение» и «шум» во время собрания, с несомненностью подтверждающие большую популярность Жака Ру и его сторонников среди рядовых членов секции Гравилье. Не случайно, что это же общее собрание секции Гравилье 22 августа «узнав об аресте Жака Ру, Натте, Боске и других членов секции, постановляет избрать шесть комиссаров, которые должны отправиться в мэрию и справиться там о причинах их ареста, с тем чтобы вслед затем доложить об этом собранию»⁴.

¹ «Section des Gravilliers. Procès-verbal du 22 août 1793».

² Из адресованного на имя Коммуны и датированного 23 августа 1793 г. письма секретаря секции Гравилье Жан-Мишеля Буассе, отстраненного от своих обязанностей на заседании 18 августа, видно, что на заседании 22 августа делегаты Коммуны развили широкую агитацию среди отдельных членов собрания. Что касается самого Буассе, то, как видно из его письма, он принадлежал к крупнобуржуазным кругам и сильно пострадал от революции. Это показание исключительно ценно для выяснения классовой физиономии противников Жака Ру (Arch. Nat., W²⁰).

³ Arch. Nat., W²⁰.

⁴ «Section des Gravilliers. Assemblée générale permanente. Extrait du Registre des délibérations de l'ass- Blée du 22 août 1793 l'an deux de la République Française une et indivisible» (Arch. Nat., W²⁰). В ранее цитированном протоколе (Arch. Nat., F⁷ 4775³) этот эпизод не фигурирует.

Арест Жака Ру окрылил его врагов, они усилили свою активность, засыпали полицейские органы Парижа градом доносов на революционного священника. Помимо выдвинутого еще 21 августа против Жака Ру обвинения, будто он пытался «восстановить умы против трибуналов департамента, муниципалитета и секционных комитетов»¹, 22 августа некий Лепаж (Lepage, eventailliste) пишет донос, в котором называет Жака Ру «человеком, опасным для общества» и сообщает, что Ру на общем собрании секции Гравилье 18 августа «называл мэра и Коммуну авторами системы барышничества, имеющей целью обмануть народ и бросить его в объятия аристократов», что Жак Ру находится в постоянных сношениях с неким Перигором, все родственники которого эмигрировали².

На следующий день, 23 августа, некий Мерсье, член Коммуны и выборщик 1792 г., обвинил Жака Ру в том, что во время выборов в Коммуну и департамент он раздавал карточки со своим именем и пытался обманым путем внести свою фамилию в список кандидатов. Донос этот, представленный Мерсье в Коммуну, был в тот же день переслан ее секретарем в департамент полиции Парижской коммуны³.

В этот же день, 23 августа, полицейский комиссар секции Гравилье по распоряжению полицейских администраторов Коммуны Мишонена и Марино⁴ и в присутствии самого Жака Ру опечатал его бумаги. Но в тот же день печати были сняты (опять-таки

¹ Протокол действий врид полицейского комиссара секции Гравилье 21 августа 1793 г. Показания Barbot (Arch. Nat., W²⁰).

² Донос Лепаж (Arch. Nat., W²⁰). Впоследствии Лепаж был арестован по делу Гренельского лагеря (См. «Liste nominative des hommes arrestés dans la huit du 23 au 24 fructidor an IV», Arch. Nat., AF¹¹¹ 165—166, liasse 165).

³ Донос Мерсье (Arch. Nat., W²⁰); там же письмо secrétaire-greffier Commune de Paris 23 août 1793 в Département de police.

⁴ Марино, так же как и ведший дело Жака Ру Фруадюр, был впоследствии (9 жерминаля — 29 марта 1794 г.) смещен с должности, а 29 прериала (17 июня 1794 г.) они оба были гильотинированы по так называемому «делу красных рубашек» (P. Sainte-Claire Deville. La Commune de l'an II, p. 155, 164—165).

в присутствии Ру), а бумаги пересланы в департамент полиции Парижской коммуны¹.

Среди бумаг, изъятых у Жака Ру во время произведенного у него обыска, имеется документ, позволяющий судить, каким образом вождь «бешеных» реагировал на посыпавшиеся на него в эти дни преследования. Речь идет о письме заместителю комиссара по изготовлению пик гражданину Пти, находившемуся в это время, по-видимому, в Лангре². Это, скорее всего, тот самый Пти, который в сентябре 1792 г. был выдвинут секцией Гравилье своим представителем в Парижской коммуне вместо Трюшона. В этом письме говорится: «Вашему сердцу делает честь та война не на живот, а на смерть, которую вы объявляете спекулянтам. Да, гражданин, скрепляя узы братства, мы достигнем цели и сокрушим грозных врагов нашего спасения... ИВ настоящий момент мы подходим к призыву большого числа республиканцев для сокрушения тирании³. Да наступит в скорости решительный момент торжества свободы и царства счастья!»⁴

Анализируя это письмо Жака Ру, Матьез утверждает, что «выражение «царство счастья» показывает..., что он имеет в виду не только снижение цен на продукты, но настоящую социальную революцию»⁵. Это врид ли так: нет никаких оснований предполагать, что это выражение понималось Жаком Ру

иначе, чем в обычном словоупотреблении того времени, т. е. в смысле окончательного торжества революции. На это указывает и контекст — «торжество свободы и царство счастья». Интерес письма Жака Ру к Пти совсем не в этих словах, а совершенно в другом: оно показывает нам, что даже после событий 18—22 августа Жак Ру не собирался отказываться от своей кампании против спекулянтов; наоборот, он думал придать ей еще более широкий характер и массовую базу.

В этот день, 23 августа, уже после наложения печатей на бумаги Жака Ру, но еще до их препровождения в Коммуну, начался допрос Жака Ру в департаменте полиции Парижской коммуны. На вопрос полицейского администратора Фруадюра: «Не был ли он причиной беспорядков, возникших на заседании в воскресенье 18 текущего месяца?» — Жак Ру подробно описал события¹ этого дня, после чего «ему было замечено, что заявления многих граждан, присутствовавших на этом заседании, сходятся яа том, что допрашиваемый пытался восстановить умы против трибуналов, департаментов, муниципалитета и секций и что это противоречит его утверждению о том духе мира, который он якобы всегда вносил в заседания своей секции.

На это допрашиваемый отвечает, что, как гражданин, он во многих номерах своей газеты хвалил Парижскую коммуну и даже в самом заседании проявил свое доверие трибуналам, администрации и Национальному конвенту, ибо именно он первый предложил сообщить названным выше учреждениям выписку из протокола касательно заподозренных комиссаров. Но, как писатель, он считал своим долгом подогревать усердие должностных лиц в деле наказания всех предателей, барышников и мошенников, какое бы положение они ни занимали».

За этим последовали вопросы об аресте Шемена и избиении Бурсье. Жак Ру ответил, что в аресте Шемена не видит ничего противозаконного, ибо «секция Гравилье совершала такие же действия свьше ста раз», а об избиении Бурсье ему ничего неиз-

¹ Extrait des registres des proces-verbaux de police de la Section des Gravilliers. Le 23 aout 1793» (Arch. Nat., W²⁰).

² «Au citoyen Petit commissaire adjoint pour la fabrication des piques a Langres» (Arch. Nat., W²⁰). Непонятно, каким образом письмо, датированное днем опечатания бумаг Жака Ру и найденное среди таковых, могло оказаться «а квартире Жака Ру, сидевшего в ло время в арестном помещении Коммуны. Вернее всего, это письмо было написано непосредственно перед арестом Жака Ру, а дата его или ошибочна, или вставлена позже.

³ Имеется в виду декрет о всеобщем ополчении, принятый Конвентом в тот же день 23 августа (*Buchez et Roux*, t. XXVIII, p. 469—471).

⁴ «Au citoyen Petit» (Arch. Nat., W²⁰).

⁵ А. Матьез, *Борьба с дороговизной...*, стр. 260.

вестно¹. На следующий день полицейский Фруадюр совместно с допрашиваемым рассматривал найденные *ша* в квартире Жака Ру бумаги. Среди них наряду с рукописями и отисками его произведений, а также различными официальными документами было упомянутое письмо к гражданину Пти, проникнутое, по мнению Фруадюра, самыми патриотическими чувствами, и запечатанный конверт с надписью: «Девять писем, которые я прошу доставить их адресатам после моей смерти». Без требования Фруадюра Жак Ру вскрыл конверт. В нем оказались ценные бумаги, которые Жак Ру завещал различным гражданам. Бумаги эти были тут же возвращены Жаку Ру.

Допрос Жака Ру продолжался 24 и закончился 27 августа. «На заданный ему вопрос, не предлагал ли он секции Гравилье накануне событий 25 и 26 февраля устроить уличную манифестацию с плакатом «Смерть барышникам», он ответил, что такое предложение было сделано другим, но, ввиду того что многие члены общего собрания потребовали, чтобы именно он нес плакат, он на это согласился. Впрочем, манифестация не состоялась, так как секция о-тказалась от своего первоначального постановления.

«На заданный ему вопрос, не поносил ли он в общем собрании этой же секции самых пламенных патриотов Горы, как-то: Робеспьера, Тюрье и др. — и не пытался ли он опорочить новую конституцию, он ответил, что его требование о дополнении конституции 1793 г. статьей, карающей спекуляцию, относится к тому времени, когда конституция эта еще не была утверждена народом». Что же касается отношения к Робеспьеру и другим депутатам Горы. .. оказавшим революции бесценные услуги, то «он готов прикрыть их своим телом, если узнает, что кто-либо покушается на их жизнь».

¹ «Commune de Pans. Departement de Police. Le 23 aofit 1793 1 an deux,eme de la Republique Francaise une et indivisible» Протокол допроса Ру. Arch. Nat. W²⁰)

«На заданный ему вопрос, не постановляла ли секция Гравилье представить Национальному конвенту адрес, обвиняющий гражданина мэра в спекуляции и ходатайствующий о роспуске установленных властей, и не был ли он инициатором этого постановления, он ответил, что о таком постановлении ему ничего неизвестно. Он знает лишь, что в секцию Гравилье являлось несколько делегаций, жаловавшихся на продовольственную администрацию, и он, допрашиваемый, подобно другим гражданам, высказывался за реформу установленных властей»¹.

На этом допрос Жака Ру был окончен. При столь скромных, с точки зрения противников Жака Ру, результатах этого допроса держать его дальше в заключении было бы затруднительно, особенно принимая во внимание царившее в эти дни в Париже сильное волнение, и то обстоятельство, что еще 25 августа секция Гравилье снова ходатайствовала перед Коммуной об освобождении Ру². Учитывая все это, департамент полиции Парижской коммуны вынес постановление о предании Жака Ру суду исправительной полиции и сразу же по окончании допроса выдал его на поруки двум гражданам секции Гравилье — столяру Гильмо и сапожнику Бурбону³. Тогда же, 27 августа, Жак Ру был освобожден. И в эти же дни, по-видимому⁴, были освобождены и арестованные одновременно с ним его сторонники.

Выпущенный на свободу Жак Ру продолжал борьбу, причем имеющиеся данные позволяют с несомненностью утверждать, что в своих публичных выступлениях этих дней Жак Ру говорил отнюдь не в том примирительном духе, как при допросе.

¹ «Commune de Paris. Departement de Police» (Допрос Жака Ру 27 августа 1793 г., Arch. Nat., W²⁰).

² «Moniteur», t. XVII, p. 505.

³ «Commune de Paris. Departement de Police. 27 aout 1793» (Arch. Nat., W²⁰).

⁴ Говорим «по-видимому», так как в имеющемся постановлении об их освобождении дата не указана (Arch. Nat., W²⁰).

Это ясно видно из № 260 «Публициста. . .» Написанный Жаком Ру 23 августа, перед тем, как идти на допрос, он начинается с жалобы на неисполнение изданных Конвентом хороших законов. Явно преувеличивая существовавшее в действительности положение, Жак Ру причину неисполнения хороших законов видит в том, что «во главе администрации стоят торговцы, бакалейщики, мнимые патриоты¹, ненавидящие революционный режим. Ясно, что мошенник не будет доносить на мошенника, предатель на предателя, контрреволюционер на контрреволюционера, барышник на барышника, спекулянт на спекулянта, монополист на монополиста».

№ 261, 262 «Публициста...» в коллекции Национальной библиотеки тоже отсутствуют, а № 263, не датированный, но вышедший, по-видимому, в самых первых числах сентября, начинается с указания тех мер, которые Жак Ру считает необходимым немедленно принять: «Пусть будут введены в действие декреты, направленные против спекуляции и 'барышничества. Пусть во всех коммунах республики будут учреждены комиссии для обследования нажитых во время революции состояний... Пусть до окончания войны часть имущества монархистов, федералистов' и оставивших свой пост и предавших нацию депутатов, поступит в раздел между победителями—санкюлотами и их вдовами».

Обвиняя Конвент в фактическом отказе от применения им же самим декретированных законов, Жак Ру требовал, чтобы санкюлоты обратились к нему с ультиматумом о немедленном приведении в исполнение его «справедливых декретов»... Более того, ультиматум должен был включать в себя не только требования действительного 'Осуществления уже принятых законов, но также и издания новых, предусматривающих обследование нажитых во время революции состояний, раздел имущества контрреволюционеров между санкюлотами и т. д. и т. д.

В это же время клуб революционных республиканок в своей петиции Конвенту, оглашенной на за-

седании 26 августа Клэр Лакомб, настаивал на скорейшей «организации правительства согласно конституции»¹, а Леклер призывал народ провести массовую манифестацию у решетки Национального конвента и потребовать от него создания исполнительной власти согласно конституции². 4 сентября его газета «Друг народа» № 19 вышла под заголовком: «Конституцию, всю конституцию, и одну только конституцию!»³

Однако на этот раз якобинцы не применили силу ни против самих плебейских масс, ни против «бешеных», наоборот, они на время отказались от репрессий и прямого давления как единственных методов борьбы, принятых в начале августа 1793 г. Причина этого была та же самая, которая в марте — апреле 1793 г. помешала созданию направленного против «бешеных» блока якобинцев и жирондистов. Она заключалась, как отмечал Энгельс, в огромном влиянии на всю Французскую революцию войны против коалиции.

Положение Французской республики на ее внешних и внутренних фронтах в августе 1793 г. было значительно хуже, чем весной. Поэтому, выступая против «бешеных», якобинцы теперь одновременно идут на некоторые уступки плебейским массам: 23 августа Конвент провозглашает всеобщее ополчение всех французских граждан, 'которого давно требовали «бешеные»⁴, а 25 августа отменяет декрет 1 июля, разрешавший торговлю зерном вне рынков⁵, фактически восстанавливая тем самым «первый максимум».

Конечно, эти мероприятия были явно недостаточными и представляли собой только паллиатив. Прямое давление со стороны плебейских масс Парижа,

¹ «Petition des citoyennes republicaines revolutionnaires, lue a la barre de la Convention Nationale» (Bibl. Nat., Lb⁴⁰ 2412).

² «L'Ami du Peuple», № XVIII, p. 1—2.

³ Там же, № XIX, стр. 1.

⁴ Текст декрета см. *Buchez et Roux*, op. cit., t. XXVIII, p. 469—471.

⁵ *А. Матъез*, Борьба с дороговизной..., стр. 218—219.

выразившееся в движении 4—5 сентября, уже через десять дней после этих декретов, заставило якобинцев пойти значительно дальше и твердо стать на путь, который Маркс назвал «плебейским способом» расправы «с врагами буржуазии»¹ для спасения революции.

Не касаясь сейчас всех подробностей Событий 4—5 сентября 1793 г., неоднократно освещавшихся как в зарубежной², так и в советской³ исторической литературе, отметим, что перед лицом этого «плебейского натиска», якобинцам не оставалось ничего другого, как уступить. 5 сентября и в следующие дни Национальный конвент удовлетворяет основные требования плебейских масс, издает законы о максимуме («второй максимум» 29 сентября 1793 г.), о подозрительных, о революционной армии и т. д. Таким образом, могло показаться, что события 4—5 сентября являлись днями полного торжества парижских плебейских масс и «бешеных». В действительности же дело обстояло как раз наоборот: после 4—5 сентября укрепилась якобинская диктатура и последовало поражение «бешеных».

Поражение «бешеных»

5 сентября начинается третий, — самый трагический — этап в истории деятельности «бешеных».

Согласившись под давлением плебейских масс на введение нежелательного для них «второго макси-

¹ К. Маркс, Буржуазия и контрреволюция (К- Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 6, стр. 114).

² См. А. Матьез, Борьба с дороговизной..., стр. 240—256; E. Soreau, Les ouvriers parisiens aux journées du 4 et 5 septembre 1793 («Annales Historiques de la Revolution Française», 1937, № 83); 'A. Soboul, Robespierre and the Popular Movement: A. Soboul, Les sans-culottes parisiens, 1 partie, chap. III, и др.

³ См. Р. М. Тонкова-Яковкина, Движение народных масс Парижа 4—5 сентября 1793 г. («Из истории общественных движений и международных отношений», М., 1957); С. Л. Сытин, Указ. статья.

мум»¹ и поставив «террор в порядок дня», как этого требовали массы, якобинцы немедленно приняли меры, направленные к тому, чтобы сделать невозможным повторение в будущем событий, аналогичных «плебейскому» натиску 4—5 сентября и таящих в себе угрозу самому их господству. Средством для этого должен был служить, с одной стороны, разгром «бешеных», с другой—ограничение деятельности парижских секций как основных и главных органов активности масс.

Возможность осуществления подобной тактики в огромной степени облегчалась тем, что на ее необходимости сходились все течения якобинской «партии». Если дантонисты и робеспьеристы были напуганы социальной программой «бешеных», то эбертисты, социальная база которых была весьма близка социальной базе «бешеных», стремились разгромить последних, чтобы, став единственными глашатаями «санкюлотов», исключить из требований плебейских масс те, которые были неприемлемы для низов мелкой буржуазии. Насколько якобинцы были напуганы влиянием «бешеных» на массы, можно судить по тому, что уже 5 сентября они перешли против них в наступление — арестовали Жака Ру и путем ложных обвинений и угроз попытались лишить его поддержки в секции Гравилье.

Утром 5 сентября Жак Ру явился в якобинский клуб вместе с делегатами всех 48 секций, среди которых находился, между прочим, и пролезший в председатели секции Фонтэн де-Гренель, близкий к жирондистам Бонкарер², маскировавшийся под «левого». Из краткого протокола о заседании клуба 5 сентября³ видно, что Жак Ру, ничего не знавший

¹ Как известно, впоследствии якобинцы открыто признавали, что закон о всеобщем максимуме был им навязан силой. Робеспьер считал этот закон причиной голода зимы 1793—1794 г., а Барер даже называл максимум «подарком Питта» (см. А. Матьез, Борьба с дороговизной..., стр. 144).

² Ср. А. Матьез, Борьба с дороговизной..., стр. 261—262.

³ Ни в сборнике Олара, ни в других источниках («Moniteur» и т. д.) не содержится отчета о заседании якобинского клуба 5 сентября 1793 г.

о Бонкарере, выступил в одном духе с ним. Это было демагогически использовано противниками для очернения Жака Ру — его изображали союзником жиронодистов. На основании этого было внесено предложение «отвести в Комитет общей безопасности присутствовавших в клубе Жака Ру и Бонкарера как весьма подозрительных людей. Товарищ Жака Ру (Бошкарер. — Я. 3.) требует, чтобы его не смешивали с этим товарищем, которого он вовсе не знает. Выслушав различные предложения, собрание решает доставить указанных индивидуумов в революционные комитеты их секций. Гражданам Нами, Сент-Обену и Журдану поручено отвести их»¹. Другая редакция этого протокола добавляет, что «все их (т. е. революционных комитетов. — Я.3.) члены будут нести солидарную за них (т. е. Жака Ру и Бонкарера. — Я. 3.) ответственность перед народом, которому эти два человека кажутся подозрительными»².

Эти события потрясли и ошеломили не ожидавшего ничего подобного Жака Ру. Согласно рассказу присутствовавшего на заседании якобинского клуба 5 сентября конторского служащего этого клуба Ланое, «в момент предъявления Жаку Ру обвинения... он (Ланое. — Я. 3.) видел, как тот (Жак Ру. — Я. 3.) стал рвать в мелкие куски и бросать на пол бумагу, которую держал в руках. Затем Жак Ру переменил место и сел на третью скамью, слева от входа в залу. Здесь, услышав предложение об отводе его в революционный комитет секции... он изменился в лице и зашатался»³.

Постановление якобинского клуба, оглашенное на открывшемся в пять часов дня того же 5 сентября объединенном заседании обоих комитетов секции Гравилье, вызвало там вполне понятное волнение. Как гласит протокол заседания, «несколько членов берут один за другим слово. Один из них замечает,

что это постановление не является законным, так как..., согласно закону, -народное общество не имеет никаких прав в отношении установленных властей. Несколько членов поддерживают эту мысль и требуют, чтобы были избраны четыре комиссара, которые отправятся в общество якобинцев и наведут там справки касательно гражданина Жака Ру. Это требование ставится на голосование и принимается, причем соответствующие полномочия даются гражданам Комелену, Барбо, Трюшону и Дерувруа»¹.

Совершенно ясно, что Жаку Ру не приходилось ждать ничего хорошего от делегации, во главе которой стоял Трюшон. И действительно, когда «посланные к якобинцам комиссары возвращаются и делают свой доклад, из него явствует, что это общество подтвердило свое решение касательно Жака Ру. Кроме того, они сообщают, что комитет должен держать Жака Ру арестованным до завтрашнего дня. К этому времени общество обещает доставить все материалы, касающиеся данного дела».

Ответ вернувшихся из якобинского клуба делегатов показал членам обоих комитетов секции Гравилье, что на этот раз дело Жака Ру приняло серьезный оборот. Поэтому они постарались поскорее снять с себя ответственность и решили избавиться от арестованного, немедленно передав его в руки Комитета общественного спасения парижского департамента, т. е. высшего полицейского органа Парижа. Когда же якобинский клуб 6 сентября, несмотря на свое заявление, не доставил обещанных документов по делу Жака Ру, то революционный комитет секции Гравилье решил его поторопить и отправил в клуб специальное «братское письмо» по этому поводу². В ответ на это якобинский клуб 8 сентября избрал особую комиссию и поручил ей собирание материалов о Жаке Ру³.

¹ См. А. Матъез, Борьба с дороговизной..., стр. 262.

² Arch. Nat., F⁷ 2486.

³ «Annales Historiques de la Revolution Francaise», 1932, p. 350.

¹ Книга протоколов революционного комитета секции Гравилье. Заседание 5 сентября 1793 г. (Arch. Nat., F⁷ 2486).

² Книга протоколов революционного комитета секции Гравилье. Заседание 5 сентября 1793 г. (Arch. Nat., F⁷ 2486).

³ «La Societe des Jacobins», t. V, p. 392.

Между тем Комитет общественного спасения парижского департамента, в который Жак Ру был доставлен рано утром 6 сентября, в тот же день постановил заключить его, как подозрительного, в тюрьму Сент-Пелажи¹, что и было немедленно выполнено.

Таким образом, в роковую для Жака Ру минуту гражданский и революционный комитеты секции его не поддержали. Совершенно иное отношение проявило общее собрание секции Гравилье, в котором у него имелось много сторонников. После того как на заседании общего собрания были зачитаны только что поступившие из Комитета общественного спасения парижского департамента касающиеся Жака Ру документы (протокол заседания якобинского клуба 5 сентября, протокол заседания революционного комитета секции Гравилье 5 сентября и постановление самого Комитета общественного спасения 6 сентября)², один из сторонников Жака Ру не побоялся заявить, что «враждебная Жаку Ру партия поклялась, что если ей не удастся погубить его на законном основании, то она не остановится перед уничтожением его посредством убийства»³. И хотя после последовавших затем бурных прений противникам Жака Ру удалось одержать победу, победа эта оказалась непрочной — 23 сентября секция Гравилье ходатайствовала перед Коммуной об освобождении Жака Ру⁴.

Изолировав от масс вождя «бешеных»⁵, якобинцы одновременно приняли меры для ограничения по-

¹ «Procès-verbal de la séance du Comité de Salut Public du département de Paris du 6 septembre 1793» (Arch. Nat., BB³ 81).

² Arch. Nat., BB³ 72, dossier 63; «Annales Historiques de la Révolution Française», 1932, p. 350.

³ «Archives de la Préfecture de Police», AA/266, p. 120. См. А. Соболь, *Les sans-culottes parisiens en Tan II*, 1958, p. 226.

⁴ Это ходатайство успехом не увенчалось: по незначительных прений Генеральный совет постановил «перейти к порядку дня, мотивируя это существованием закона, согласно которому подозрительные лица будут содержаться под арестом вплоть до заключения мира» («Moniteur», t. XVII, p. 729).

⁵ В ближайшие же недели после этого был арестован и Варле.

литической активности плебейских масс. Как известно, основным центром этой активности были общие собрания парижских секций. И вот на том же заседании 5 сентября Конвент утвердил предложение Дантона (оно было окончательно оформлено в виде декрета 9 сентября)¹, согласно которому «число общих собраний секций, до тех пор имевших место ежедневно, сводилось до двух в неделю. А чтобы названным ограничением не возбудить протеста плебейских масс, декрет 5—9 сентября содержал также постановление, на первый взгляд, направленное в пользу этих масс. Под предлогом того, что потеря времени, затрачиваемого на посещение секционных собраний, лишала малоимущих граждан некоторой части их заработка, отныне вводилась оплата в два ливра за посещение каждого собрания всем «гражданам, не имеющим других источников существования, кроме поденной заработной платы». Постановление это было не более чем ловушкой, имевшей целью затушевать подлинный смысл закона и позволявшей при помощи двух ливров создавать приманку для деклассированных элементов, которые можно было в нужный момент использовать для создания в той или иной секции искусственного большинства. Действительный смысл декрета 5—9 сентября — ограничение политического влияния секций — был в достаточной степени раскрыт на заседании Конвента 5 сентября дантонистом Базиром, демагогически заявившим о необходимости предотвратить готовившуюся секционную революцию, или, вернее, контрреволюцию. Поэтому предложение будущего «последнего монтаньяра», кристально честного революционера Ромма, взамен оплаты за посещение секционных собраний повысить заработную плату рабочих встретило сильнеешие возражения и было отвергнуто².

Следует сказать, что большинство парижских секций поняло подлинный смысл декрета 5—9 сен-

¹ Текст его см. «Archives parlementaires», t. LXXIII, p. 601.

² Там же, p. 416.

тября. По словам тайного полицейского наблюдателя Le Harivel, этот декрет вызвал голоса протеста даже в секции Пик¹, т. е. секции Робеспьера, всецело находившейся под его влиянием. Другие секции дошли дальше и обратились к Конвенту с прямым протестом против декрета. Так, на заседании Конвента 15 сентября протестовали представители секций Ратуши², Общественного договора, Рынка³, Друзей отечества⁴ и Хлебного рынка⁵, а 17 сентября явился с Протестом от имени всех 48 секций Парижа в Конвент не кто иной, как один из вождей «бешеных» — Варле.

Комиссии якобинского клуба, собиравшей сведения о Жаке Ру, было также поручено и собирание материалов относительно Леклера⁶, а 16 сентября якобинцы начали преследования и Клэр Лакомб.

О заседании якобинского клуба 16 сентября, кроме официальных донесений, содержащихся в «Moniteur»⁷ и в сборнике Олара⁸, имеется подробный рассказ самой Лакомб, сохранившийся среди ее бумаг в Национальном архиве⁹. Это дает возможность довольно детально воспроизвести картину того, как якобинцы обеспечили себе «победу» над Клэр Лакомб и клубом революционных республиканок.

Заседание якобинского клуба началось с того, что один из секретарей клуба сообщил, будто бы клуб революционных республиканок исключил из своего состава гражданку Гобен, осмелившуюся вы-

ступить против Леклера. Некий Террэ потребовал назначения для Гобен официальных защитников, а дантояист Шабо обвинил женский клуб и особенно его председательницу Клэр Лакомб в стремлении добиться освобождения арестованного контрреволюционера — мэра города Тулузы. Он поставил в вину Лакомб слова, которые она якобы высказывала при этом: «Революция или не революция, арестованные должны быть допрошены в течение 24 часов и затем либо освобождены, либо, если окажутся виновными, отправлены на гильотину». Она называла Робеспьера «господином»¹.

Выступивший вслед за Шабо его друг Базир рассказал, что «несколько дней тому назад шесть или семь революционных республиканок явились в Комитет общей безопасности и потребовали освобождения из тюрьмы некоего Семанди, которого, по их мнению, арестовали без достаточных оснований». Кроме того, они потребовали предоставления их клубу права обхода всех тюрем и выяснения причин ареста заключенных. Когда же Базир от имени Комитета ответил на эти требования отказом, то делегатки обозвали его молокососом и добавили, что он похож на господина Робеспьера, который осмелился называть их контрреволюционерками².

В заключение своего рассказа Базир присоединился к предложению Шабо о чистке женского клуба.

Реноден обвинял Лакомб в том, что она скрывает у себя в квартире Леклера. Один из ораторов, фамилия которого в отчете не указана, подчеркнул, что Лакомб крайне опасна, ибо она «очень красноречива,

¹ P. Caron, «Paris pendant la terreur», P., 1910, t. 1, p. 77.

² «Moniteur», t. XVII, p. 669.

³ «Archives parlementaires», t. LXXIV, p. 239; «Die Sansculotlen von Paris», № 39.

⁴ P. Caron, op. cit., t. 1, p. 76.

⁵ «La Societe des Jacobins», t. V, p. 415.

⁶ «Archives /parlementaires», t. LXXIV, p. 311.

⁷ «Moniteur», t. XVII, p. 694—695.

⁸ «La Societe des Jacobins», t. V, p. 406—408.

⁹ «Recy fidel de ce qui s'est pusse leundy 16 7^{b^{re}} 1793 l'an 2-e de la Republique une et indivisible, a la seance des jacobins Consernant la Societe des Republicaines Revolutionnaires, et notamment May qui ait l'honneur de la ipresider» (Орфография подлинника. Arch. Nat., T 1001¹⁻³).

¹ «Moniteur», t. XVII, p. 694—695.

² Там же, стр. 695. В своем рассказе о заседании 16 октября Лакомб категорически отвергает это утверждение и восклицает: «Берегись, Робеспьер, я заметила, что те, кого обвиняют в преступлениях, думают спастись, в свою очередь обвиняя своих обвинителей в том, что они говорят плохое о тебе! Берегись, чтобы те, кто хотят сделать себе покрывало из твоей добродетели, не увлекли тебя, за собой в пропасть!» («Recy fidel», Arch. Nat., T 1001¹⁻³).

обрушивается на установленные власти, резко нападает на якобинцев и на Конвент¹.

Между тем во время речи Ренодена на трибунах якобинского клуба, предназначенных для публики, появилась Клэр Лакомб. Услышав эти речи, она попыталась проникнуть в зал заседаний, чтобы ответить своим обвинителям. Но привратник ее не пропустил. Она написала записку председателю собрания с просьбой предоставить ей слово. Тот ответил отказом. «Возмущенная этим,—рассказывает Лакомб,—я поднялась на трибуну для публики и в тот момент, когда председатель ставил на голосование резолюцию... попросила слова и заявила, что друзья свободы и равенства перед тем, как принимать какое-либо решение, обязаны меня выслушать.

Трудно описать впечатление, произведенное моей просьбой. Женщины, находящиеся на той же трибуне, что и я, срывались со своих мест и вопили: «Долой интриганку! Долой новую Кордэ! Убирайся, несчастная, или мы разорвем тебя в клочья!» Большое число так называемых членов клуба окружили трибуну, где я находилась, и обращались со мной так же, как эти обманутые ими женщины. Большинство людей, находящихся на трибунах, с восторгом аплодировали этим возгласам.—Представьте все это и вы задрожите за мою жизнь»².

Председателю с величайшим трудом удалось установить относительное спокойствие. Выступили еще несколько ораторов, обвинявших революционных республиканок в контрреволюционности (*sic!*), участии в продовольственных беспорядках, в связях с Жаком Ру и Леклером. В заключение якобинцы постановили предложить обществу «революционных республиканок» исключить из своей среды «руководящих ими подозрительных женщин»³, а также просить Комитет общей безопасности следить за Ла-

комб, «обвиняемой в интригах в пользу аристократии»¹.

Этим дело не ограничилось. Арестованная тут же, в помещении якобинского клуба, Клэр Лакомб под охраной трех жандармов была отведена в Комитет общей безопасности, откуда ее отпустили, даже не допросив².

Но домой в этот вечер ей попасть не удалось, так как на квартиру Лакомб были наложены печати³, пришлось переночевать у одной из своих товарок по клубу⁴. Печати были сняты на следующий день, 17 сентября, комиссарами революционного комитета секции Хлебного рынка, которые обыскали бумаги Лакомб. Они не нашли ничего подозрительного, кроме переписки братских обществ и частных писем, дышащих самым пламенным патриотизмом и стремлением к общественному благу⁵, и Лакомб отпустили. Но якобинцы видели, что Лакомб очень влиятельна в клубе революционных республиканок, и не оставили ее в покое. 18 сентября агент Суле доносил, что на заседании своего клуба 17 сентября Лакомб утверждала, что члены Комитета общей безопасности—интриганы⁶. 22 сентября Руосевиль сообщал, что революционные республиканки обратились к секции Красного Креста с предложением потребовать ответственности министров, предания суду в 24 часа всех аристократов, таксации всех предметов первой необходимости, создания особого центрального комитета из представителей 48 секций, а некоторые из них требовали отмены декрета 9 сентября о сокращении числа секционных соб-

¹ «Extrait du proces-verbal de la Societe des Amis de la Liberte et de l'Egalite seante aux ci-devant Jacobins-Honore, a Paris. Du 16 Septembre 1793, l'an 2-me de la Republique Franchise une et indivisible» (Arch. Nat., F⁷ 4756).

² «Recy fidel».

³ «Comite de surveillance de la Section de la Halle aux Bleds» (Arch. Nat., F⁷ 4756).

⁴ «Recy fidel».

⁵ «Comite de surveillance de la Section de la Halle aux Bleds, 17 Septembre 1793» (Arch. Nat., F⁷ 4756).

⁶ P. Caron, Paris pendant la terreur, t. I, p. 134.

¹ «Moniteur», t. XVII, <р 695.

² «Recy fidel» (Arch. Nat., T 1001¹⁻³).

³ «Moniteur», t. XVII, p. 695—696.

раний, против 'Которого 17 сентября уже протестовал Варле¹.

Но еще опаснее в глазах якобинцев была та пропаганда, которую революционные республиканки во главе с Лакомб вели среди плебейских женщин Парижа, и без того взволнованных распоряжением Коммуны от 13 сентября (оно было подтверждено Конвентом 21 сентября)², предписывавшим женщинам ношение трехцветной кокарды³. «Это волнение требует самого внимательного наблюдения», — писал в своем донесении от 20 сентября полицейский агент Латур-Ламонтань. Оно «служит лишь поводом, за которым последуют гораздо более важные вещи... Все эти женщины сходятся на одном, а именно: на необходимости нового порядка вещей, который бы вывел их из того состояния нищеты, в котором они, по их словам, находятся.

Они жалуются на все, без исключения, установленные власти, требуют переизбрания Конвента, административной реорганизации, трибуналов...»⁴

Революционные республиканки действовали настойчиво. 25 октября на заседании Парижской коммуны их делегации удалось добиться положительного отношения Генерального совета к сделанному ею предложению о производстве домашних обысков у торговцев, припрятывающих продукты с целью вызвать недовольство населения законом о максимуме⁵. Но этот успех клуба был последним. Через три дня произошла потасовка членов клуба революционных республиканок с рыночными торговками, и это событие было тотчас использовано якобинцами для ликвидации их клуба, а с ним вместе и всех вообще женских народных обществ.

Согласно рассказу газеты «Парижские революции», дело началось с того, что несколько сторонниц

Лакомб, одетые по-мужски и с красными колпаками на головах, отправились уговаривать последовать их примеру известных своей умеренностью торговек рынка секции Общественного договора. Однако, ненавидевшие революцию торговки, обижавшиеся, когда их называли «гражданками» и решительно отказывавшиеся носить установленную законом для женщин трехцветную кокарду, встретили непрощенных пропагандисток палочными ударами¹. Затем они ворвались в помещение клуба революционных республиканок, где как раз происходило заседание. Началась грандиозная потасовка. Явившиеся на шум представители власти, вместо того чтобы помочь прогнать контрреволюционных торговек, стали на сторону последних. Хозяйка¹ помещения пришлось покинуть свой зал².

В тот же день о происшествии в женском клубе было сообщено Парижской коммуне. Докладывали члены революционного комитета секции Общественного договора, правыми изображая торговек. На заседании Коммуны Леонар Бурдон добился принятия постановления, предлагающего революционным республиканкам «не нарушать общественного спокойствия, заставляя революционных (!?) гражданок носить какие-либо отличительные знаки»³.

На следующий день (8 брюмера) одна из делегатов парижских секций попросила Конвент запретить женские народные общества, и 9 брюмера (30 октября) по докладу Комитета общей безопасности (докладчик Амар высказал мысль, что женщины не должны обладать никаким политическими правами и тем более участвовать в политических обществах) Национальный комитет постановил, что «запрещаются женские клубы и народные общества, под каким бы наименованием они не скрывались»⁴.

¹ P. Caron, op. cit., t. I, p. 171, 172.

² «Archives parlementaires», t. LXXIV, p. 571

³ P. Caron, op. cit., t. I, p. 94, 146, 149 etc.

⁴ P. Caron, op. cit., t. I, p. 150.

⁵ «Moniteur», t. XVIII, p. 217.

¹ «Les Revolutions de Paris» № 213, ip. 150.

² «Les Revolutions de Paris» № 215, Ꞥ 207—210.

³ «Moniteur», t. XVIII, p. 285.

⁴ «Archives parlementaires», t. LXXVIII, p. 49—51.

15 брюмера (5 ноября) депутация революционных республиканок явилась в Национальный конвент с протестом против декрета 9 брюмера, но ей даже не удалось получить слова¹. Столь же неудачна была и имевшая место 27 брюмера (17 ноября) попытка революционных республиканок выступить перед Коммуной².

В ответ на преследования якобинцев «бешеные» ответили выступлениями против системы революционной диктатуры.

До этого времени Жак Ру был всегда сторонником революционной диктатуры и террора, так как предполагал, что они будут направлены исключительно только против действительных контрреволюционеров. Когда же оказалось, что террор, применяемый теперь якобинцами, направлен не только против врагов народа, но и против его лучших друзей, Жак Ру спешит разъяснить свое отношение к диктатуре и террору. В № 264 «Публициста Французской республики», выпущенном им из тюрьмы Сент-Пелажи, он пишет:

«Пусть арестовывают всех, кто клеветал на республиканскую конституцию, кто хотел спасти тирана, кто хотел заковать нацию в цепи... Но несправедливо и бесчеловечно арестовывать на основании неопределенных доносов того или иного гражданина, той или иной группы, того или иного общества людей, единственное преступление которых очень часто состоит лишь в том, что они — рьяные патриоты или принадлежат к касте³, которую ненавидят от всей души».

Эта новая политическая линия Жака Ру получает дальнейшее развитие и завершение в следующих номерах его газеты. Номер 265 был посвящен целиком вопросу обсуждения в это время⁴ Национальным

конвентом закона о подозрительных. Критикуя этот закон, Жак Ру подчеркивает, что *возражает он не против террора вообще, а лишь против его направления и способов осуществления.*

«Я знаю, — говорит он, — что при нынешних обстоятельствах неизбежно употребление жестоких средств, ибо никогда не вредно быть начеку, особенно в городе, до такой степени наполненном контрреволюционерами.

Но я знаю также, что арестуют главным образом вовсе не изменников, монополистов, спекулянтов, барышников и кровопийц... *Среди арестованных больше невинных, чем виновных...*

Верхом жестокости является сажать в тюрьмы как подозрительных всех тех, кто имеет несчастье не угодить секционному комиссару, полицейскому шпиону, мелкому служащему, какому-нибудь клерку казначейства, приставу Национального конвента, швейцару, председателю народного общества или содержанке высокопоставленного лица» (курсив наш. — Я. З.).

В середине сентября в № 266 «Публициста...» Жак Ру указывает причину безнаказанности жироидистов, предателей, спекулянтов, барышников и т. д. Он видит ее в порядке комплектования революционных комитетов. «Произведем теперь простой расчет. Каждый наблюдательный комитет, согласно закону, состоит по крайней мере из двенадцати членов. Так как такие комитеты существуют почти во всех муниципалитетах, то это значит, что арест подозрительных вверен 528 тысячам комиссаров, не считая при этом тех, кто в силу своего влияния на введенный в заблуждение народ имеет возможность одним своим словом заставить засадить бесконечное количество граждан.

приблизительно, причем главным показателем является содержащееся в начале каждого номера указание на фамилию председателя Национального конвента этого периода. Номера 264, 265 и 266 изданы в период председательствования Билло-Варенна, занимавшего эту должность с 6 по 19 сентября. Таким образом, № 265 следует, по-видимому, относить к 10—15 сентября.

¹ «Archives parlementaires», t. LXXVIII, p. 365.

² «Moniteur», t. XVIII, p. 450—451.

³ Имеется в виду духовное сословие.

⁴ В отношении 263-го и последующих номеров «Публициста Французской Республики», которые в отличие от предыдущих не датированы, время выхода в свет может быть указано только

Но кто же такие лица, могущие занимать должность комиссаров? Это лица, умеющие читать и писать. Следовательно, в деревне это крупные землевладельцы, фермеры, бывшие привилегированные и судейские, в городах — это финансисты, крупные торговцы, адвокаты и прихвостни старого режима.

Из этого следует, что судьба патриотов вверяется врагам республики и что арест подозрительных поручается негодяям и контрреволюционерам, надевающим на себя личину гражданства, чтобы убить свободу в лице ее наиболее преданных защитников¹.

Эти высказывания позволяют с несомненностью утверждать, что Жак Ру, бывший в свое время одним из виднейших сторонников борьбы с контрреволюцией методами революционной диктатуры и массового террора, протестует на данном этапе вовсе не против этик методов, как таковых, а лишь против применения их к тем плебейским массам, интересы которых он так энергично защищал. Это означает, что Жак Ру в своей деятельности остается целиком верен себе и перемена его тактики объясняется не изменением его взглядов, а лишь переменной в обстановке, связанной с окончательным переходом якобинцев в решительное наступление против «бешеных».

Аналогичную позицию в вопросе о терроре занимал в это время и Леклер. В № 22 своего «Друга народа» от 11 сентября он писал:

«Все добрые граждане единогласно просили ареста подозрительных лиц. Спрашивается только, в каком смысле понимали это слово наши уполномоченные, когда они исполняли это желание суверена. Под подозрительными народ понимал тех, кто посредством контрреволюционных писаний и речей вредит общественным интересам. Напротив того, большая часть наших государственных деятелей рассматривает как подозрительных тех, кто посредством их писаний или речей вредит интересам частным». В результате этого, говорит Леклер, получается пол-

ное искажение смысла закона о подозрительных, превращающее его из способа борьбы с контрреволюцией в инструмент для преследования самых лучших патриотов. Даже в тюрьмах заключенные патриоты находятся в гораздо худших условиях, чем богатые контрреволюционеры, настолько ложными являются все разговоры о якобы осуществленном во Франции равенстве.

Такие же мысли были высказаны в петиции Конвенту от общества революционных республиканок, оглашенной Клэр Лакомб 26 августа 1793 г.¹

Однако на этой совершенно правильной позиции осуждения не самого якобинского террора, а лишь двустороннего характера его направленности, «бешеным» долго удержаться не удалось, и они скоро скатились к объективно ошибочной позиции осуждения самого террора, как такового².

Начало такого перехода у Жака Ру обнаруживается в № 269 «Публициста Французской республики», вышедшего в первых числах октября. «Арестовывать целые семьи, — говорит в этом номере Жак Ру, — без предварительного предъявления им обвинения, гноить их в тюрьмах, не допросив их, как этого требует закон, в течение 24 часов, принимать доносы, не делая их авторов ответственными за их правильность, является тиранией, примера коей не найти в анналах самых отдаленных эпох... Каким образом может удержаться конституция, если

¹ Bibl. Nat. Lb⁴⁰ 2412.

² Внешнее совпадение антитеррористической позиции, занимаемой в этот период «бешеными», с такой же позицией К. Демулена и Дантона дает повод «робеспьеристскому» историку Матьезу (см. «Борьба с дороговизной...», стр. 263) и некоторым его ученикам рассматривать тех и других, как единую по своей сущности оппозицию «неподкупному». Подобная точка зрения (так же как и попытка смешения Матьезом правых термидорианцев с Бабефом и Варле во время термидорианской реакции) представляет грубейшее искажение действительности. Осенью 1793 г. «бешеные» выступали против террора, направленного против плебейских масс, а борьба дантонистов против террора была не чем иным, как отражением усталости «новой» буржуазии от революции и ее стремления поскорее получить возможность спокойно наслаждаться награбленными богатствами!

¹ «Le Publiciste de la Republique Française» № 267, p. 5—7.

наказуют еще не совершенные поступки... , если заставляют людей отвечать за грехи их отцов?»

А в № 270 «Публициста», вышедшем в середине октября, Жак Ру, раскрывая причины этих беззаконий, утверждает, что закон о подозрительных плох не только тем, что он позволяет арестовывать самых лучших патриотов, но и тем, что он «является чрезвычайной расплывчатой». Если бы дословно его применять, следовало бы посадить в тюрьмы огромное количество фактически ни в чем неповинных людей, а между тем «искусство законодателя заключается не в том..., чтобы править людьми посредством страха, а в том, чтобы повелевать ими при помощи мудрости и мягкости управления».

Неправильная позиция, занятая «бешеными» в вопросе о терроре, являлась лишь частью совершенной ими в это время более широкой и грубой ошибки — их отрицательного отношения ко всей системе революционной диктатуры якобинцев. «Кто не понял необходимости диктатуры любого революционного класса для его победы, — говорит В. И. Ленин, — тот ничего не понял в истории революций или ничего не хочет знать в этой области»¹. Эту необходимость, как известно, прекрасно понимали робеопьеристы; понимали ее в свое время и «бешеные». Но после 4—5 сентября 1793 г. они совершенно растерялись и потеряли почву под ногами. Отражая незрелость самих плебейских масс своего времени и в отличие от Бабефа, который три года спустя на основе учета опыта всех предшествующих революционных лет смог занять гораздо более правильную позицию, «бешеные» сделали глубоко ошибочный вывод о недопустимости диктатуры вообще. Разумеется, этот трагизм положения «бешеных» отнюдь не являлся случайным, а был лишь одним из логических выводов внутренней противоречивости революции, одной из движущих сил которой были плебейские массы, но происходившей в эпоху, когда «...плебейские равенство и братство (могли быть толь-

ко мечтой...» и «...дело шло о том, чтобы создать нечто, *прямо противоположное* им...»¹

Враждебное отношение «бешеных» на третьем этапе их деятельности к идее всякой революционной диктатуры выявилось очень скоро после событий 4—5 сентября.

Уже в середине сентября Жак Ру горько сетует по поводу предполагаемой отсрочки введения в действие конституции 1793 г. и отмечает, что эта «прекрасная конституция была, очевидно, принята только для того, чтобы ее поминутно нарушать»². Через несколько дней Жак Ру с некоторой иронией выражает надежду, что депутаты Горы будут действовать в духе декретированной ими конституции и не сосредотчат всей власти в своих руках. Он призывает уважать голос «народа, громко требующего организации исполнительной власти»³, введения в действие конституции 1793 г., установления свободы печати, сравнивает правителей Франции с римскими дещемвирами и призывает народ свергнуть фракцию, «узурпирующую все власти»⁴.

Таким же противником «революционного порядка управления» был и Теофиль Леклер. 4 августа 1793 г. он в № VII своего «Друга народа», протестуя против предложения Дантона от 1 августа, писал: «Если существует мера опасная..., нарушающая всякий общественный строй, то это, без всякого сомнения, сделанное Национальному конвенту предложение о превращении Комитета общественного спасения в правительственный комитет... В этом громадном количестве полномочий, предоставляемых Комитету общественного спасения, я вижу ужасающую диктатуру».

Или вспомните его газету «Друг народа» 4 сентября с лозунгом: «Конституцию, всю конституцию,

¹ Ф. Энгельс — Каутскому, 20 февраля 1889 г. (*К- Маркс Ф. Энгельс*, Избранные письма, стр. 408).

² «Le Publiciste de la Republique Francaise» № 266, p. 7.

³ «Le Publiciste de la Republique Francaise» № 267, ip. 4.

⁴ «Le Publiciste de la Republique Francaise» № 268, p. 6—7, 1—4, 8.

одну только конституцию»¹. В номере XXIV своей газеты он восклицал: «Патриоты, я спрашиваю вас, доколе вы будете терпеть подобную власть?»

Противницей «революционного порядка управления» была и Клэр Лакомб, о чем красноречиво свидетельствует известная петиция Конвенту от 26 августа. «Не для того мы первыми приняли эту конституцию, чтобы без конца продолжались анархия и царство интриганов. Докажите всей Франции, что не для того... созвали из всех краев Республики представителей великого народа, чтобы они только разыграли на Марсовом поле патетическую пьесу. Покажите нам, что эта конституция, которую мы как будто бы приняли, существует на деле»².

Что касается, наконец, Варле, то мы уже видели, что именно он явился в Национальный конвент 17 сентября 1793 г. от имени 48 секций Парижа с петицией против декрета 5—9 сентября о секционных собраниях. Оценивая значение этой петиции, Варле впоследствии с полным основанием писал, что она являлась не чем иным, как «борьбой против революционного порядка управления при самом его зарождении»³. А в одной своей позднейшей брошюре Варле утверждал, что он не имел никакого отношения к революционному порядку управления, не считая лишь тех моментов, когда с ним боролся⁴.

На призыв «бешеных» свергнуть существующую власть якобинцы ответили их полным разгромом. Получив обращение секции Гравилье об освобождении Жака Ру, власти в конце октября или первых числах ноября перевели его из Сент-Пелажи в тюрьму Бисетр⁵. Одновременно против него выступает газета «Антифедералист», а в секции Гравилье противники Жака Ру вновь захватили руко-

водство революционным комитетом и стали господствовать в общем собрании секции. Как это произошло?

В это время в Париже шло полное подчинение секционных органов Коммуне на основе закона 5—9 сентября 1793 г., предоставлявшего Коммуне право отстранять от должности членов революционных комитетов секций и назначать на их место других¹.

Дошедшая до нас книга протоколов революционного комитета секции¹ Гравилье (протокол № 7 от 7 октября) показывает, что эбертистское руководство Парижской коммуны, используя это право, добилось того, что 4 октября Коммуна на своем заседании из всего присланного ей списка членов революционного комитета секции Гравилье утвердила только двоих². В ответ на это общее собрание секции 29 вандемьера (20 октября 1793 г.) заявило протест. Но Коммуна отклонила протест общего собрания секции Гравилье и отказала ему в праве самому избрать новых членов своего революционного комитета. Таким образом, с начала октября 1793 г. революционный комитет секции Гравилье, избранный ее общим собранием, был заменен новым, назначенным Коммуной. Уже это одно создавало отныне крайне тяжелое положение для Жака Ру и его сторонников в секции Гравилье. Но этим одним дело не ограничилось. Враги Жака Ру широко использовали развернувшуюся в конце брюмера или начале фримера в секции Гравилье ожесточенную борьбу между существовавшими в ней двумя так называемыми секционными народными обществами³ — народным обществом, основанным осенью 1793 г., где большинство принадлежало сторонникам Жака Ру, и враждебным ему народным обществом под названием «общество улицы Вербуа»⁴. Несомненно, что, основанное 8 ав-

¹ «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon» № XIX, p. 1.

² Bibl. Nat., Lb⁴⁰ 2412, p. 11—2.

³ «Le citoyen Vartel prisonnier a la force en reponse a ses motifs d'arrestation» (Arch. Nat., F⁷ 4775⁴⁰).

⁴ «Gare l'explosion», 6—7 (Bibl. Nat., Lb⁴¹ 1330).

⁵ «Le Publiciste de la Republique Francaise» № 271, p. 8.

¹ «Moniteur», t. XVII, p. 525—526.

² Arch. Nat., F⁷ 2486.

³ О секционных обществах см. статью А. Соболя («Новая и новейшая история», 1958, № 4).

⁴ W. Markov, Robespierrieten und Jacqueroutins, S. 201.

густа 1791 г. где-то на чердаке¹, общество улицы Вербуа, издавна объединявшееся с якобинским клубом², было близко к эбертистам и находилось под прямым руководством Леонара Бурдона. Это видно из того, что, когда впоследствии, 6 термидора II года, группа граждан секции Гравилье явилась в якобинский клуб с жалобой на действия «общества улицы Вербуа», деятельность его непосредственно вменялась в вину Леонару Бурдону и некоторые якобинцы указывали, что общество улицы Вербуа «руководилось Эбером и его сторонниками»³. А с другой стороны, в постановлении, принятом революционным комитетом секции Гравилье 7—8 фримера II года, говорится, что «все добрые санкюлоты секции Гравилье, видя, что общее собрание секции в своем огромном большинстве является жакрутистским (en grande majorite jacqueroutiste), ...объединились в маленьком обществе (в него входило менее 150 человек)..., помещающимся на улице Вербуа». Совместно с революционным комитетом секции они боролись за уничтожение общества Жака Ру⁴.

Таким образом, в секции Гравилье с осени 1793 г. существовало два параллельных и притом резко враждебных друг другу секционных народных общества. Между тем 24 брюмера Парижская коммуна постановила, что отныне в каждой секции должно будет существовать лишь по одному народному обществу⁵ и перед секцией Гравилье встал вопрос: какое из ее двух обществ должно прекратить свое существование?

О борьбе, происходившей вокруг этого вопроса внутри секции Гравилье, известно очень мало и притом исключительно из показаний друзей Жака Ру.

Из них явствует, что ее начал и возглавил против сторонников Жака Ру в общем собрании секции 30 брюмера (20 ноября 1793 г.) Леояр Бурдон. Ссылаясь на то, что, согласно постановлению 24 брю-

Мера, при наличии в одной секции двух обществ продолжать свое существование должно то, которое возникло первым, Леонар Бурдон требовал, чтобы «все добрые санкюлоты присоединились к патриотическому обществу улицы Вербуа»¹. Это предложение вызвало протесты сторонников Жака Ру и они прерывали речь Бурдона многочисленными возгласами с мест.

Затем стали вноситься различные предложения, имевшие целью в той или иной форме добиться отклонения признания общества улицы Вербуа единственным законным народным обществом секции Гравилье. Так, например, Дюкло говорил, что «хотя общество улицы Вербуа сделало много хорошего 10 августа и всегда было центром, объединявшим всех патриотов секции» (следует иметь в виду, что цитируются позднейшие показания Дюкло, данные в момент его ареста, и поэтому весьма вероятно, что он умышленно прикрашивал заслуги общества улицы Вербуа), однако секционное общество, в котором господствовали сторонники Жака Ру, более многочисленно и поэтому именно оно должно продолжать свое существование. Другие же сторонники Жака Ру, не решаясь прямо призывать к ликвидации общества улицы Вербуа, предлагали либо сохранить и в дальнейшем параллельное существование обоих обществ, либо их объединить. Так Бурдон, ссылаясь на то, что постановление Коммуны якобы допускает и в дальнейшем существование двух секционных обществ в тех случаях, когда оба они достаточно стары, требовал сохранения ранее существовавшего положения. А Мишо, исходя из того, что «в обществе улицы Вербуа имеются хорошие патриоты», полагал, что «оба общества могут существовать, не соперничая друг с другом», и лишь на худой конец соглашался, чтобы «оба общества объединились и образовали одно»².

Сторонникам Жака Ру удалось добиться сохранения на время существования в дальнейшем двух

¹ «Новая и новейшая история», 1958, № 4, с. 19—20.

² A. Aulard, La Societe des Jacobins, t. III, p. 510.

³ A. Aulard, La Societe des Jacobins, t. VI, p. 241.

⁴ Arch. Nat., F⁷ 4775³.

⁵ «Moniteur», t. XVIII, p. 426.

¹ Arch. Nat., F⁷ 4775³, показания Graillot.

² Arch. Nat., F⁷ 4775³ показания Duclos, Bourbon, Michault.

отдельных обществ в секции Гравилье¹, но это не спасло их от разгрома. Революционный комитет секции, находившийся в руках их врагов, использовал борьбу друзей Жака Ру против общества улицы Вербуа для того, чтобы с ними расправиться. Пользуясь постановлением Коммуны от 24 брюмера, предлагавшим рассматривать в качестве подозрительных всех тех, кто будет противиться его осуществлению, «законно собравшиеся члены революционного комитета секции Гравилье», «справедливо возмущенные раздором, царящим в секции, и в частности в ее общем собрании, и вызванным партией, давно уже созданной Жаком Ру», приняли 27 ноября 1793 г. постановление, в котором писали:

«Все друзья свободы, равенства и нераздельности республики... с ужасом наблюдали, как прихвостни Жака Ру с яростью боролись против осуществления постановления Коммуны от 24 брюмера», поэтому главные деятели указанной партии, пытавшиеся бороться против осуществления названного постановления Коммуны и не перестававшие мешать работе общего собрания, «граждане Бурбон, Натте, Грайю, Нодо, Мишо, Дюкло, Боске, Соже, Филип и другие... будут немедленно арестованы»².

На следующий день, 28 ноября, арестованные были подробно допрошены. Революционный комитет пришел к выводу, что все они, кроме Нодо, который виновен только в заблуждении, «посеяли пламя раздора в среде общего собрания секции и вопреки закону пытались добиться роспуска горящего огнем чистейшего патриотизма и республиканизма общества улицы Вербуа». В силу этого все перечисленные сторонники Жака Ру, за исключением одного только Нодо, постановлением революционного комитета были отправлены как подозрительные в тюрьму Ла-Форс.

Постановление касалось также и самого Жака Ру. В нем говорилось, что «Жак Ру не переставал клеветать на все установленные власти, и в частности на Национальный конвент. Целью его являлось заставить народ сбросить эти власти и таким образом ниспровергнуть республиканский строй, подобно тому, как это, к сожалению, произошло в Освобожденном городе, бывшем Лионе... Жак Ру не переставал громить барышников, торговцев, влиятельных людей (*les gens en place*). Он всходил на трибуну лишь для того, чтобы говорить народу, что он суверен и имеет право прогнать всех влиятельных людей и должностных лиц, что, собравшись на общее собрание, он имеет право делать все, что угодно, что его суверенитет установлен и что он имеет право судить всех своих уполномоченных»¹.

Вскоре после этого Жак Ру выпустил последний, 271 номер своего «Публициста...»²

Выпуская газету в момент максимального разгара так называемого дехристианизаторского движения (как раз 20 брюмера имел место «праздник Разума»), он пишет в ней:

«После уничтожения в лице монархии источника всех наших бедствий для полного торжества республики недоставало только низвергнуть трон узурпаторов, стремившихся укрепить на небе цепи, связывающие людей на земле». Он объявляет заблуждением ношение священнического сана, и отрекается от него. «Я хотел бы, — продолжает он, — ценой своей крови искупить бедствия, причиненные ими (священниками) человечеству. В тюрьме, в которой я томлюсь, я могу только высказывать пожелания о торжестве общественного дела... *Да здравствует же Французская республика и Гора!* Привет и наилучшие пожелания всем тем, кто зажжет наши сердца священным

¹ Arch. Pref. Police AA/266, p. 89; *Soboul*, Les Sans-Cullottes parisiens en Fan II, p. 280.

² Arch. Nat., F⁷ 4775³. Постановление революционного комитета.

¹ «Section des Gravilliers. Comite de surveillance. Ce jourd'hui octodi frimaire de l'an II» (Arch. Nat., F⁷ 4775³).

² Номер 271 «Публициста Французской республики» датирован председательством в Национальном конвенте Лалуа, занявшим эту должность 16 брюмера (6 ноября); вышел он, следовательно, около 20 брюмера.

пламенем свободы и добродетели!» (курсив наш.— Я. 3.).

Что это? новая попытка примирения с якобинцами для получения пощады? Постскриптум, которым заканчивается газета, во всяком случае дает повод для такой оценки последнего выступления Жака Ру.

«Самое страшное в моем положении, — пишет он, — не то, что я нахожусь в тюрьме, ибо приятно страдать за торжество республики. Страшно то, что я пришел в столкновение с несколькими патриотами. А между тем я считаю себя вправе заявить, что в своих работах я лишь стремился служить общественному делу. И если я иногда ошибался, мое сердце все же всегда оставалось чистым, а излишек усердия не может составлять преступления. На что не идут ради спасения свободы? Друзьям равенства остается лишь *указать мне дорогу*, по которой я должен пойти; я сочту за величайшую честь содействовать их великодушным усилиям» (курсив наш. — Я.3.).

На что же он рассчитывал, меняя тон своих выступлений? Разве ему не было известно о судьбе всех своих сторонников, о самых опасных выпадах, которые делаются против него врагами, захватившими власть в комитете секции Гравилье? Вероятно знал, но как непреклонный революционер менял тактику, чтобы продолжить борьбу.

Однако Жак Ру глубоко ошибался, если думал, что его заявление могло удовлетворить робеспьеристов. Робеспьеристы до поры, до времени активно не противодействовали возглавляемому эбертистами де-христианизаторскому движению, но относились к нему глубоко отрицательно. Поэтому совершенно очевидно, что раскаяние Жака Ру было направлено по ошибочному адресу и не могло рассеять черных туч, сгустившихся к этому времени над его головой.

Согласно постановлению департамента полиции Парижской коммуны от 27 августа 1793 г., Жак Ру подлежал суду трибунала исправительной полиции, который был назначен на 25 нивоза (14 января

1794 г.) в помещении Шатлэ. К несчастью Ру суд исправительной полиции признал его дело себе неподсудным и постановил передать его в Революционный трибунал¹, откуда дорога шла только одна — на гильотину. Жак Ру понял, что больше он ничего не может сделать для революции, и покончил самоубийством².

Судьба других представителей «бешеных» оказалась менее трагичной. После ареста Варле 19 сентября в его защиту выступила секция Прав человека, где он являлся одним из самых авторитетных руководителей. На заседании 3 октября³ общее собрание секции Прав человека постановило поручить своему революционному комитету отправить в Комитет общественной безопасности делегатов с просьбой об

¹ Приговор трибунала исправительной полиции Парижской коммуны от 25 нивоза II года (Arch. Nat., W²⁰, d. 1073).

² Выслушав постановление суда, гласит протокол, «гражданин Жак Ру попросил разрешения сделать суду замечание и поблагодарил трибунал за строгость вынесенного им приговора. Затем, делая вид, что прячет под левую сторону своей одежды какие-то бумаги, Жак Ру правой рукой раскрыл маленький нож с ручкой из слоновой кости и нанес себе несколько ударов с целью покончить самоубийством». Это движение было сразу же замечено, и находившиеся в зале жандармы и судебные приставы схватили Жака Ру, отняли у него оружие и самого, обливавшегося кровью, унесли в совещательную комнату. Для осмотра ран был вызван врач. Трибунал прервал заседание и перешел в помещение, в котором находился названный Ру, чтобы узнать от него о причинах, заставивших покушаться на свою жизнь. На вопрос председателя, почему он решился на подобный поступок, Ру ответил, что уже «давно решил пожертвовать своей жизнью» и что на этот решительный шаг его толкнули «страшные оскорбления и обвинения преследователей». Он «заявил о своем презрении к жизни и о счастливой судьбе, которая, по его мнению, предреговорена друзьям свободы в будущей жизни. Затем он попросил трибунал и своих сограждан озаботиться судьбой ребенка-сироты», которого воспитывал. Прибывший врач признал, что ни одна из ран не является опасной, и после сделанной перевязки Жак Ру был переведен в тюремную больницу. Там он не оставил мысли о самоубийстве, употреблял все средства, чтобы ухудшить состояние своего здоровья, а затем вновь нанес себе раны, оказавшиеся смертельными («Extrait du procès — Verbal de Jacques Roux du 1er ventose» Arch. Nat., W²⁰).

³ В протоколе заседания сказано «четверг, 3 сентября 1793 г.», но это явная опечатка, так как четвергом было не 3 сентября, а 3 октября 1793 г.

освобождении Варле¹. Так как это не помогло, революционный комитет секции Прав человека на заседании 9 октября снова вернулся к вопросу о Варле.

Заслушав доклад своих комиссаров, Комитет постановил переслать доклад в Комитет общественной безопасности Национального конвента вместе с просьбой освободить гражданина Варле, которого Комитет считает добрым республиканцем.

Но если революционный комитет секции Прав человека лишь в самой осторожной форме ходатайствовал об освобождении Варле, то масса граждан секции пошла значительно дальше. Из дошедшего до нас протокола от 20 октября заседания «Общества друзей закона, свободы, равенства и человечества», помещающегося в доме № 17 по улице Вер-Буа, мы узнаем, что в этот день общее собрание и народное общество секции Прав человека обратилось к обществу улицы Вер-Буа с просьбой поддержать их ходатайство об освобождении Варле².

Отказ на эту просьбу не ослабил, однако, энергии секции Прав человека. Вопрос о Варле был снова поставлен на общем собрании 26 октября. Было принято решение объявить, что секция берет Варле «под свою непосредственную защиту и ответственность»³.

Друзья и единомышленники Варле имелись не только в рядах его секции. Многие граждане различных секций Парижа обратились в Комитет общественной безопасности Конвента с общим ходатайством об освобождении Варле. Однако освобождение Варле явилось результатом борьбы эбертистов с яко-

бинцами. Им нужны были союзники, поэтому Парижская коммуна, где они имели тогда большинство, поставила вопрос о его освобождении. Комитет общей безопасности больше не мог остаться глухим, и 24 брюмера (14 ноября 1793 г.) Варле был освобожден¹. В ближайшие месяцы после своего освобождения Варле активного участия в политической жизни не принимал, и его возвращение на политическую сцену относится уже только к периоду, последовавшему за контрреволюционным переворотом 9 термидора. Однако к этому моменту движение «бешеных» было уже давно ликвидировано и поэтому история деятельности Варле после 9 термидора выходит за пределы содержания настоящей книги. Умер он, насколько можно судить по имеющимся источникам, в 1832 г.²

Следующий удар якобинцы нанесли Клэр Лакомб и Леклеру. Вопрос о них был поставлен в очень резкой форме на заседании якобинского клуба 16 сентября 1793 г., и дело закончилось тем, что якобинцы постановили просить Комитет общей безопасности арестовать их обоих³. Присутствовавшая на заседании клуба Лакомб была тут же задержана и препровождена в Комитет общей безопасности, откуда ее отпустили⁴. Освободившись, она еще некоторое время пыталась продолжать свою деятельность, но с изданием декрета Конвента от 9 брюмера (30 октября) о закрытии всех женских обществ⁵ Лакомб прекратила участие в общественной жизни. Это ненадолго спасло ее от репрессий со стороны якобинцев. После казни эбертистов 4 жерминаля II года (24 марта 1794 г.) они приступили к окончательной ликвидации всех своих противников слева и вспомнили о Клэр Лакомб. Арестованная по приказу Комитета общей

¹ «Du registre de l'assemblee generale des droits de l'homme» (Arch. Ant., F⁷ 4775⁴⁰).

² «Societe des amis de la loi, de la liberte, de l'egalite et de l'humanite, seante rue deVert-Bois, № 17. Seance du 29 jour du 1-er mois de l'An 2 de la Republique Franchise une et indivisible» (Arch. Nat., F⁷ 4775⁴⁰).

³ «Extrait des registres des deliberations de l'assemblee Generale de la Section des droits de l'homme du cinq du Deuxieme mois de la seconde annee de la Republique Franchise une et indivisible». (Arch. Nat., F⁷ 4775⁴⁰).

¹ Arch. Nat., F⁷ 4775⁴⁰.

² Об этом см. А. Мамьез, Термидорианская реакция, М.—Л., 1931; R. B. Rose, Socialism and the French Revolution: The Cercle Social and the Enrages; R. Cobb, Note sur la repression centre le personnel sans-culotte de 1795 a 1801 («Annales Historiques de la Revolution Francaise», 1954, Janvier—mars).

³ «La Societe des Jacobins», t. V, p. 406—409.

⁴ Arch. Nat., T 100J1-3.

⁵ Текст его см. «Archives parlementaires», fc LXXVIII, p. 49.

безопасности от 13 жерминаля (2 апреля 1794 г.), она вышла на свободу только осенью 1795 г.¹ и вернулась к сценической деятельности.

Политическая карьера Леклера закончилась сразу же после заседания якобинского клуба 16 сентября. С этого дня его газета прекратила свое существование и это, по-видимому, спасло его от немедленного ареста. Вскоре он был призван в армию, но и она не избавила его от общей участи: после казни эбертистов Леклер и его жена Полина Леон, в прошлом, как и Лакоми, видная деятельница клуба революционных республиканок, были арестованы по ордеру Комитета общей безопасности от того же самого дня 13 жерминаля, что и Лакомб. Но вскоре после переворота 9 термидора они были освобождены². Дальнейшая судьба Клэр Лакомб, Леклера и Полины Леон неизвестна.

С разгромом жакрутистов в секции Гравилье и клуба революционных республиканок, с гибелью Жака Ру, арестом и отходом от политической деятельности Леклера, Варле и Клэр Лакомб закончилось движение «бешеных».

Каковы же причины столь быстрого поражения движения «бешеных»?

В чем состоит его историческое значение?

Попытаемся дать ответ на эти вопросы.

¹ Arch. Nat., F⁷ 4756

² Arch, Nat., F⁷ 4774⁹.

Глава IV. ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ «БЕШЕНЫХ»

Исследование классовых корней и основных этапов движения «бешеных» позволяют дать следующий краткий ответ на первый из поставленных вопросов: «бешеные» потерпели поражение потому, что выражали интересы прослойки, которая еще не стала классом и не созрела для того, чтобы выработать свою последовательно-революционную идеологию, отличную от буржуазной, создать свою самостоятельную партию, отличную от партий буржуазных,

Непоследовательный характер мировоззрения привел их к неправильной оценке якобинской диктатуры и практическим ошибкам, навлекшим на них гнев всех течений якобинцев.

Отсутствие партии породило разрозненность выступлений, распыление сил, определило их неизмеримую слабость перед лицом хорошо организованной власти буржуазии.

Характерные черты мировоззрения «бешеных»

Взгляды «бешеных» целиком определялись особенностями представляемых ими плебейских масс Франции конца XVIII в. как прослойки людей, еще не успевших сложиться в «класс для себя», и поэтому воззрения «бешеных» не могли носить формы мало-мальски законченной идеологии. Они исходили из теорий виднейших представителей буржуазного «просветительства» XVIII в., и в частности его демократического крыла. Лишь в тех областях жизни, где специфические интересы бытия плебейских масс непосредственно сталкивались с интересами крупной и мелкой буржуазии, сознание этих масс, а значит, и их представителей — «бешеных» — могло получить характер, отличный от идеологии якобинской революционной буржуазии, и в этом случае являлось в тенденции предшественником позднейшего социализма. Но такие случаи были не так уж многочисленны; чаще всего взгляды «бешеных» сравнительно мало отличались от идеологии якобинцев. Такой, в частности, пример представляют *историко-философские воззрения «бешеных»*.

Подобно просветителям¹, «бешеные» полагали, что мир управляется идеями. Так, по мнению Жака Ру, подчинение людей королям и аристократам объясняется их невежеством²; успехам революции «триумф разума» способствовал в такой же мере, как и победы оружия³, поэтому «коронованные тираны и

даже мелкие деспоты, страшась Декларации прав человека более, нежели силы оружия, не останавливаются перед использованием железа и золота и пролитием крови для того, чтобы помешать распространению вечных принципов равенства¹. С другой стороны, «едва только луч света освещает потемки рабства, как тирания оказывается низвергнутой, а народы — свободными»².

В аналогичном духе высказывались Варле и Леклер. По мнению первого, «Французская революция является благодетельным результатом прогресса человеческих знаний»³, а по утверждению второго, «именно предрассудки породили цепи человеческого рода; удивительно ли, что первые же люди, возмевшиеся подчинить себе своих ближних, постарались поплотнее окутать их таковыми?»⁴

При таком понимании движущих сил развития человеческого общества «бешеные» вслед за «просветителями» определяющее значение в развитии общества придавали просвещению.

Варле говорил, что просвещение является средством для политического и социального переустройства общества. «Почтенные неимущие, — писал [Варле в предисловии к своему «Плану новой организации центрального клуба друзей конституции», — при режиме несправедливостей, когда вы не имели понятия о своих правах, политика попов, королей, знати, финансистов и судейских заключалась в том, чтобы держать вас в цепях невежества. .. Но гений, попирающий все преграды, сделал все их усилия тщетными: появился Руссо, и принципы и разум победили. Неимущие, несшие до сих пор на себе всю тяжесть бедствий, изучайте законы вашей родины, и вы сможете пользоваться всеми благами конституции; вы сможете

¹ См. Г. В. Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, гл. I.

² «Discours sur les causes des malheurs de la Republique Francaise», p. 10.

³ «Discours sur les moyens de sauver la France et la liberie», p. 21.

¹ «Discours sur les causes des malheurs de la Republique Francaise», p. 11.

² «Le Publiciste de la Republique Franchise par l'Ombre de Marat» № 246, p. 2.

³ «Plan d'une nouvelle organisation de la Societe-mere des amis de la Constitution», p. 46.

⁴ «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon» № XIII, p. 6.

возвышать голос в собраниях, и тогда все увидят, что приобретенные знания стирают все грани. Неученые, но образованные, вы превзойдете богатые неучей»¹. Статья 5 составленной Варле «Торжественной декларации прав человека в общественном состоянии», гласит, что «воспитание, образование и проповедь общественной морали, являющиеся священным долгом государства в отношении всех граждан, одни только могут сделать реальным пользование предоставленными им правами»².

Такое же значение придает делу народного образования и Леклер. «Да будет воздана хвала тому, кто внес предложение дать всем детям одинаковое воспитание... это единственный способ возродить человеческий род и сделать людей достойными свободы»³.

Эти высказывания «бешеных» по вопросу народного образования и воспитания не были оригинальными. Они, как две капли воды, были похожи на все то, что говорилось в это время по нему на заседаниях Национального конвента, якобинского клуба и вне их стен. Таким образом, есть все основания утверждать, что взгляды «бешеных» как представителей интересов плебейских масс Франции конца XVIII в. почти ничем не отличались от идеологии революционной буржуазии того времени.

В своих социологических воззрениях «бешеные» были чистыми идеалистами и имели такое же слабое представление о классах и роли классовой борьбы в истории, как и другие деятели революции 1789—1794 г., за исключением разве только Барнава и Марата. Именно поэтому они, подобно робеспьеристам, были очень часто готовы объяснять партийную вражду противоречием между «добрыми» и «злыми» и соответственно этому видели выход из положения в пропаганде и прояснении сознания ошибающихся,

¹ «Plan d'une nouvelle organisation de la Societe-mere des Amis de la Constitution», p. 18, 3.

² «Declaration solennelle des droits de l'homme dans l'etat social», p. 12.

³ «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon» № XII, p. 6,

за которым должны были последовать «всеобщие объятия и примирение»¹.

Однако наряду с этим теоретическим непониманием причин и значения классовой борьбы там, где дело шло о практических выводах и о конкретном анализе отдельных событий, «бешеные» очень часто проявляли поразительную вдумчивость и глубокую проницательность, лишь с трудом совмещающуюся с их теоретической наивностью в вопросах данного порядка. Так, например, любопытна оценка социальных результатов буржуазной революции, данная Жакком Ру в его «Речи о причинах несчастий Французской республики» и затем дословно повторенная им в № 249 «Публициста Французской республики».

«Поразительным феноменом революции, поверить которому потомство сможет лишь с величайшим трудом, является то усердие, с которым враги свободы морят голодом, разоряют и приводят в отчаяние народ. Спекуляция достигла предела, а трудящийся класс общества лишился возможности существовать на политико-экономической почве. Можно даже сказать, что богатый получил над бедным право жизни и смерти...

Но не будем обвинять революцию в том, что она является источником наших бедствий. По своей природе она должна была обеспечить лучшую участь несчастному рабочему и классу людей, угнетаемых феодальным деспотизмом... Но роковой декрет, разрешивший посредством торговли деньгами обесценение ассигнатов, дал ростовщикам и контрреволюционерам возможность жиреть за счет общественных бедствий...; передал в руки людей, обогатившихся за счет крови вдов и сирот», отнятые у духовенства *владения и национальные имущества*, вместо того чтобы наделить ими обездоленных.

Подчеркнутые слова показывают, насколько ясно осознавал Жак Ру столь характерный для Француз-

¹ «Discours sur les moyens de sauver la France et la liberte», p. 47; «Discours sur les causes des malheurs de la Republique Francaise», p. 1; «Le Publiciste de la Republique Francaise» № 246, p. 6; № 255, p. 7-8; № 265, p. 6 и др.

свой буржуазной революции процесс создания во время и вследствие ее так называемых новых богачей; но следующий абзац из той же «Речи о причинах несчастий Французской республики» демонстрирует это еще более отчетливо:

«Раскройте перед нами ваши бумажники! — говорит в этой речи Жак Ру, обращаясь к «новым богачам». Ваше быстрое обогащение лучше всего свидетельствует о ваших разбоях, изменах и злодеяниях. До взятия Бастилии вы были в лохмотьях, а ныне вы своей роскошью оскорбляете общественную нужду. Вы едва ли имели жилище, а ныне вы обитаете во дворцах. Вы владели лишь сохой, а теперь вы хозяева значительных имений. Вы занимались торговлей в разнос, а теперь вы сооружаете военные корабли. Члены ваших семей протягивали руку первому встречному и жили лишь милостыней, а теперь им доверено снабжение наших сухопутных и морских сил. Можно ли после этого удивляться, что повсюду встречаешь людей, преданных, на первый взгляд, революции — ведь она предоставила им полную возможность, и притом в течение короткого срока, скопить громадные сокровища, покрыв вместе с тем их хищения непроницаемым покровом!»¹

Столь же ясное понимание социальных результатов буржуазной революции находим мы и у Леклера:

«Место дворянской и священнической аристократии заняла аристократия буржуазная и торговая. Этот класс, составляющий в некотором роде промежуточную касту между первым (т. е. аристократией. — Я. З.) и народом, приобрел в результате своего богатства столько же потребностей, а следовательно, и столько же пороков, сколько и высший класс. Принципиально он встретил довольно дружелюбно революцию, уравнивающую его с высшим классом. Но когда народ, сильный своим могуществом, своей храбростью и сознанием своих прав, потребовал установления равенства и основал республику, эти господа

сделались его самыми ожесточенными врагами и встали на путь своих предшественников»¹.

Этот весьма четкий анализ может быть вполне повторен современным историком, вскрывающим генезис классовых отношений во время Французской буржуазной революции. То же можно сказать и о другом номере газеты Леклера, где он пытается объяснить социальные корни контрреволюционного лионского восстания.

«С самого начала революции Лион проявлял отчетливо выраженные признаки неблагонадежности. Он даже не изменил своей аристократии. В нем, как и во всех крупных городах, богатый негоциант роскошествовал не менее, чем дворянин. Поэтому он не имел никакого интереса в уничтожении дворянства и духовенства и, напротив того, имел очень большой интерес помешать углублению революции, могущей привести к падению производства предметов роскоши, на сбыте которых строилось накопление громадных богатств...»²

Однако из этого блестяще правильного анализа конкретных классовых противоречий, обнаруживавшихся в ходе буржуазной революции, «бешеные» не сделали верных теоретических выводов о сущности и значении классовой борьбы. Подобно своим предшественникам — Жану Мелье, Вольтеру и Рейналю и современникам — якобинцам и Бабефу, они делили общество на классы по принципу не производственному, а потребительному, на «богатых» и «бедных», или, как выражался Жак Ру, «всегда угнетающих; патрициев и всегда угнетенных плебеев»³.

Разделение общества на два класса по принципу потребления красной нитью проходит через все произведения «бешеных». При этом «богатые» почти всегда идентифицируются с контрреволюционерами и изображаются в качестве основных виновников всех бедствий революционной Франции.

¹ «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon» № II, p. 3.

² «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon» № XXIII, p. 4.

³ «Discours sur les moyens de sauver la France et la liberte», p. 33.

¹ «Discours sur les causes des malheurs de la Republique Francaise», p. 14, 15.

«Подумайте о том, — говорит Жак Ру в своей «Речи о причинах несчастий Французской республики», — что почти все богатые являются по принципу виновниками преступлений и по привычке — сообщниками королей». Богатые, по мнению Жака Ру, с восторгом приветствовали бы победу интервентов и торжество внутренней контрреволюции¹.

Эти мысли он повторял и в речи 25 июня². Так же, как Жак Ру, рассуждал и Леклер. Впрочем, в этом отношении «бешеные» меньше всего проявляли какую-либо самостоятельность, а лишь последовательно отражали взгляды тех плебейских масс, интересы которых они выражали. Действительно, плебейские массы эпохи революции в редких случаях определяли своих классовых противников по их производственному признаку. Такой, например, случай мы имеем в постановлении революционного комитета секции Фобур дю-Нор от 24 жерминаля II года об аресте некоего Сантера на том основании, что он «разжирел за счет пота своих поденщиков»³. Но подобные случаи были крайне редки, обычно же плебеи своих классовых противников определяли как «богатых торговцев»⁴, «банкиров»⁵, «богачей»⁶, «рантье»⁷.

Нечетко «бешеные» определяли и «класс бедных». Если сами плебейские массы под бедными понимали прежде всего санкюлотов, то «бешеные» его расширяли. Подтвердим это положение некоторыми приме-

¹ «Discours sur les causes des malheurs de la Republique Francaise», p. 20.

² «Annales Revolutionnaires», 1914, p. 554.

³ Arch. Nat., F⁷ 4775¹³; A. Soboul, Problemes de travail en l'an II («Annales Historiques de la Revolution Francaise», 1956, № 144, p. 243).

⁴ Заседание секции Майль 21 мая 1793 г. (Arch. Nat., C 355, pi. 1864, p. 44; «Die Sansculotten von Paris» № 8—9); адрес Конвенту 27 вантоза (Arch. Nat., C 295, pi. 994, p. 27; A. Soboul, p. 241—242).

⁵ Arch. Nat., W. 345, d. 676, p. 7. См. там же, стр. 241—242.

⁶ Там же; «Die Sansculotten von Paris» № 8—9.

⁷ Arch. Nat., F⁷ 4699, F⁷ 4765, F⁷ 4592, pi. 4, p. 58. Цит. у A. Soboul, p. 243—245.

рами. В написанном весной 1793 г. старым участником революции бывшим солдатом Vingternier¹ «Ответе на наглый вопрос: Но что же такое санкюлот?» сказано:

«Санкюлот, господа мошенники? Это существо, которое всегда ходит пешком, которое не обладает теми миллионами, о которых вы все мечтаете, которое не имеет ни замков, ни лакеев, и которое живет со своей женой и детьми, если они у него есть, на четвертом или пятом этаже. Санкюлот полезен, так как он умеет пахать поле, ковать, пилить, покрывать крышу, шить сапоги и проливать свою кровь для спасения Республики»².

А в петиции секции Обсерватории Национальному конвенту, написанной во время заседаний 29 сентября и 11 октября 1793 г., утверждается, что «подлинными санкюлотами являются только бедные граждане... Только санкюлоты составляют нацию, а ничтожное число тех, кто завладели всеми богатствами, является не нацией, а привилегированными»³.

По мнению «бешеных» санкюлоты это тот «трудящийся и бедный класс», которому обещает служить Леклер⁴, или те «неимущие» (indigens), которым Варле посвящает свой «План новой организации центрального клуба друзей конституции»⁵. Жак Ру в своей речи 25 июня подчеркивает, что понятие бедных вовсе не идентично понятию рабочих, в силу чего он объявляет себя защитником не только рабочих, но равным образом и мелких рантье и вообще всего «огромного множества людей», живущих в верхних этажах домов революционного Парижа, «лишенных

¹ W. Markov, Uber das Ende der Pariser Sansculottenbewegung («Beitrage zum neuen Geschichtsbild zum 60 geburtstag von Alfred Meusel», Berlin, 1956, S. 153, Anm. 6).

² Arch. Nat., F⁷ 4775⁴⁸, dossier Vingternier; «Die Sansculotten von Paris» № 1.

³ Arch. Nat., D. III, 255—256¹, d. 1, p. 18; «Die Sansculotten von Paris» № 40.

⁴ «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon» № 1, p. 7.

⁵ «Plan d'une nouvelle organisation de la Societe-mere des Amis de la Constitution», p. 3—4.

хлеба и одежды и приведенных в такое состояние нужды и горя ажиотажем и спекуляцией»¹.

Неопределенность понятия «бедных» у «бешеных» отвечала разношерстности состава плебейских масс эпохи французской революции, интересы которых они защищали; аморфности их бытия соответствовала и незрелость их сознания.

Непоследовательны были и религиозные взгляды «бешеных». Положительным в их высказываниях по этому поводу было лишь то, что они подвергали беспощадной критике религию, церковь и священнослужителей.

«Из всех постигающих человечество бедствий, — говорит Жак Ру в своей «Речи о средствах спасения Франции и свободы», — нет более тяжких, нежели те, что порождаются религиозным фанатизмом».

Подтвердив это положение рядом примеров из истории и из современной ему действительности, Жак Ру приходит к выводу, что «в течение ряда веков невежества, омраченных феодальным и священническим деспотизмом», духовенство «ради удовлетворения своей гордости и корыстолюбия залило кровью оба полушария и, повинувшись голосу нетерпимости и лицемерия, отправило в преисподнюю тысячи семейств, все преступление которых заключалось в желании быть свободными». Но теперь песенка этого фанатичного духовенства уже спета. «О, фанатичные священники, прошли уже те дни нашего детства, когда вы пользовались глупой доверчивостью народов!.. Вы не будете больше заставлять их устремлять взоры на небо, дабы тем легче похищать их имущества на земле»².

Это рассуждение Жака Ру повторяется у Варле³ и Леклера, по мнению которого, религия была специально создана для того, чтобы держать людей в рабстве. Перейдя из естественного состояния в состояние общественное, человек, по мнению Леклера,

сохранил бы свою первоначальную свободу, «поскольку она может быть сохранена при господстве законов». Но эксплуататорам удалось привить ему религиозную заботу, которая его волнует, поглощает часть его времени и посредством надежды на другой мир заставлял забыть муки, которые он терпит в мире настоящим¹. Поэтому Жак Ру, например, приветствовал преследование духовенства якобинскими властями. Однако никому из «бешеных» не удалось освободиться от религиозных пут — стать атеистом.

Социально-экономические взгляды «бешеных» в противоположность историко-философским значительно отличались от взглядов якобинцев. И это вполне понятно — ведь здесь речь шла о том, что составляло самое главное в жизни каждого человека, — о его хлебе насущном в самом прямом и буквальном смысле этого слова. Ясно, что именно в этой области зрения «бешеных» не могли не носить ряда специфических черт, резко отличавших их от взглядов представителей не только крупной, но и мелкой буржуазии и отражавших характерные условия существования плебейских масс городов Франции XVIII в.

Экономические взгляды французской крупной буржуазии эпохи Великой буржуазной революции характеризуются одним словом — «фритредерство». «Единственное, что должно себе позволить в продовольственном деле Собрание, — писал Ролан Национальному конвенту 18 ноября 1792 г., — это провозгласить, что оно не должно ничего предпринимать, что оно упраздняет все стеснения, объявляет полнейшую свободу обращения продуктов, не предопределяет никаких действий, но вместе с тем самым решительным образом будет противодействовать всякому, кто покусится на эту свободу»².

В этих словах вождя жирондистской партии сформулирован главный лозунг («laissez faire, laissez passer») экономической программы крупной буржуазии на всех этапах буржуазной революции.

¹ «Annates Revolutionnaires», 1914, p. 551—552, 555.

² p. 4—9. «Discours sur les moyens de sauver la France et la liberte»,

³ «Plan d'une nouvelle organisation de la Societe-mere des amis de la Constitution», p. 33.

¹ «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon» № XIII, p. 6—7.

² Buchez et Roux, op. cit, t. XX, p. 405—408.

Труднее сформулировать экономическую программу мелкой буржуазии, которая на всех этапах революции боялась покушения на «священное» право собственности, именуемое тогда неясным термином «аграрный закон». Правда, Робеспьер в своей знаменитой речи 24 апреля 1793 г. утверждал, что «этот аграрный закон, о котором так много говорили, есть не что иное, как призрак, созданный мошенниками для того, чтобы запугать дураков»¹. Но слова эти были сказаны в пылу полемики; вообще же все, что известно о (Робеспьере, позволяет утверждать, что он «аграрного закона» боялся не меньше, чем другие представители тогдашней революционной буржуазии.

Поэтому якобинцы, как и жирондисты, были принципиальными сторонниками фритредерства². Но в отличие от них под давлением обстоятельств³ они ушли в случае необходимости быстро изменять свою экономическую политику. Так, оставаясь в душе противниками установления максимальных цен, в сентябре 1793 г. они приняли «закон о максимуме» и в дальнейшем сделали его краеугольным камнем своей экономической политики, ибо это не мешало оставаться фритредерами.

В противоположность фритредерству якобинцев экономические воззрения «бешеных», подобно требованиям самих плебейских масс, основывались на воспоминаниях об экономической политике старого режима. «О, возмущение, о позор XVIII веку! — восклицал Жак Ру в конвентской речи 25 июня 1793 г. — Во времена Сартинов и Флесселей правительство не допустило бы брать втридорога за припасы первой необходимости; более того, тогда фиксировали цены на снаряжение и мясо для солдат. А Национальный

конвент, облеченный силой 25-миллионного народа, терпит, чтобы торговец и богатый эгоист, произвольно устанавливая цены на наиболее полезные для жизни предметы, сделал своим обыкновением доводить этим население до толовой смерти»¹.

Усвоив сложившиеся с дореволюционных времен взгляды плебейских масс, Жак Ру объяснял дороговизну и голод одной спекуляцией. Это прежде всего и отличало экономические взгляды «бешеных» от воззрений жирондистов и якобинцев. В то время как жирондисты, защищая классовые интересы крупной буржуазии, были склонны объяснять причины переживавшегося Францией экономического и, в частности, продовольственного кризиса только моментами объективного характера², а якобинцы, не отрицая этих моментов, подчеркивали наряду с ними и причины субъективные — корыстолюбие и злую волю отдельных лиц, пользующихся общей ситуацией для собственного обогащения³, «бешеные» причину голода и дороговизны видели лишь в последнем факторе, а всем остальным придавали второстепенное значение.

Наиболее четко эту точку зрения высказывал Леклер, уделявший продовольственному вопросу весьма значительное внимание.

Богатые контрреволюционеры, говорит Леклер, «надеются вызвать контрреволюцию посредством дороговизны съестных припасов и вздорожания звонкой монеты. При помощи своих огромных богатств они скапливают продукты и предметы первой необходимости и устраивают таким образом искусственный голод. Затем они говорят народу, что в голоде этом виновата революция»⁴.

¹ *Buche et Roux*, op. at., t. XXVI, p. 130—133.

² Сен-Жюст, например, в своей речи 29 ноября 1792 г. говорил: «Мне не нравятся насильственные законы о торговле. Требуется закон о съестных припасах! Положительный закон относительно этого никогда не будет разумным» («Oeuvres complètes de Saint-Just», изд. Vellay, t. I, p. 373—385).

³ В знаменитом докладе 8 вантоза Сен-Жюст прямо говорил, что «сила обстоятельств приводит нас к результатам, о которых мы ранее не думали» («Moniteur», t. XIX, p. 568).

¹ «Annales Revolutionnaires», 1914, p. 552.

² В этом смысле типична речь Барбару 8 декабря 1792 г. («Archives parlementaires», t. LIV, p. 671).

³ Не говоря уже о писаниях Марата и Эбера, подобная мысль очень сильно подчеркнута в речи Робеспьера 2 декабря 1792 г. («Archives parlementaires», t. LIV, p. 45—48). См. также доклад Колло д'Эрбуа 26 июля 1793 г.: («Archives parlementaires», t. LXIX, p. 550—551).

⁴ «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon» № II, p. 3.

В таком же смысле высказывается Леклер и в № X своей газеты. «Искусственный недостаток муки и продуктов питания заметен сейчас более, чем когда бы то ни было. Мерзавцы поклялись произвести контрреволюцию посредством голода, и нет таких средств, которых бы они не применяли, лишь бы утомить народ и вызвать общее недовольство».

Итак, объяснение дороговизны продуктов слишком большой эмиссией ассигнатов есть измышление аристократов и переживаемый Францией продовольственный кризис является чисто искусственным. Виновики его — контрреволюционеры, стремящиеся разочаровать народ в революции и этим способом перетянуть его на свою сторону. С этим мнением Леклера солидаризируется и Жак Ру. Наблюдающийся недостаток хлеба является, полагает он, результатом злонамеренной контрреволюционной пропаганды, а инициаторы ее суть те самые люди, «которые покрывали оскорблениями жителей этого энергичного города, в гибели которого они поклялись, которые провоцировали внешнюю войну, пытались оправдать тирана и постоянно стремились препятствовать осуществлению народной воли», т. е., короче говоря, жирондисты¹. Большую роль придавали «бешеные» и другому субъективному фактору — корыстолюбию производителей хлеба и хлеботорговцев, «спекулянтов» и «барышников».

В «Речи о причинах несчастий Французской республики» Жак Ру говорил:

«Роковой декрет, разрешивший тор-говлю звонкой монетой и приведший этим путем к обесценению ассигнатов, предоставил ростовщикам и контрреволюционерам возможность жиреть за счет народных бедствий. Крупные собственники, руководствуясь термометром своей жадности, по своему произволу закрывают и открывают продовольственные склады»².

Не меньшую роль, чем корыстолюбие землевладельцев, играет, по мнению Жака Ру, и спекуляция хлеботорговцев.

«Торговая аристократия, еще более ужасная, чем аристократия знати и сана, предается жестокой забаве грабить имущества частных лиц и богатства республики, и мы еще не знаем предела их лихоимства, ибо с утра до вечера цены на товары растут с ужасающей быстротой»¹. Жак Ру разбивает различные теории, выставляемые обыкновенно для объяснения продовольственного кризиса².

Теми же причинами объясняли голод и другие бедствия народа революционные республиканки в своем заявлении Конвенту 19 мая 1793 г.³ Из этих теоретических взглядов на причины продовольственного голода вытекала та тактика их борьбы с ним, которую читатель видел на всех трех этапах деятельности «бешеных».

Начиная с 1792 г. «бешеные» выдвигают борьбу со спекуляцией и ажиотажем на первое место своей практической программы, придают этому требованию основное значение, вокруг него сосредоточивают всю свою агитацию и пропаганду.

Жак Ру требовал решительной борьбы со спекуляцией еще в «Речи о средствах спасения Франции и свободы»: «Так как нельзя пользоваться всеми благами свободы в то время, когда приходится бороться с голодом, нуждой и тираническими законами; так как торговля не должна заключаться в действиях, вредных трем четвертям человечества, требуйте установления смертной казни в отношении спекулянтов съестными припасами и в отношении тех, кто, торгуя деньгами и выпуская монету по нарицательной цене, превышающей их действительную стоимость, дискредитируют наши ассигнаты, повышают цены товаров

¹ Речь в Конвенте 25 июня 1793 г. («Annales Revolutionnaires», 1914, p. 549).

² «Discours sur les causes des malheurs de la Republique, Francaise», p. 14.

³ La Societe des Jacobins», t. V, p. 199,

¹ «Le Publiciste de la Republique Francaise» № 250, p. 3—6.

² «Discours sur les causes des malheurs de la Republique Francaise», p. 14.

и быстрыми шагами приводят нас на край контрреволюции¹.

Аналогичную программу выставляет Жак Ру в своих речах о «Суде над Людовиком последним»² и «О причинах несчастий Французской республики»³. Выступая 25 июня 1793 г. в Конвенте, Жак Ру требовал установления конституцией смертной казни за спекуляцию и барышничество, призывал депутатов Национального конвента предать конституционной анафеме спекуляцию и ажиотаж и декретировать общий принцип, что торговля не состоит в том, чтобы разорять⁴, доводить до отчаяния и морить голодом граждан¹.

Такую же программу выставляет и Леклер в № II и XIV своего «Друга народа». Он требует заключения в тюрьму до окончания войны всех тех, кто накоплял продукты до издания закона 26—27 июля о барышничестве, и немедленной отправки на гильотину всех тех, кто совершил это после издания названного закона. Этого же требовали руководимые Клэр Лакомб и Полиной Леон революционные республиканки при выступлении 19 мая 1793 г. в Конвенте. В борьбе с голодом «бешеные» выставляли также ряд других требований; но они неоднократно претерпевали изменения, что, впрочем, соответствовало изменениям в требованиях плебейских масс.

Так, экономическая программа, выставленная Жаком Ру в «Речи о средствах спасения Франции и свободы», напоминающая те мероприятия, которые в аналогичных случаях принимались дореволюционным правительством, вполне соответствовала тому, о чем мечтали в это время плебейские массы:

«Требуйте строгих законов в отношении хлебной торговли, требуйте запрещения вывоза за пределы государства предметов первой необходимости. За-

¹ «Discours sur les moyens de sauver la France et la liberte», p. 36—37, 43.

² «Discours sur le jugement de Louis le dernier», p. 8.

³ «Discours sur les causes des malheurs de la Republique Franchise», p. 19.

⁴ «Annales Revolutionnaires», 1914, p. 549.

ставьте крупных землевладельцев продавать их урожай только на особо установленных в пределах их дистриктов рынках. Установите во всех городах и значительных поселениях общественные магазины, цены которых окажут заметное влияние. Если богатые фермеры будут вынуждены нести свои товары на общие склады и вся Франция обратится как бы в единое хранилище, золотой век сменит, наконец, век железный»¹.

Однако, как известно, продовольственная политика дореволюционного правительства далеко не ограничивалась еще созданием системы общественных магазинов и регламентации торговли; в случае необходимости оно не останавливалось в своей практике перед установлением твердых цен и реквизицией хлеба. Воспитанные на этой практике, плебейские массы по мере роста продовольственного кризиса требуют принятия и этих хорошо знакомых им мер борьбы с дороговизной. Эта эволюция целиком коснулась и Жака Ру. В своей речи 25 июня он делает значительный шаг вперед по сравнению с «Речью о средствах спасения Франции и свободы»:

«Неужели же собственность мошенника более священна, чем жизнь человека? Административные органы имеют в своем распоряжении войска, почему же бы им не обладать правом реквизиции съестных припасов? Законодатель имеет право объявлять войну, т. е. осуждать людей на смерть, как же ему могло бы не принадлежать право помешать угнетению и изнурению голодом тех, кто остался у домашнего очага? Свобода торговли есть право пользования и предоставления пользования, но отнюдь не право препятствовать пользоваться и тиранить. Все необходимые съестные припасы должны быть приведены к доступной для всех цене»².

Позднее, в июле — августе 1793 г., Жак Ру, не ограничиваясь требованием твердых цен и реквизи-

¹ «Discours sur les moyens de sauver la France et la liberte», p. 43—44.

² «Annales Revolutionnaires», 1914, p. 550.

ции, предлагает ряд дополнительных мер борьбы с экономическим кризисом: уничтожения привилегированных компаний и устранение, таким образом, посредников между производителями и потребителями зерна, организации специальных экспедиций для доставки в Париж закупленного муниципалитетом хлеба¹ и др.

В этих мерах видит избавление от кризиса и Теофиль Леклер:

«Разве Франция не имеет достаточно или, вернее, даже более того, что ей необходимо, зерна, дров, льна, конопля и шерсти, чтобы накормить, осветить, согреть и одеть всех своих многочисленных граждан? Ответ на этот вопрос должен быть дан безусловно положительный...»

Что же должны сделать законодатели при переживаемых трудных обстоятельствах? Таксировать все предметы первой необходимости по доступной для всех цене...»²

Хотя сводить причины кризиса к одной спекуляции нельзя, объективно «бешеные» были все же правы, когда требовали от правительства борьбы со спекуляцией и проведения закона о максимуме, ибо эти меры целиком вытекали из всей обстановки момента. То обстоятельство, что плебеи вкладывали в революционные требования буржуазии смысл, которого там не было, приводило к тому, что в экономической программе «бешеных» находили место требования, толкавшие революцию дальше того, чем ограничивала ее буржуазия. Именно такое значение имеют некоторые положения проекта Леклера о национализации торговли предметами первой необходимости. Сущность его заключается в следующем:

«Национальный конвент должен издать нижеследующий закон: Французская республика объявляется покупателем всего зерна, произрастающего на ее территории. Отныне никто не сможет продавать этот

предмет первой необходимости никому, кроме государства».

«Исполнение этого закона не является столь трудным, как это может показаться; возможно даже, что каждый департамент, каждый дистрикт, каждый муниципалитет смогут в силу декрета законодательной власти осуществить его в пределах своего округа. Части республики, производящие больше того, что необходимо для прокормления их жителей, будут снабжать те места, где своего произрастания не хватает. Излишки будут сохраняться в особых складах, устроенных в еще непроданных национальных домах.

Покупные цены будут фиксированы Национальным конвентом; государство же будет продавать продукты потребителям по доступным для всех ценам. *Неимущие будут получать продукты бесплатно. Государство обязано обеспечить им существование*; для того же чтобы не брать на себя слишком больших расходов, оно урежет из роскоши богатых средства для обеспечения жизненных потребностей бедняков» (курсив наш. — Я. 3.)¹.

В номере XXI «Друга народа» говорится о национализации уже всех продуктов первой необходимости, «с тем, однако, условием, что земледельцы должны получить за них справедливое вознаграждение, оплачивающее как произведенные ими расходы, так и затраченный ими труд»².

Проект Леклера не оригинален. О национализации торговли за четыре дня до выхода газеты Леклера Национальному конвенту говорил Леонар Бурдон³. Поэтому многое из того, о чем говорил в своей газете Леклер, через несколько месяцев было осуществлено якобинцами по системе так называемого второго максимума⁴. Требование бесплатного снабжения всех неимущих предметами первой необходимости на основе того принципа, что «государство обязано бес-

¹ «Le Publiciste de la Republique Francaise» № 260, p. 5; № 247, p. 8; № 254, p. 7; № 250, p. 7.

² «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon» № II, p. 4—7,

¹ «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon», № X, p. 4.

² «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon», № XI, p. 3.

³ См. А. Матвез, Борьба с дороговизной..., стр. 221—224,

⁴ См. там же, часть III.

печатить им существование», нашло отражение в ст. 21 якобинской Декларации прав, которая гласила, что «общество обязано давать средства к существованию бедняков, доставляя им работу или обеспечивая пропитание тех, кто не в состоянии работать».

Однако данная статья Декларации прав 1793 г., подобно ряду других статей как ее самой, так и вообще всех буржуазно-демократических конституций, представляла не более чем формальное обещание, не обеспеченное для своего осуществления никакими материальными гарантиями. Наоборот, проект Леклера о бесплатном снабжении продовольствием всех нуждающихся за счет богачей представляет как раз попытку, конечно еще очень незрелую, соответствующую уровню сознания тогдашних плебейских масс, подведения под ст. 21 Декларации прав определенной материальной базы, материальной гарантии ее осуществления. В этом и заключается принципиальное отличие предложения Леклера о национализации торговли от аналогичных предложений и мероприятий якобинцев.

В основе *социальных воззрений* «бешеных» в узком смысле этого слова, так же как и в основе социальной системы якобинцев, лежит принцип Руссо, что, заключая общественный договор, люди «жертвуют одной частью своей свободы ради сохранения другой», причем «первым чувством человека является чувство своего существования и его первой заботой — забота о самосохранении»¹. «Самым священным видом собственности, — говорит Варле в «Торжественной декларации прав», — тем видом ее, ссылаться на который имеет право каждый человек, является тот, который в достаточной степени обеспечивает за ним необходимейшие средства к существованию...»²

Леклер часто возвращается к излюбленной им мысли, что «все люди имеют равное право на продо-

вольствие и все произрастания земли, безусловно необходимые для обеспечения их существования... В момент, подобный настоящему, ни один смертный не имеет права хранить съестных припасов в количестве большем, нежели это необходимо для его собственного пропитания вплоть до ближайшего урожая»¹.

Исповедование этих принципов приводит «бешеных» к признанию недостаточности существующих во Французской республике формальных свобод и равенства. «Свобода лишь пустой призрак, — говорил Жак Ру 25 июня 1793 г. в речи на заседании Конвента, — когда один класс людей может безнаказанно морить голодом другой. Равенство лишь пустой призрак, когда благодаря монополии богатые имеют право жизни и смерти над своими ближними. Республика лишь пустой призрак, когда ежедневно торжествует контрреволюция, выражающаяся в высоких ценах на припасы, ставшие вследствие этого недоступными для трех четвертей граждан»².

Но каким же образом исправить зло и устранить только что отмеченные недостатки существующей организации общества?

Руссо полагал достаточным, чтобы государство предотвратило «крайнее неравенство богатств»³. Сен-Жюст, повторяя за ним, говорил: «Не надо ни бедных, ни богатых»⁴. Робеспьер в речи 5 апреля 1791 г. признавал необходимым для укрепления свободы «мягкими, недействительными средствами уменьшить существующее в настоящее время чрезвычайное неравенство имуществ»⁵.

По этому же пути шли и «бешеные». «Государство находится на краю гибели, — писал Леклер, — едва только в нем наряду с крайней нищетой появляется крайнее богатство»⁶. «Отличительными чер-

¹ «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon» № XII, p. 2—3.

² «Annales Revolutionnaires», 1914. p. 548.

³ J.-J. Rousseau, «Oeuvres», -1. IV, p. 237.

⁴ «Oeuvres de Saint-Just», t. II, p. 514.

⁵ «Archives parlementaires», t. XXIV, p. 563.

⁶ «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon» № X, p. 5,

¹ /.-/. Rousseau, Oeuvres complètes de Jean-Jacques Rousseau, 1839, t. IV, p. 172, 160 (далее — /.-/. Rousseau, Oeuvres).

² «Déclaration solennelle des droits de l'homme dans l'Etat social», art. 18, p. 18.

тами благотворительных установлений, — вторил ему Варле в своем «Проекте специального и императивного мандата», — является уничтожение нищенства и постепенное устранение неравенства богатств»¹.

Но эгалитаризм «бешеных» и представляемых ими плебейских масс отличался от эгалитаризма якобинской мелкой буржуазии. Если эгалитаризм якобинцев был преимущественно аграрным (характерными в этом отношении были вентозовские законы, касавшиеся одной только земельной собственности), то плебейские массы, не довольствуясь этим, требовали ограничения размеров не только земельной, но равным образом также торговой и промышленной собственности.

Характерным примером такого требования может служить петиция, представленная Национальному конвенту 2 сентября 1793 г. парижской секцией Санкюлотов, ранее называвшейся секцией Ботанического сада. В этой петиции наряду с требованием максимума цен, ограничения размеров поземельной собственности и т. д. требовалось еще:

«8. Чтобы был установлен максимум богатств.

9. Чтобы один и тот же человек мог владеть только одним таким максимумом...

11. Чтобы один человек мог иметь только одну мастерскую или одну лавку».

Петиция секции Ботанического сада не была случайным и изолированным явлением, выражавшим мнение одних только ее составителей. То, что высказанные в ней пожелания действительно отражали чаяния широких кругов плебейского населения Парижа, ясно видно из того упорства, с которым зимой 1793/94 г. по городу циркулировали слухи о предстоящем издании Конвентом декрета об установлении «максимума богатств». Так, в рапорте секретного

Наблюдателя Министерства внутренних Дел Rolin за 28 нивоза II года (17 января 1794 г.) говорится: «Пущен слух о том, что богатства будут ограничены максимумом в двести тысяч ливров». В рапорте за 10 плювиоза (29 января) тот же Rolin пишет: «Сильно опасаются сокращения богатств. Кто-то пустил слух, что в скором времени будет издан декрет об их ограничении максимумом в двести тысяч ливров». И, наконец, в рапорте за 17 плювиоза (5 февраля), другой секретный наблюдатель, Pourvoeur, отмечает, что «в группе, составленной из добрых республиканцев, говорили, что, не вводя аграрного закона, следовало бы все же установить максимум на все виды богатства. .. Справедливо, говорит народ, чтобы тот, у кого имеется излишек, поделился с другими»¹.

Таким желаниям плебейских масс вполне соответствовала² ст. 17 составленной Варле «Торжественной декларации прав». Она гласила:

«Во всех государствах неимущие составляют большинство, и так как их свобода, безопасность и их право на индивидуальное самосохранение составляют благо, предшествующее всем прочим, их естественнейшим желанием и насущнейшим правом является защитить себя от угнетения богатых, ограничив право покупки земель и уничтожив посредством справедливых мероприятий вопиющее неравенство богатств»².

Каковы же должны были быть те, по выражению Варле, «справедливые мероприятия», посредством которых «бешеные» надеялись достигнуть своих эгалитаристских идеалов?

Они нигде и никогда не предлагали отмены права частной собственности на средства производства, как такового. В этом смысле исключительно характерен Варле, который в том самом месте своего «Проекта

¹ «Archives parlementaires», t. LIV, p. 720.

² Bibl. Nat., Lb⁴⁰ 2140; G. Lefebvre, Questions agraires au temps de la terreur, 1932, p. 78; A. Soboul, Les papiers des sections parisiennes 1790 an IV («Annales Historiques de la Revolution Franchise», 1950, № 118, p. 98—100); A. Soboul, Problemes de travail en l'an II, p. 245—247; «Die Sansculotten von Paris» N° 31,

¹ P. Caron, Paris pendant la terreur, t. III, p. 19, 223, 345.

² «Declaration solennelle des droits de l'homme dans l'etat social», art. 17, p. 18. Интересно, что заключительные слова почти дословно совпадают с концовкой цитированной выше петиции Санкюлотов, где также говорится о необходимости уничтожения «слишком большого неравенства богатств» (G. Lefebvre, op. cit., p. 78).

специального и императивного мандата», где говорится о «постепенном изживании слишком большого неравенства богатств», торопится сразу же сделать примечание: «Говоря это, *мы не имеем в виду отмены крупных состояний*, нажитых посредством тонких расчетов или смелых предприятий...»¹ А Жак Ру эпиграфом к своей конвентской речи берет слова: «Народ, ради поддержки твоих прав я презираю опасность смерти, докажи же мне свою признательность *уважением к людям и к собственности*» (курсив наш. — Я. 3.)².

В «Торжественной декларации прав» Варле содержатся следующие пункты, касающиеся права собственности:

«Ст. 19. Ввиду неприкосновенности права собственности каждый собственник имеет право располагать по своему усмотрению своими имуществами, в чем бы они не заключались, а равно и доходами с них, лишь бы он при этом не причинял вреда обществу.

Ст. 21. Никто не может быть лишен своей собственности, разве лишь этого потребовали бы насущные, спешные и должным образом установленные общественные интересы, да и то лишь под условием справедливого и предварительного вознаграждения»³.

Из распространенных в XVIII в. двух систем социальных учений — эгалитарной и коммунистической — «бешеные» решительно стояли на стороне первой и высказывались не за обобществление средств производства, а лишь за *устранение социального неравенства при принципиальном сохранении права частной собственности*. Это еще раз доказывает правильность той мысли, что во Франции XVIII в. до Бабефа коммунистические теории влияния на трудящиеся массы не имели.

В качестве средства достижения социального равенства, кроме предложения Варле ограничить права

покупки земель (ст. 17 его «Декларации»), «бешеные» повторяли требования, широко распространенные в среде плебейских масс: установление прогрессивного подоходного налога с освобождением от него известного прожиточного минимума для малосостоятельных граждан¹, установление широкой системы благотворительности и того, что мы бы назвали теперь социальным обеспечением. Например, сошлемся на адрес к Национальному конвенту трех секций Сент-Антуанского предместья 4 июля 1793 г., в котором, исходя из того, что «только бедняки помогали вам до сих пор поддерживать революцию» и «пора, чтобы они начали пользоваться ее плодами», выдвигалось требование создания мастерских для безработных, больниц, приютов для больных и престарелых и т. д.² А в петиции Конвенту народного общества секции Лепелетье от 2 фримера для сокращения безработицы предлагалось запретить занятие должностей чиновников всем холостякам, имеющим доход свыше 2400 ливров в год³.

В соответствии с этими пожеланиями плебейских масс Варле в «Проекте специального и императивного мандата» требовал, чтобы «даже в самых незначительных городах были открыты учреждения для страдающего человечества»⁴. А в «Торжественной декларации прав» он утверждает, что право на поддержку общества в отношении больных и нетрудоспособных и право на помощь посредством предоставления работы и отношении трудоспособных составляют один из важнейших видов права собственности⁵.

И, конечно, нельзя не напомнить о той роли, которую они придавали в деле устранения социального неравенства просвещению и успехам разума.

¹ /. Varlet, Declaration solennelle des droits de l'homme dans l'etat social, art, 6, p. 12—13.

² Arch. Nat., C 261, pi. 573, p. 30; «Die Sansculotten von Paris» № 19.

³ «Die Sansculotten von Paris» № 53.

⁴ «Archives parlementaires», t. LIV, p. 721.

⁵ «Declaration solennelle des droits de l'homme dans l'etat social», art. 18, p. 18—19.

¹ «Archives parlementaires», t. LIV, p. 720.

² «Annales Revolutionnaires», 1914, p. 548.

³ J. Varlet, Declaration solennelle des droits de l'homme dans l'etat social, p. 18—19.

«Будем надеяться, — писал, например, Леклер, — что прогресс разума и успехи философии приведут к тому, что лет через пятьдесят наши потомки не поверят тому, что посреди общего благополучия могли быть люди, обреченные на голодную смерть»¹.

Таковы те меры, при помощи которых «бешеные» в отличие от якобинцев надеялись достигнуть своего социального идеала. Конечно, это придавало всей их социальной системе расплывчатый и неопределенный характер.

Но было бы неправильно полагать, что вся социальная программа «бешеных» ограничивалась одними только что перечисленными мероприятиями. Логика классовой борьбы заставила «бешеных» пойти значительно дальше того, что вытекало из их теоретических взглядов, и потребовать ни перед чем не останавливающейся борьбы с «новой» буржуазией².

Соображения, заставившие «бешеных» добиваться осуществления этих мероприятий, были наиболее четко изложены Жаком Ру в № 253 «Публициста Французской республики». Одобряя только что изданный Конвентом декрет 26—27 июля 1793 г. о борьбе со спекуляцией, Жак Ру затем говорит, что «можно было бы с большей энергией расправиться с пиявками народа. *Нужно было конфисковать в пользу*

республики огромные богатства эгоистов, которые в течение четырех лет накопили колоссальные суммы (курсив наш. — Я. 3.). Еще далеко не значит лишить спекулянтов права жиреть за счет народных бедствий, если им взамен предоставляются громадные суммы, захваченные ими с начала революции, а также национальные имущества и имущества эмигрантов... Этим самым... восстанавливают аристократию богатых, более страшную, чем скипетр королей...»

Нельзя недооценивать того, что «бешеные», высказываясь за конфискацию всех вообще имуществ, нажитых спекулятивным путем, тем самым намечали гораздо более эффективную и быстросействующую программу уравнилельных мероприятий, чем якобинцы. Более того, один из них, а именно Варле, предложил программу, уже выходящую за рамки эгалитаризма.

В «Проекте специального и императивного мандата» он говорил о необходимости «создать общину (une commune), всякий член которой должен получать лишь в меру того, что он ей дает» (курсив наш. — Я. 3.)¹. Конечно, это положение еще не дает нам права говорить о социализме Варле, ибо вслед за приведенной цитатой он доказывает необходимость сохранения права частной собственности. Все же несомненно, что эгалитаризм «бешеных» носит такой углубленный характер, при котором он непосредственно предшествует социализму. От эгалитаризма «бешеных» до социализма (разумеется утопического) оставался только один шаг, но шаг этот был сделан не ими, а Бабефом.

Еще больше отличались от воззрений представителей мелкой буржуазии *политические взгляды «бешеных»*. «Всякая классовая борьба есть борьба политическая», а поэтому та классовая борьба, которую плебейские массы Франции эпохи революции поочередно вели с дворянством, крупной и мелкой буржуазией, неизбежно должна была не только привлекать внимание этих масс к проблемам политического

¹ «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon» № XII, p. 3.

² Оценивая значение требования Жака Ру о конфискации нажитых спекулятивным путем богатств, С. Л. Сыгин в цитированной нами статье утверждает, что этим требованием Жак Ру «близко подошел» к выводу о необходимости уничтожения всякой буржуазной собственности вообще и тем самым «близко подошел к коммунистической идее» (С. Л. Сыгин, указ. статья, стр. 280—288). Согласиться с такой точкой зрения нельзя. Требование Жака Ру о конфискации нажитых спекулятивным путем богатств вытекало отнюдь не из сознания им необходимости ликвидации частной собственности на средства производства вообще, а лишь из стремления нанести этим путем удар особенно ненавистной плебейским массам «новой» буржуазии. Поэтому С. Л. Сыгин гораздо более прав, когда он в противоречие с приведенными выше положениями признает, что «до понимания необходимости замены частной собственности на орудия и средства производства общественной, коллективной собственностью... Жак Ру, бесспорно, не дошел» (указ. статья, стр. 272).

¹ «Archives parlementaires», t. LIV, p. 720.

порядка, но и накладывать своеобразный отпечаток на самое решение ими этих проблем.

В соответствии с этим политические воззрения якобинцев исходят из того места «Общественного договора» Руссо, где говорится, что нельзя собирать народ по всякому поводу, «чтобы разделить общую* волю, достаточно быть справедливым». Поэтому для больших государств избирательная система является наилучшей¹.

Так, например, главный теоретик якобинцев — Сен-Жюст в своей речи о конституции 24 апреля 1793 г. утверждал, что конституция Франции должна быть представительной, и предлагал рассматривать Национальное собрание как народное представительство, ничем не ограничивая при этом понятие представительства².

«Бешеные» же, представляя идеологию плебейских масс, в своем понимании народного суверенитета и принципа его неотчуждаемости последовательно и прямолинейно придерживались главным образом другого места главы XV третьей книги «Общественного договора» Руссо, где утверждается, что «депутаты народа не являются и не могут явиться его представителями; они только его уполномоченные и не могут ничего решить окончательно»³, и того места, где он критикует политический строй Англии:

«Представляемый народ не может быть свободным. .. Народ, не применяя столь широко титул твоего, представителя... твои должностные лица являются всего только твоими уполномоченными».

Именно исходя из этих положений во время выборов в Национальный конвент парижская секция Бонди 27 августа 1792 г. заявляла, что «суверенный народ не должен делегировать кому бы то ни было тех своих прав, осуществлять которые он легко может сам», а 1 сентября секция Пуассоньер утверждала, что «суверенный народ имеет право предписывать

своим уполномоченным линию, которой они должны придерживаться»⁴.

Прямым выводом из этого положения следовало требование, чтобы народ давал своим представителям обязательные для них указы, имел право отзывать своих уполномоченных, не выполняющих этих наказов. И действительно, в то время как якобинская конституция 1793 г. в ст. 43 устанавливала принцип парламентского иммунитета и даже не допускала мысли о возможности отзыва депутатов их избирателями, плебейские массы по этому вопросу стояли на прямо противоположной точке зрения. 25 августа 1792 г. секция Бон-Нувель, которая впоследствии поддержала петицию Жака Ру 25 июля 1793 г., пригласила все секции Парижа «напомнить своим делегатам (т. е. выборщикам в департаментском избирательном собрании.— Я. З.) о принадлежащем им неотъемлемом праве лишать своих избранных их мандатов и призывать их к выполнению данных им указаний»².

18 сентября секция Прав человека, т. е. секция Варле, заявила, что она оставляет за собой право отзывать депутатов, «которые при исполнении своих обязанностей дадут основание подозревать их в неблагонадежности (incivisme)»³. Этому примеру последовали и некоторые другие секции Парижа и под их непосредственным давлением парижское избирательное собрание в сентябре 1792 г. приняло предложение секции Рынка «провозгласить, что принцип неограниченности народного суверенитета допускает неотъемлемое право народа отзывать своих представителей каждый раз, когда он сочтет это согласным с его интересами»⁴.

Этого принципа плебейские массы Парижа придерживались и в дальнейшем. Так, в постановлении секции Четырех наций от 10 марта 1793 г. использо-

¹ A. Soboul, Aspects politiques de la démocratie sans-culottes en l'an II («La Pensée», 1957, № 71, p. 23—24). . .

² Там же, стр. 25—26.

³ Там же, стр. 26.

⁴ Там же, стр. 27.

¹ J.-J. Rousseau, Oeuvres, t. IV, p. 363—365, 230—231.

² «Archives parlementaires», t. LXIII, p. 204—205.

³ J.-J. Rousseau, Oeuvres, t. IV, p. 385.

вать которое пытался Карле, содержится требование об отзыве жирондистских депутатов, «нарушивших данные им мандаты своим голосованием о сохранении тирана и апелляции к народу»¹. Этот принцип послужил как бы юридическим оправданием для переворота 31 мая — 2 июня и в дальнейшем неоднократно торжественно провозглашался различными организациями не только Парижа, но и провинции. Например, 18 июня 1793 г. секции города Арраса потребовали удаления из Конвента пяти депутатов департамента Па-де-Калэ, потерявших их доверие². Осенью 1793 г. парижская секция Обсерватории сочла нужным еще раз напомнить, что «понятие народного суверенитета включает в себя право народа отзываться неверных депутатов и всех недостойных его доверия должностных лиц»³. В обращении секции Тампля к остальным 47 секциям и народным обществам Парижа от 8 плювиоза II года (27 января 1794 г.) утверждалось, что «самым священным правом свободного народа является право лишать своего доверия представителей, которых он не считает более достойными такового»⁴. Наконец, в обращении секции Борепера к Конвенту от 20 брюмера (10 ноября 1793 г.) говорилось, что право каждого народного общества на самоочищение, «если бы оно было признано на всем протяжении Республики, явилось бы завершением революции, укрепило бы победу республиканского духа и навсегда похоронило бы антинародную гидру»⁵.

Каково же было отношение якобинцев к этому плебейскому пониманию демократии? Пока им было выгодно, т. е. в период господства жирондистов, они молчаливо терпели провозглашение этих принципов, но после 31 мая — 2 июня они круто изменили свою позицию. На ходатайство арраских секций Конвент

¹ *A. Soboul, Aspects politiques...* («La Pensee», 1957, № 71, p. 28).

² Там же.

³ Там же.

⁴ «Die Sansculotten von Paris», № 60.

⁵ «Die Sansculotten von Paris», № 49.

реагировал простым молчанием¹. а после перехода к системе революционного порядка управления высказывания в духе положения о неограниченности народного суверенитета стали уже рассматриваться как контрреволюционные².

Отражением плебейского понимания народного суверенитета³ были *политические взгляды «бешеных»*. Это заметно уже у Леклера, вообще говоря, довольно мало интересующегося вопросами теории. «Прежде всего помни, — говорит, обращаясь к народу, Леклер, — что представляемый народ не является свободным, и поэтому не расточай слишком щедро титул представителей, которым ты всегда украшаешь начало твоих петиций. Воля не может быть представляема; те, кого ты выбрал, могут издавать законы, только согласные с твоей волей»⁴.

В аналогичном духе высказывался и Жак Ру. Как утверждается в постановлении революционного комитета секции Гравилье от 8 фримера, Жак Ру «всходил на трибуну лишь для того, чтобы говорить народу, что он суверен, что... собравшись в общее собрание, он имеет право делать все, что угодно, что его суверенитет установлен и что он имеет право судить всех своих уполномоченных»⁵.

Это утверждение, исходившее от открытых врагов Жака Ру, подтверждается его собственным высказыванием. В частности, в «Речи о суде над Людовиком

¹ «Moniteur», t. XVI, p. 689.

² «Народное толкование демократия, вполне соответствуя политическим интересам санкюлотов, было несовместимо с поведением и взглядами буржуазии, так как угрожало ее интересам и ее верховенству. В объективных условиях той эпохи это противоречие могло быть разрешено только подчинением парижских секций (*A. Soboul, Aspects politiques de la democratic sans-culottes en l'an II*, p. 34).

³ Подробнее см. *A. Soboul, Les sans-culottes parisiens, II partie*, chap. III—IV.

⁴ «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon» № XIII, p. 4. Чрезвычайно интересно, что это высказывание Леклера очень близко подходит к мысли, выраженной Бабефом еще летом 1790 г. См. *В. М. Далин, Новые документы об отношении Бабефа к Дантону* («Вопросы истории», 1959, № 4, стр. 158).

⁵ Arch., Nat., F¹ 4775³.

последним» Жак Ру говорил: «Так как осуществление суверенитета делегируется лишь в интересах того, кто его делегирует, нельзя потерпеть, чтобы глубоко развращенные законодатели... хоть на минуту забывали, что их долгом является справляться с волей народа, оставаться ему верным и привести его к спасению»¹.

Идеи, которые у Леклера и Жака Ру только намечены, находят дальнейшее развитие у Варле.

В «Проекте специального и императивного мандата представителям народа в Национальном конвенте», написанном осенью 1792 г., Варле прежде всего останавливается на доказательстве того, что избираемые в Конвент депутаты должны быть снабжены специальными мандатами, следование которым должно быть для них обязательным.

«В государстве, в котором народ является всем, первым актом его суверенитета является избрать депутатов, а вторым — определить их полномочия и мандаты... Не может быть депутатов без полномочий и мандатов — этот принцип обезопасит нас от тирании законодателей, этот принцип настолько важен, что он должен быть внесен в Декларацию прав человека и гражданина...»²

Варле призывает депутатов Национального конвента включить в Декларацию прав человека пункт, утверждающий, что народный суверенитет заключается в том естественном праве, которое имеют граждане, объединенные в собрания, избирать без всяких посредников всех без исключения должностных лиц, обсуждать свои интересы и определять мандаты депутатов, которых они избирают для издания законов³.

К категории политических требований «бешеных», частично отличных от требований якобинцев, должно быть отнесено и положение Жака Ру о необходимости изгнания из армии всех политически подозрительных

людей. В то время как якобинцы и те парижские «секции, которые находились под их влиянием, при проведении мобилизации пытались использовать таковую для отправки на фронт в первую очередь представителей умеренно настроенной «золотой молодежи», Жак Ру в «Речи о причинах несчастий Французской республики» писал: «Неужели вы будете настолько неразумными, что позволите богачам войти в состав наших республиканских фаланг? На что пригодится нам армия, составленная из эгоистов, предателей и клятвопреступников? Какую помощь могут оказать нам торговец, пригвожденный к своей конторке; банкир, который способен сражаться лишь пером; умеренный, протягивающий руку лишь к разврату? Какое доверие может внушать дворянин, вздыхающий по своим орденам...; священник, сожалеющий об алтаре? Не было ли бы верхом безумия поместить тигров рядом с ягнятами и предоставить друзьям королей составлять заговоры среди легионов свободных людей?.. Если славнейшим из всех титулов является звание защитника отечества, можно ли предоставить честь сражаться под его знаменами лицемерам и убийцам; трусам, боящимся своей тени и верящим в привидения; одним словом, всей нечистой своре пожирателей людей?»¹

Подведем некоторые итоги. Исходя, подобно якобинцам, из теории Руссо о народном суверенитете, «бешеные», так же как и представляемые ими плебейские массы, избегают столь характерного для их учителя и его ортодоксальных учеников — якобинцев — противоречия между далеко идущими теоретическими посылками и весьма скромными практическими выводами. Это достигается ими путем прямой принятии всех логически вытекающих из теории неотчуждаемости народного суверенитета выводов. Следствием этого, как правильно отмечает А. Собуль, и явился «политический идеал санкюлотов, составлявший нечто вроде прямой демократии,

¹ «Discours sur le jugement de Louis le dernier», p. 5—6.

² «Archives parlementaires», t. LIV, p. 719.

³ Там же, стр. 721.

¹ «Discours sur les causes des malheurs de la Republique Francaise», p. 20.

совершенно отличной от либерального понимания демократии буржуазией»¹.

Другим моментом наряду с указанными выше, в котором политические взгляды «бешеных» резко отличались от взглядов якобинцев, был так называемый «женский вопрос». Известно, что якобинцы, не исключая даже и самых левых, были решительными противниками женского равноправия. Так, например, член Комитета общей безопасности Амар в докладе Конвенту 9 брюмера II года Республики безапелляционно провозглашал, что «женщина не должна выходить из пределов своей семьи и вмешиваться в вопросы управления»². Еще дальше заходил в этом отношении Шометт, когда, выступая в Парижской коммуне 27 брюмера того же года, с пафосом восклицал: «Ужасно и противно всем законам природы, когда женщина хочет превратиться в мужчину... С каких пор считается приличным, что женщины покидают священные заботы своего хозяйства и колыхают своих детей, чтобы являться в общественные места, подниматься на ораторскую трибуну и подходить к решетке Сената»³, т.е. Конвента.

Совершенно иначе смотрели на вопрос о женском равноправии «бешеные». В речи, произнесенной делегацией женщин секции Прав человека в руководимом Клер Лакамб и Полиной Леон клубе революционных республиканок мы читаем:

«Вы (члены клуба революционных республиканок) порвали одно из звеньев цепи предрассудков, а именно то, которое, заключая женщин в узкую сферу их

¹ A. Soboul, *Classes et lutte des classes sous la Revolution Francaise* («La Pensee», 1954, N 53, p. 53—56).

² «Archives parlementaires», t. LXXVIII, p. 49—51. Как известно, одним из поводов преследований, начатых якобинцами поздней осенью 1793 г. против так называемых «секционных народных обществ», явилось участие в их работе женщин, что якобы противоречило декрету о запрещении чисто женских обществ, принятому Конвентом по докладу Амара (A. Soboul, *La societe fraternelle du Pantheon-Francais*, «Annales Historiques de la Revolution Francaise», 1957, № 146, p. 50—51); A. Собыль. Народные общества и парижские рекции в 1793—1794 гг., стр.23,

³ «Moniteur», t. XVIII, p. 450.

хозяйств, тем самым превращало половину человеческого рода в пассивные и изолированные существа... Почему женщины, наделенные способностью чувствовать и выражать свои мысли, должны примириться с их устранением от политических дел? Ведь Декларация прав одинакова для обоих полов...»¹

Есть все основания полагать, что на этой точке зрения стояли и другие «бешеные», в частности Варле, который был одним из виднейших руководителей той самой секции Прав человека, от имени женщин которой выступала делегация в клубе революционных республиканок. При обыске в сентябре 1793 г. среди бумаг Варле был найден экземпляр брошюры с текстом только что рассмотренного нами выступления в клубе революционных республиканок². Это дает право предполагать, что выступление гражданок секции Прав человека с требованием женского равноправия в большей или меньшей степени отражало взгляды и самого Варле. А о мнении Жака Ру на этот счет мы узнаем из его письма к Пти от 23 августа 1793 г.: «Наша победа будет обеспечена, если женщины войдут в среду санкюлотов»³.

Конечно, поддерживавшееся «бешеными» требование женского равноправия выставлялось во время Французской революции не впервые. В частности, такое требование фигурировало и в программе «Федерации друзей истины», созданной в начале революции при Cercle social⁴. Однако состав этой организации был в своем огромном большинстве буржуазным, а уже известное нам отношение якобинцев к женскому вопросу показывает, что к 1793 г. революционная буржуазия стала открытой противницей идеи женского равноправия. С другой стороны, нет надобности доказывать, что в социально-экономических условиях Франции XVIII в. не было и не могло быть

¹ «Discours prononce a la societe des citoyennes republicaines revolutionnaires par les citoyennes de la Section des Droits de l'Homme» (Bibl. Nat., Lb⁴⁰ 2411).

² «19 Septembre 1793, Copie des proces-verbaux d'apposition et de levee scelles chez le c Varlet» (Archives Nat., F⁷ 4775⁴⁰).

³ Arch. Nat., W²⁰.

⁴ См. В. С. Алексеев-Попов, Социальный кружок...

предпосылок для существования женского равноправия в том смысле, в каком мы сейчас понимаем этот термин. Не было их также и для существования той «прямой демократии», о которой мечтали «бешеные». Более того, в условиях обостренной внешней и гражданской войны осуществление такой «прямой демократии», прямо противоречащей идее революционной диктатуры, могло нанести революции непоправимый удар, обезоружив ее перед лицом вооруженного до зубов врага. Но при всем том идея «прямой демократии», не только утопическая, но и прямо враждебная интересам революции в условиях того времени, при перенесении ее в будущее, на время после победы революции, получала совершенно иное, глубоко прогрессивное звучание.

До 4—5 сентября 1793 г. «бешеные» являлись убежденными сторонниками революционной диктатуры и выдвинули лозунги, для краткости объединяемые нами в термине «прямая демократия», именно как средство борьбы с жирондистами и другими контрреволюционерами. Вот почему, подводя итог, следует сказать, что, подобно социальным взглядам, политические взгляды «бешеных», утопические для того времени, с точки зрения будущего оказывались более прогрессивными, чем взгляды якобинцев, и вполне соответствовали исторической роли представляемых «бешеными» плебейских масс. Такой же прогрессивной была их роль в ходе самой революции, ибо они заставляли якобинцев проводить в жизнь то, чего те не сделали бы без борьбы «бешеных».

Заканчивая рассмотрение взглядов «бешеных», необходимо подчеркнуть, что, поскольку «бешеные» твердо и решительно стояли на точке зрения сохранения права частной собственности на средства производства, взгляды их ни в коем случае нельзя определять как социалистические или говорить о наличии у них какого-то «коммунизма потребления»¹. Проект национализации торговли Леклера и принцип Варле — «каждому по его труду» — предполагают

индивидуальное, а отнюдь не обобщественное потребление.

Вместе с тем нельзя впадать в другую крайность и утверждать, что воззрения «бешеных» ничем не отличаются от взглядов якобинцев. Действительно, значительная часть их взглядов во многом близка взглядам якобинцев. Объясняется это тем, что не успевшие еще экономически отделиться от мелкой буржуазии плебейские массы Франции конца XVIII в. тем более не успели отделиться от нее идеологически. Но в воззрениях «бешеных», так же как и во взглядах представляемых ими плебейских масс, легко определяется ряд отличительных моментов, которые не только не могут быть сведены ко взглядам якобинцев, но, напротив того, составляют значительный шаг вперед в направлении такого углубления понятия демократии, при котором оно уже близко подходит социализму. И если сами «бешеные» так и не смогли перешагнуть через грань, отделявшую эгалитаризм от социализма, то это было сделано непосредственным продолжателем их дела — Бабефом.

Выступление «бешеных» выражало столкновение интересов самых широких низов городского и сельского населения не только с феодальной реакцией, но и с буржуазией. Оно было провозвестником борьбы между основными классами нового капиталистического общества, борьбы между буржуазией, которая уже утверждала свое господство, и пролетариатом, который еще только зарождался.

Однако следует подчеркнуть, что историю плебейского движения во время Великой французской революции вообще и «бешеных» в частности нельзя рассматривать как движение пролетарское. Невозможность существования такого движения во Франции конца XVIII в. вытекала из того, говорил Энгельс, что «...пролетариат, еще не выделившийся из общей массы неимущих людей, составлял в то время лишь зародыш будущего класса и не был способен к самостоятельному политическому действию»¹.

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, (К- Маркс и Ф, Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 260-261).

¹ См, П, А, Кроткин, французская революция, .стр. 486,

Изучение характера выступлений и роли городской бедноты на (различных этапах развития революции, проведенное за последние десятилетия советскими и прогрессивными зарубежными историками, полностью подтверждает правильность приведенного высказывания Ф. Энгельса.

Слабость организации

Для осуществления идей и практических предложений «бешеных», которые шли дальше якобинцев, не пришло еще время, не созрели условия — не было того класса, который бы мог противостоять буржуазии. Якобинцы же выражали интересы и осуществляли волю класса вполне сложившегося, созревшего для того, чтобы установить свое господство, возглавить государство на том историческом этапе.

Буржуазия и якобинцы, против которых выступали плебейские массы и «бешеные», были лучше организованы.

Что из себя представляла якобинская диктатура, атакуемая «бешеными»?

Это была система революционной диктатуры, которая позволила якобинцам «...стереть сразу, как по волшебству, все феодальные (руины с лица Франции»¹ и привести к победе революцию, которая «..недаром называется великой. Для своего класса, для которого она работала, для буржуазии, она сделала так много, что весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции»².

Однако буржуазная ограниченность как объективных задач Французской революции, так и самих якобинцев, неминуемо придавала двойственный характер применению того могучего оружия, которое плебейские массы вложили в руки якобинцев. Этот двойственный характер якобинской диктатуры был с необычайной четкостью отмечен К.Марксом в письме

к Ф. Энгельсу от 30 января 1865 г., в котором он писал: «Весьма характерно для Робеспьера, что в то время, когда «конституционность» в духе Собрания 1789 считалась преступлением, достойным гильотины, все-законы этого собрания *против* рабочих продолжали сохранять свою силу»¹.

Двойственный характер якобинской диктатуры нашёл свое яркое выражение уже в самой структуре как центральных, так и местных органов, действовавших при системе революционного порядка управления Францией. Отклоненное Конвентом 1 августа 1793 г. предложение Дантона о превращении Комитета общественного спасения в правительство², 10 октября было реализовано. Важнейшие функции власти сосредоточивались в центре в руках Национального конвента и его «правительственных» комитетов (Общественного спасения и Общей безопасности), на местах — в руках революционных комитетов секций и коммун и «очищенных» муниципалитетов («чистка» их поручалась «народным обществам», т. е. филиалам якобинского клуба). Связующим звеном между центральными и местными органами служили сначала конвентские комиссары, а после того, как конвентские комиссары стали постепенно отзываться, «национальные агенты» дискритов и коммун³. Каков же был классовый состав всех этих органов якобинской диктатуры?

Хорошо известно, что в составе центрального органа якобинской диктатуры — Национального конвента — имелось только два представителя плебейских масс — Ноэль Пуант и Армонвиль, причем ни тот, ни другой никогда не входили в состав правительственных комитетов. По признанию Матьеза, склонного к идеализации якобинцев, «даже в самый разгар террора самые якобинские на вид муниципалитеты были в руках собственников», причем «состав городских муниципалитетов обыкновенно был более

¹ К. Маркс, Морализирующая критика и критицирующая мораль (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 299).

² В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 342.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 234.

² «Archives parlementaires», t. LXX, p. 104—105.

³ Buchez et Roux, op. cit., t. XXX, p. 256—263.

буржуазным...»¹ В Париже в составе «эбертистской» Коммуны на несколько десятков интеллигентов, 39 мелких торговцев и 32 владельца мелких ремесленных мастерских, большей частью эксплуатировавших чужой труд, приходился только один наемный рабочий — столяр Массе, да и тот из разорившихся хозяйчиков!²

Довольно скудны данные, имеющиеся у нас и по вопросу о классовом составе «народных обществ». Современному американскому буржуазному историку Крэн Бринтону, специально изучавшему этот вопрос, удалось собрать данные, определяющие в процентах социальное положение членов 42 провинциальных клубов, главным образом городских (без Парижа)³.

Суммируя эти данные, мы получаем следующую картину:

Социальное положение	Проценты
Люди интеллигентных профессий	14
Крупные торговцы и предприниматели	8
Мелкие торговцы и промышленники	17
Крестьяне	10
Ремесленники	28
Военные и гражданские служащие	9
Прочие	14
Итого	100

Однако, расшифровывая эту таблицу, следует иметь в виду, что в группу «ремесленников» («artisans») Бринтон включает не только подмастерьев и наемных рабочих, но равным образом и владельцев мастерских, так что значительная часть соответ-

¹ А. Матъез, Борьба с дороговизной..., стр. 439.

² Paul Sainte-Claire Deville, La Commune de l'an II, Paris, 1946, p. 99—100.

³ Crane Brinton, The Membership of the Jacobin Clubs («The American Historical Review», vol. XXXIV, July 1929, p. 740—741).

ствующей цифры — 28 процентов — должна быть отнесена на долю представителей не плебейских масс, а мелкой буржуазии. И то, что часть эта должна быть немалой, видно из исследований современного английского прогрессивного историка Ричарда Кобба, по словам которого, «в то самое время, когда большинство народных обществ составляли ремесленники, лавочники и мелкие торговцы, в них почти никогда не допускались настоящие рабочие. Очень редки случаи, когда в составе народных обществ мы находим наемных рабочих»¹. Не представлял в этом отношении исключения и Париж. Хотя о составе парижских народных обществ сведений почти не сохранилось², однако известно, что, например, из 280 членов «народного и республиканского общества Единства», заседавшего в секции Марата, в январе 1794 г. там было не более 15 рабочих³.

Примерно такую же картину дает и анализ классового состава парижской «революционной армии», созданной на основании декрета 5 сентября под давлением плебейских масс. Реакционный буржуазный историк Hadengue изображает «революционную армию» как собрание бандитов и убийц⁴, троцкист Герэн видит в ней чуть ли не зародыш органа пролетарской диктатуры⁵, но Ричард Кобб устанавливает, что среди 44 офицеров штаба парижской «революционной армии» имелось: профессиональных военных — 20, лиц интеллигентных профессий — 8, мелких торговцев — 8, ремесленников и рабочих — 4, прочих — 4. Остальные 82 офицера армии распределяются следующим образом: профессиональных

¹ R. Cobb, Les debuts de la dechristiansation a Dieppe («Annates Historiques de la Revolution Francaise», 1956, N 143, p. 199).

² G. Rude, Les ouvriers parisiens dans la Revolution Francaise, p. 128.

³ G. Rude, Les ouvriers parisiens dans la Revolution Francaise, p. 128; см. также А. Собуль, Народные общества и парижские секции в 1793—1794 гг. («Новая и новейшая история», 1958, №4, стр. 34—36).

⁴ Hadengue, Les gardes rouges de l'an II, Paris, 1930.

⁵ D. Guerin, op. cit, t. 1, p. 189—191.

военных — 38, лиц интеллигентных профессий — 7, крупных торговцев и предпринимателей — 1, мелких торговцев — 5, ремесленников и рабочих — 10, деклассированных элементов (разорившихся торговцев, потерявших работу слуг аристократов и т. д.) — 16, прочих — 5¹.

Солдаты «революционной армии», по словам Р. Кобба, «были составлены скорее из ремесленников и мелких торговцев, чем из наемных рабочих»².

Еще более важное значение для всего населения Франции, и в частности для плебейских масс, имели так называемые революционные комитеты. На основании закона 17 сентября им поручался арест «подозрительных» и, что особенно важно, в их руках находилось все дело выдачи свидетельств о гражданстве, без которых нельзя было ни устроиться на работу, ни получить жалование или пенсию. Как же были организованы революционные комитеты и из кого они состояли?

Революционные комитеты (первоначально они назывались «наблюдательными») были учреждены законом 21 марта 1793 г.³ в каждой коммуне или секции коммуны Республики и должны были состоять из двенадцати человек, избравшихся гражданами соответствующей коммуны или секции. По закону в функции наблюдательных комитетов входил только надзор за иностранцами, но затем права их постепенно расширялись, а закон 17 сентября превратил их в основной низовой орган всей политической полиции Республики, поручив им арест «подозрительных» (в этом они подчинялись непосредственно Комитету общей безопасности Конвента). Одновременно вышестоящие органы получили право смещения и замены членов революционных комитетов и последние из выборных представителей народа превратились в чи-

новников, в значительной степени потерявших свою прежнюю связь с массами. Парижская коммуна широко использовала свое право отказывать в утверждении избранных секциями кандидатов в члены революционных комитетов. Так, например, 4 октября ни один представленный кандидат утверждения не получил¹.

Классовый состав членов революционных комитетов определялся прежде всего тем, что ими могли быть только лица, умеющие читать и писать, а это в условиях того времени уже само по себе лишало значительную часть представителей плебейских масс возможности стать членами революционных комитетов, особенно в деревне. John Black Sirich приводит довольно любопытный документ, который весьма красочно рассказывает, что «все крестьяне безграмотны, а если среди них встречается один грамотный, то это заставляет усомниться в его благонадежности»². В деревнях в состав революционных комитетов входили большей частью редкие представители местной интеллигенции и полуграмотные кулаки, а в городах — мелкие торговцы, служащие, владельцы ремесленных заведений и т. п.³ Не лучшим было положение и в Париже. А. Соболю, специально пересмотревшему с этой целью карты Национального архива с F⁷ 4577 по F⁷ 4775⁵³, удалось выяснить социальное положение 454 членов революционных комитетов Парижских секций. Оказалось, что 20 человек, или 4,5 процента, жили на доходы со своего имущества, 63 человека (12,9 процента) принадлежали к лицам свободных профессий, 6 человек (1,3 процента) являлись мелкими лавочниками или ремесленниками, 22 человека (4,8 процента) — служащими и 23 человека (4,9 процента) являлись прислугой. Что касается представителей плебейских масс, то к ним могут быть отнесены лишь 22 чело-

¹ R. Cobb, Die soziale und politische Zusammensetzung der Pariser Revolutionsarmee («Jakobiner und Sansculotten», Berlin, 1956, S. 145—146).

² R. Cobb, Les armées révolutionnaires des départements du Midi, Toulouse, 1955, p. 2.

³ Buchez et Roux, op. cit., t. XXV, p. 135—137.

¹ L. Jacob, Les suspects pendant la Révolution, 1793—1794, Paris, 1952, p. 84.

² John Black Sirich, The Revolutionary Committees in the Departments of France, 1793—1794, Cambridge (USA), 1943, p. 61.

³ Там же, стр. 58—61.

века (4,8 процента), причем в их число входили как наемные рабочие, так и ремесленные подмастерья и ученики¹.

Мелкобуржуазные, а иногда даже и среднебуржуазные по составу органы якобинской диктатуры, не за страх, а за совесть борющиеся с феодальной контрреволюцией, сплошь и рядом отказывались пользоваться предоставленными им огромными полномочиями против представителей крупной буржуазии. Широкие возможности для такого поведения открывал закон 30 сентября 1793 г., согласно которому при рассмотрении в суде дел о спекуляции, присяжными могли быть только лица, «знакомые с ведением торговли», т. е. сами же торговцы².

Вот почему, несмотря на существование грозного закона 26—27 июля 1793 г., согласно исследованиям Дональда Грира, из общего числа 14 497 человек, казненных во Франции за время террора, по приговорам суда, только 61 человек были казнены за спекуляцию³. В Париже из рассмотренных 43 дел о спекуляции 30 закончились оправданием; к смерти было приговорено только 8 человек⁴. Вполне понятно, что закон 30 сентября вызвал негодование плебейских масс и уже в октябре 1793 г. 36 парижских секций обратились к Конвенту с петицией, в которой требовали, чтобы присяжными при рассмотрении дел о спекуляции могли быть только лица, «не принадлежащие к классу торговцев, банкиров, спекулянтов и даже богатых»⁵.

¹ *A. Soboul*, *Apropos de la Revolution Francaise* (в коллективной статье «Du feodalisme au capitalisme», «La Pensee», 1956, N 65, p. 28). Подробнее см. *А. Собуль*, *Революционные комитеты парижских секций* («Французский ежегодник 1958», М., 1959, стр. 157—163).

² «Moniteur», t. XVIII, p. 15.

³ *Donald Greer*, *The Incidence of the Terror during the French Revolution. A Statistical Interpretation*, Cambridge (USA), 1935, p. 81—82.

⁴ *H. Calvet*, *L'accaparement a Paris sous la terreur*, P., 1932, p. 36.

⁵ Arch. Nat., D III, 255—256¹, d. 1, p. 18. См. «Die Sansculotten von Paris», № 40.

Но если к буржуазным элементам органы якобинской власти относились весьма снисходительно, то в отношении плебейских масс они не были так великодушны. В частности, революционные комитеты часто пользовались законом о подозрительных для ареста людей из простонародья, виновных лишь в случайных неодобрительных отзывах об отдельных правительственных мероприятиях или тех или иных местных якобинских функционерах¹. Не случайно 1 октября 1793 г. несколько парижских секций, и в том числе таких плебейских, как секция Музея, выступили перед Конвентом с протестом против ареста в качестве «подозрительных» ряда патриотов. Конвент передал этот протест в Комитет общей безопасности, но тот, по меткому выражению Луи Жакоба, «притворился мертвым»².

Террор робеспьеристов против их противников слева объясняется очень просто: они «...осуществляли в римском костюме и с римскими фразами на устах задачу своего времени — освобождение от оков и установление современного буржуазного общества»³, и не более.

Что же противопоставили революционной организации буржуазии — якобинской диктатуре — плебейские массы и их защитники — «бешеные»?

Читатель видел, что всех представителей парижских «бешеных» объединяло в одну группу единство их классовой сущности, единство их воззрений и программы, единство их тактики. И не случайно громадное большинство историков Французской революции и современники⁴ рассматривали названных лиц как представителей единой группы.

Но «бешеные» не имели своей собственной революционной организации. Они вели свою борьбу сначала с жирондистами, а затем и с якобинцами почти

¹ *Sirich*, op. cit., P. 50.

² *L. Jacob*, op. cit., p. 104.

³ *К. Маркс*, Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта (*К-Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. 8, стр. 120).

⁴ См. например, прения на заседании якобинского клуба 16 сентября 1793 г. (*A. Aulard*, *La Societe des Jacobins*, Paris, 1889—1897, t. V, p. 406—409).

через все массовые организации революционного Парижа 1793 г.: 1) общие собрания некоторых из парижских секций, 2) создавшуюся осенью 1792 г. особую организацию под названием «объединенных защитников 83 департаментов», 3) так называемое электоральное собрание, т. е. собрание парижских выборщиков 1792 г., 4) проводимые время от времени по различным поводам собрания представителей парижских секций; в частности, именно такое собрание, заседавшее в Епископстве, сыграло огромную роль в подготовке восстания 31 мая — 2 июня 1793 г., 5) клуб революционных республиканок, 6) клуб кордельеров, 7) так называемые секционные народные общества. Уже одно только перечисление этих организаций показывает, какой исключительно широкий, а в силу этого и неизбежно разбросанный характер носила вся массовая деятельность парижских «бешеных». С другой стороны, выступая во всех этих организациях, «бешеные» не имели ни одной, которая бы принадлежала им целиком и именно поэтому якобинцам удалось так легко с ними расправиться.

Но обвинять их в отсутствии единой организации не приходится. История рабочего движения во всех без исключения странах показывает, что только сложившийся класс способен вложить свою классовую борьбу в более или менее законченные организационные формы, что на первых этапах своего существования рабочий класс нигде не создавал каких бы то ни было собственных организаций, действительно могущих претендовать на это название. Ознакомление с историей «бешеных» целиком оправдывает это положение.

Но, может быть, не имея собственных массовых организаций, парижские «бешеные», выступая через чужие организации, представляли, по крайней мере в своем центре, немногочисленную, но твердую и компактную группу вроде той, какую несколько лет спустя создал Бабеф? Нет! Не было даже и этого¹;

массы и вожди «бешеных» выступали почти всегда независимо друг от друга и каждый сам по себе. Более того, бывали даже случаи, когда вожди «бешеных» выступали один против другого. Так, например, когда в марте 1793 г. Варле пытался организовать восстание против жирондистов, Жак Ру не только не поддержал его, но, выступая в Коммуне 10 марта, потребовал даже его ареста¹. Случай этот составлял, конечно, исключение, обычно вожди «бешеных» действовали в одном направлении, хотя и независимо друг от друга.

Ни один источник не указывает нам на существование каких бы то ни было личных контактов между вождями «бешеных» — Лакомб и Жаком Ру, Леклером и Варле или Варле и Жаком Ру. Лишь между Леклером и Клэр Лакомб существовали более близкие отношения². Правда, не исключается возможность знакомства между Клэр Лакомб и Варле, поскольку при аресте Варле в сентябре 1793 г. в его бумагах был найден текст обращения женщин секции Прав человека (т. е. секции Варле) к клубу революционных республиканок³. Но предположение это весьма гипотетично. Если Варле и Леклер принимали участие в редактировании той петиции Жака Ру к Национальному конвенту, которая была представлена им 25 июня 1793 г. от имени клуба кордельеров и секций Гравилье и Бон-Нуviel⁴, то это было сделано лишь по поручению клуба и поэтому отнюдь не устанавливает существования каких бы то ни было личных отношений между ними. Что же касается отношений между Жаком Ру и Леклером, то последний в № IX своей газеты категорически отрицал факт их совместной деятельности⁵, а в № XXI прямо заявлял:

¹ *Buche et Roux*, op. cit., t. XXV, p. 62.

² См. ДОНОС La Moce, u Herouart против К. Лакомб (Arch. Nat., F⁷ 4756).

³ (Arch. Nat., F⁷ 4775«).

⁴ «Correspondance politique» du 24 juin 1793; *A. Мамьез*, Борьба с дороговизной..., стр. 164.

⁵ «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon» № IX, p. 7—8,

«Я не имею здесь намерения бросать какую бы то ни было тень на только что названного мной гражданина. .. Однако я должен громогласно заявить, что я никогда не имел с Жаком Ру каких бы то ни было отношений, ни прямых, ни косвенных. Начиная с 1 июня я видел этого гражданина не более двух раз по часу, случайно встретившись с ним в одном доме, где я бываю часто, а он — иногда»¹.

Приходится признать, что не было единой организации парижской группы «бешеных».

Мало известно об организации сторонников «бешеных» и по секциям.

Больше всего знаем мы о труппе сторонников Жака Ру в секции Гравилье. Постановление революционного комитета этой секции от 7 фримера II года Республики (27 ноября 1793 г.), принятое в связи с борьбой, разгоревшейся между сторонниками Жака Ру и обществом улицы Вербуа, констатирует, что «царящий в секции раздор... вызван партией, давно уже созданной Жаком Ру»². Оно слишком неопределенно, чтобы на его основании можно было установить конкретное время оформления созданной Жаком Ру «партии». Тот факт, что еще в январе 1793 г. Жак Ру в доме своего хорошего знакомого весьма дружелюбно встречался с одним из своих яростных будущих противников — Fleury³, позволяет предполагать, что формирование двух враждебных группировок в секции Гравилье вряд ли может быть отнесено ко времени, предшествующему февралю 1793 г. С другой стороны, допрос вдовы Пти в революционном комитете секции Гравилье 7 июля⁴ дает основания считать, что к этому времени образование «партии» было уже совершившимся фактом. Возможно, что решающую роль при

этом сыграло поведение Жака Ру во время событий 25—26 февраля 1793 г., вызвавшее против него столь сильное озлобление со стороны всех собственнических кругов Парижа.

Значительно легче ответить на другой вопрос — о персональном составе «партии» Ж. Ру в секции Гравилье. В частности, в распоряжении историков имеется источник, позволивший установить фамилии виднейших сторонников Жака Ру, определить их социальное-политический облик и даже частично выяснить характер их отношений с главой «группы».

Происхождение этого источника таково. В начале фримера II года Республики, т. е. в конце ноября 1793 г., революционный комитет секции Гравилье, оказавшийся к этому времени полностью в руках противников Жака Ру (сам он был уже в заключении), недовольный влиянием в секции «партии, давно уже созданной Жаком Ру», постановил виднейших представителей этой «партии» арестовать как «подозрительных»¹. Перед их отправкой в тюрьму были допрошены как сами арестованные, так и некоторые свидетели. Текст этого допроса сохранился в следственном деле Жака Ру, ныне находящемся в так называемой алфавитной серии F⁷ Национального архива². В этой же серии хранятся личные следственные дела самих арестованных; они также позволяют историку составить себе некоторое представление о характере «жакрутистской»³ партии.

Первый и основной вывод, к которому приходишь после знакомства с названными документами, заклю-

¹ «Section des Gravilliers. Comite de surveillance. Le septidi frimaire de l'an second de la Republique Francaise une et indivisible» (Arch. Nat., F⁷ 4775³). Большая часть арестованных была освобождена вскоре после 9 термидора, но некоторые из них пробыли в тюрьме до III года Республики.

² Arch. Nat., F⁷ 4775³, dossier Jacques Roux.

³ Выражение «jacqueroutiste» встречается в протоколе революционного комитета секции Гравилье 7 фримера (Arch. Nat., F⁷ 4775³). В Arch. Nat., F⁷ 4736, dossier Guillard, ему по смыслу соответствует выражение «Jacqueroutin».

¹ «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon» № XXI, p. 2.

² «Section des Gravilliers. Comite de surveillance. Le septidi frimaire l'an second» (Arch. Nat., F⁷ 4775³, dossier Jacques Roux).

³ Arch. Nat., F⁷ 4708, dossier Fleury u Arch. Nat., F⁷ 4432, pl. 6, p. 1; *W. Markov*, Robespierriisten und Jacqueroutins, S. 203—204.

⁴ Arch. Nat., W²⁰.

чается в том, что в секции Гравилье (равно как и в любом другом месте) не только не было никакой «жакрутистской партии», но не было даже и более или менее организационно оформленной группы сторонников «Красного священника». Единственно, что удалось установить следственным органам, это то, что в секции Гравилье имелось известное количество людей, сочувствовавших взглядам и деятельности Жака Ру, причем некоторая их часть была связана как с ним самим, так и друг с другом. Кто эти люди?

На первое место среди них по степени его близости к Жаку Ру должен быть бесспорно поставлен Nicolas Natte, 48 лет, отец двух детей, неграмотный, проживавший в Париже в течение 28 лет. В протоколах допроса он именуется «столяром-подмастерьем», текст ходатайства Натте и Грайю об освобождении от 4 термидора (22 июля 1794 г.) дает основания думать, что Натте был мелким самостоятельным хозяйчиком¹.

Напуганный своим арестом и, главное, тем, что у него при обыске нашли посланное из тюрьмы письмо Жака Ру, Натте пытается отрицать свою близость к нему. Однако текст найденного у Натте письма Жака Ру показывает, что именно он по поручению уже находившегося в тюрьме Жака Ру ходил к его нотариусу, а допрошенный в качестве свидетеля Масселен утверждает, что Натте много раз бывал у Жака Ру и однажды посетил его в тюрьме². Кроме того, из показаний свидетелей явствует, что Жак Ру часто бывал в гостях у Натте и иногда ужинал у него вместе с Грайю и его женой³. Наконец, именно ему Жак Ру после своего ареста отослал на сохранение свое белье, серебряную посуду и деньги в сумме 2160 ливров⁴. Кстати сказать, по поводу этих денег следствие пыталось утверждать, что Жак Ру якобы

послал их Натте с целью вербовки на них новых членов для его «партии», но обвинение это не могло быть подтверждено какими бы то ни было доказательствами.

Близким к Жаку Ру человеком был и сосед, друг и, возможно, компаньон Натте — Jean Louis Graillot (Грайю), также столяр по профессии. Ему 36 лет, он женат и отец двух детей. По его словам, он познакомился с Жаком Ру в 1792 г., встречался с ним на секционных собраниях, однажды ужинал у него со своей женой, Натте и женой последнего¹, дважды посетил Жака Ру в тюрьме². На вопрос, почему на общих собраниях секции Гравилье он всегда поддерживал Жака Ру, Грайю отвечает, что он делал это лишь подобно большинству членов секции, а если он при этом ошибался, то причиной этого является только то, что он был введен в заблуждение³. Ответ Грайю был, конечно, рассчитан на то, чтобы уйти от ответственности.

Таким же близким к Жаку Ру человеком был Jean Baptiste Duclos (Дюкло), ранее бывший камердинером, а потом очень мелким рантье, годовой доход которого составлял всего 560 ливров. Дюкло был давним сторонником революции. По его словам, он участвовал во взятии Бастилии, в восстании 10 августа 1792 г. и с 1790 г. состоял членом клуба кордельеров. Перед переворотом 31 мая — 2 июня Дюкло являлся представителем секции Гравилье в собрании в Епископстве, а затем был председателем Гражданского комитета своей секции. Дюкло имел образование несколько большее, чем Натте и Грайю, поэтому следствие пыталось изобразить его как «секретаря» не только Натте, но и самого Жака Ру и его «клики». Правда, на допросе Дюкло пытался отрицать свою близость к «красному священнику» и уверял, что никогда не был у него на дому. Но Масселен утверждал, что Натте и Дюкло чаще всего ходили к Жаку

¹ См. *W. Markov*, *Robespierrieten und Jacqueroutins*, S. 202.

² Arch. Nat., F⁷ 4775³ u F⁷ 2486.

³ Arch. Nat., F⁷ 4774³⁶.

⁴ Arch. Nat., F⁷ 4775³ u F⁷ 2486.

¹ Arch. Nat., F⁷ 4775³ u F⁷ 4731, d. Graillot.

² Arch. Nat., F⁷ 4775³.

³ Arch. Nat., F⁷ 4775³, F⁷ 4731.

Ру. Да и сам Дюкло в конце концов признал, что регулярно читал газету Жака Ру и получил разрешение на посещение его в тюрьме один раз в неделю. Не очень твердо звучит и отрицание Дюкло того факта, что именно он являлся составителем проекта резолюции общего собрания секции Гравилье с требованием освобождения Жака Ру. В резолюции говорилось, что секция не может допустить дальнейшего пребывания Жака Ру «в цепях», так как он «не защищал никаких иных... принципов, нежели те, которые разделялись и были одобрены самой секцией»¹.

Текст проекта этой резолюции был найден при обыске у другого сторонника Жака Ру — Jean François Saugé (Соже), семейного 25-летнего человека, по профессии сапожника-подмастерья. Он участвовал во взятии Бастилии и Тюильрийского дворца, 2 сентября и 31 мая «целую ночь находился под ружьем». Соже играл заметную роль среди «жакрутистов». Это видно из того факта, что его жена подписала от имени других женщин коллективное ходатайство об освобождении их мужей, поданное 13 жерминаля II года Республики (2 апреля 1794 г.) в Комитет общественного спасения женами Соже, Грайо, Натте, Бурбона, Боске, Филиппа, Дюкло и Мишо. Во время следствия Соже утверждал, что на общих собраниях секции поддерживал выступления Жака Ру потому, что считал их правильными².

По словам сапожника Jacques Bourbon (Бурбона), 12 июля 1789 г. он «первым взялся за оружие», а затем «забросил свои дела, чтобы заняться общественным спасением». Бурбон признавал, что однажды пил с Жаком Ру пиво, а другой раз зашел к нему домой, чтобы взять ружье. В противоположность этому Масселен показывал, что он часто видел Бурбона у Жака Ру. Однако, каковы бы ни были личные связи между ними, о согласии Бурбона с политическими взглядами Жака Ру достаточно ясно говорит

высказанное им возмущение по поводу того, что Комитет общей безопасности «арестовывает рабочих»¹.

В таком же духе высказывался и Jacques Bosquet (Боске), заявлявший, что производимые в силу закона о «подозрительных» аресты совершаются людьми, которые в свое время не смогли сломить патриотов силой оружия. Боске когда-то был кузнецом, но последние 12 лет являлся виноторговцем и хозяином постоялого двора. Несмотря на свои 55 лет, как «активный» гражданин он с самого начала революции служил в национальной гвардии и имел какое-то столкновение с Лафайеттом. Связи с Жаком Ру он не отрицал².

Сторонник Жака Ру Jacques Nodau или Nodot (Нодо), токарь-подмастерье, отец шестерых малолетних детей, признавал, что был у него на дому в день представления петиции 25 июня 1793 г., встречался с ним и один раз получил от него письмо из тюрьмы³.

Среди лиц, отнесенных революционным комитетом секции Гравилье к числу «жакрутистов», имелся и один интеллигент — врач (*chirurgien*) Nicolas Menin Michaud (Мишо). Правда, сам он твердо отрицал всякую связь с Жаком Ру и его сторонниками, но имеющиеся данные показывают, что на общих собраниях секции Гравилье он неоднократно поддерживал «жакрутистов»⁴.

Сторонниками Жака Ру, несомненно, являлись оружейник (*armurier*) Le Dreux, арестованный и представший перед трибуналом исправительной полиции вместе с ним; столяр Albert Alexandre Guilmaut, некий Etienne Philippe и др.⁵

Как видит читатель, все сторонники Жака Ру, не считая интеллигента Мишо, были либо рабочими

¹ *W. Markov*, *Robespierrieten und Jacqueroutins*, S. 204—205.

² Там же, стр. 205—206.

¹ См. *W. Markov*, *Robespierrieten und Jacqueroutins*, S. 208.

² Там же, стр. 207—208.

³ Arch. Nat., F⁷ 4775³.

⁴ *W. Markov*, *Robespierrieten und Jacqueroutins*, S. 207,

⁵ Arch. Nat., W²⁰.

и ремесленниками, либо принадлежали к низам мелкой буржуазии, т. е. целиком и полностью могут быть отнесены к категории «плебеев».

Сказать о том, как они были организованы в работе, в борьбе, пока не представляется возможным.

Ясно, что одной из главных причин поражения «бешеных» явилось отсутствие организации их сил, в то время, как противник был организован, обладал силой закона, армии, полиции, суда и других органов, в которых у «бешеных» почти совсем не было своих представителей. Главное же заключалось в том, что движение «бешеных» имело место в эпоху, когда, по выражению Энгельса, речь могла идти только о создании «полной противоположности» «плебейскому пониманию революционных лозунгов» буржуазии.

Прямым результатом этой внутренней противоречивости является ряд характерных для последнего этапа деятельности «бешеных» серьезных срывов (в частности, непонимание ими необходимости революционной диктатуры и революционного террора). Эти срывы можно объяснить и оправдать имевшимся в то время соотношением классовых сил. Но вместе с тем приходится признать, что они объективно шли во вред революции. Такое противоречие в движении «бешеных» объясняется тем, что буржуазия боролась с феодально-абсолютистским строем лишь с целью замены его строем буржуазно-капиталистическим, а плебейские массы стремились, хотя и бессознательно, к *уничтожению всякой*, а не только феодальной *эксплуатации*. Вот в этом-то именно и заключалось отличие того плебейского понимания равенства и братства, о котором говорит Энгельс в своем письме к Каутскому от 20 февраля 1889 г., от буржуазного их понимания. Но все дело в том, что «эти *плебейские* равенство и братство могли быть только мечтой в такое время, когда дело шло о том, чтобы создать нечто *прямо противоположное* им», и что «как всегда, по иронии истории, *плебейское* понимание революционных лозунгов стало самым мощным рычагом осуществления своей противоположности —

буржуазного равенства—перед законом — и братства — в эксплуатации»¹.

В исторических условиях Франции XVIII в. еще не было предпосылок для победы социализма и плебейские массы могли только расчищать путь для буржуазии².

Наконец, подведем итоги, обратимся к вопросу о том, какое историческое значение имели движение «бешеных» и деятельность Жака Ру, Жана Варле, Теофиля Леклера и Клэр Лакомб? Каково их место в истории?

Историческое значение движения «бешеных»

Место «бешеных» в истории определил К- Маркс словами, которые поставлены эпитафией к данной работе.

Революционное движение «бешеных» вместе с заговором Бабёфа породило коммунистическую идею, которая при дальнейшей последовательной разработке стала идеей нового мирового порядка, воплощенного в победоносном строительстве коммунизма в СССР, в успехах развития всего социалистического лагеря.

«Бешеные» первыми дали критику буржуазной демократии и попытались определить характер демократии народной.

Идя во главе движения, требовавшего смелого государственного вмешательства в свободную игру экономических сил, «бешеные» вступали в решительное столкновение с интересами и политикой жирондистов и якобинцев. Вплоть до выступления Бабёфа, они были самым революционным из всех течений революции, толкали якобинцев влево, в сторону союза с плебейскими элементами города и крестьянской беднотой.

¹ К.Маркс, Ф.Энгельс, Избранные письма, стр. 408.

² См. К.Маркс, Морализирующая критика и критицизирующая мораль (К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.4, стр.299).

Городские плебейские массы наряду с многомиллионным крестьянством являлись основной движущей силой всей Великой французской буржуазной революции.

Исторический опыт движения народных масс периода Великой французской революции не утратил своего значения и для наших дней. Французский народ свято хранит в памяти события конца XVIII в. и в уроках прошлого черпает силу и уверенность для борьбы за свободу и независимость своей родины, за решение национальных задач.